

ТРЕХСОТЛЕТІЕ ДОУДА РОУНОНОРЬІХ 1613-1913

ТРЕХСОТЛЕТІЕ
ДОУДА РОУНОНОРЬІХ
1613-1913

ТРЕХСОТЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ

1613—1913

Репринтное воспроизведение юбилейного издания 1913 года

МОСКВА
«СОВРЕМЕННОК»
1991

СОВМЕСТНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
LEXICA®

ББК 63.3(2)
Т66

**Трехсотлетие Дома Романовых. 1613—1913: Репринтное
Т66 воспроизведение юбилейного издания 1913 года.— М.: Современник, 1991.—320 с.**

ISBN 5—270—01445—9

Книга «Трехсотлетие Дома Романовых» — репринтное воспроизведение дореволюционного издания. Первое издание после 1917 года.

В ней собраны очерки известных русских историков — В. Ключевского, Н. Карамзина, Н. Костомарова и других — о развитии России на протяжении трех веков, о династии Романовых.

Т 4702010100—069 — Без объявл.
М106(03)—91

ББК 63.3(2)

ISBN 5—270—01445—9

© Оформление, Издательство «Современник», 1990

ТРЕХСОТЛѢТІЕ

1613—1913

ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

съ 124 иллюстраціями.

Изданіе Товарищества
А. М. Сетрѣумова
Москва.

МОСКВА.—1913.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевский пер., д. 5.

Настоящіе очерки имѣють цѣлю дать читателямъ, въ доступномъ изложеніи, краткія характеристики личностей государей и государынь изъ Дома Романовыхъ, въ связи съ описаніемъ главнѣйшихъ событій, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ русской государственной жизни за послѣдніе три вѣка. Спорныхъ вопросовъ русской исторіи, составляющихъ до настоящаго времени предметъ разногласія между учеными-специалистами, очерки совершенно не затрагиваютъ, а также не вдаются и въ подробный разборъ государственной дѣятельности царствовавшихъ монарховъ.

Приложенныя къ тексту многочисленныя иллюстраціи заимствованы изъ двухъ источниковъ:

1) портреты государей, государынь и ихъ сотрудниковъ по управленію, а также портреты различныхъ выдающихся въ русской исторіи лицъ, жившихъ въ то или другое царствованіе, исполнены главнымъ образомъ съ гравюръ и художественныхъ литографій, любезно предоставленныхъ коллекціонеромъ-любителемъ **С. П. Виноградовымъ**, которому издатели безконечно благодарны за оказанное въ высшей степени цѣнное содѣйствіе работъ;

2) остальные иллюстраціи воспроизведены частью съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, писавшихъ на истори-

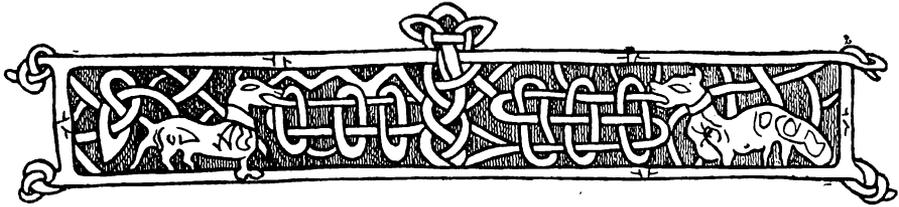
ческія темы (Рѣпинъ, Суриковъ, Ге, Перовъ, Шварцъ, Лансере, Маковскій, Мясоѣдовъ, Якоби, Лебедевъ, Литовченко, Милорадовичъ и Яковлевъ), частью съ гравюръ, рисунковъ, эстамповъ и проч., собранныхъ изъ различныхъ историческихъ изданій, наиболѣе цѣнныхъ съ художественной стороны.

Очерки не представляютъ какого-либо самостоятельнаго изслѣдованія по русской исторіи — они составлены всецѣло по работамъ наиболѣе извѣстныхъ специалистовъ-ученыхъ, какъ проф. Ключевскій, Платоновъ, Костомаровъ, Соловьевъ, Забѣлинъ, Чечулинъ и мн. др.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	VII
Михаилъ Θεодоровичъ	3
Алексѣй Михайловичъ	25
Θеодоръ Алексѣевичъ	67
Преѣмники Θεодора Алексѣевича	82
Петръ I Великій	99
Екатерина I Алексѣевна	159
Петръ II Алексѣевичъ	165
Анна I Іоанновна	175
Іоаннъ VI Антоновичъ	187
Елисавета Петровна	197
Петръ III Θεодоровичъ	215
Екатерина II Великая	221
Павель Петровичъ	243
Александръ I Павловичъ	253
Николай I Павловичъ	267
Александръ II Николаевичъ	285
Александръ III Александровичъ	299

ВВЕДЕНИЕ.

21-го февраля 1913 года Россія праздновала трехсотлѣтіе царствованія Дома Романовыхъ. 300 лѣтъ тому назадъ, 21-го февраля 1613 года, на московскій престоль былъ избранъ шестнадцатилѣтній бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, которому суждено было стать родоначальникомъ новой династїи. Это избраніе явилось слѣдствіемъ цѣлаго ряда событій русской государственной жизни, наступившихъ со смертью послѣдняго потомка московскаго князя Ивана Калиты—царя Ѳеодора Иоанновича.

Сынъ Иоанна Грознаго, царь Ѳеодоръ, скончался (5 января 1598 года), не оставивъ наслѣдника. Съ его смертью пресѣкъся царственный родъ Ивана Калиты, вышедшій изъ династїи Рюрика, тотъ родъ, который создалъ московское государство и въ теченіе трехъ столѣтій непрерывно возвышалъ его. Преданіе рассказываетъ, что уже на смертномъ одрѣ царь Ѳеодоръ совѣщался съ придворными боярами о томъ, кому быть послѣ него русскимъ государемъ, и протянулъ скипетръ своему родственнику, боярину Ѳеодору Никитичу Романову. Послѣдній съ поклономъ передалъ скипетръ своему сосѣду, тотъ своему, и т. д. Никто не осмѣливался оставить скипетръ у себя, и всѣ смущенно передавали этотъ символъ верховной власти изъ рукъ въ руки. Но когда очередь дошла до шурина умирающаго царя, боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова, онъ поспѣшно взялъ скипетръ изъ рукъ своего сосѣда и уже не передавалъ его дальше. Дѣйствительно, послѣ Ѳеодора Иоанно-

вича царская власть перешла къ Борису Годунову, но не по выбору самого царя Ѳеодора и не захватнымъ путемъ, а инымъ образомъ.

Борисъ Годуновъ возвысился еще при Іоаннѣ IV, хотя и умѣлъ держать себя въ теченіе этого тяжелаго царствованія такъ искусно, что народная ненависть къ опричникамъ и всякимъ другимъ „лиходѣямъ“, близкимъ къ „грозному“ царю, миновала его. А при болѣзненномъ и удалявшемся отъ государственныхъ дѣлъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Годуновѣ сдѣлался даже фактическимъ правителемъ государства: его близкое родство съ царемъ, женатомъ на Иринѣ Ѳеодоровнѣ, сестрѣ Бориса, и личныя способности доставили ему положеніе „властодержавнаго правителя россійскаго царствія“. У него заискивали иноземные послы, прїѣзжавшіе въ Москву; по его слову рѣшались всѣ вопросы внутренней государственной жизни.

Когда царь Ѳеодоръ умеръ, Москва признала царскую власть за вдовствующей царицей. Но Ирина Ѳеодоровна скоро удалилась въ Новодѣвичій монастырь и постриглась въ монахини. Такимъ образомъ верховная власть перешла фактически въ руки ея брата, Бориса. Послѣднему оставалось только законнымъ путемъ оформить это положеніе: сдѣлаться и по имени тѣмъ, къмъ онъ уже давно былъ въ дѣйствительности. 17 февраля 1598 года Земскій Соборъ, надлежащимъ образомъ подготовленный Борисомъ, избралъ его на царство.

Начало царствованія Годунова оставило по себѣ добрую память въ народѣ. Новый царь былъ покровителемъ и защитникомъ „нищихъ, вдовъ и сиротъ убогихъ“, щедрой рукой оказывалъ помощь пострадавшимъ отъ голода и пожаровъ. Нерѣдко онъ освобождалъ многія мѣстности отъ податей на три, пять и болѣе лѣтъ. При немъ высоко поднялась русская торговля, совершенно упавшая при Іоаннѣ IV; приняты были мѣры къ огражденію безопасности путей сообщенія, къ устраненію произвола мѣстныхъ властей и разнаго рода притѣсненій населенія и злоупотребленій со стороны ихъ. Внѣшняя политика была проникнута миролюбіемъ. Хотя самъ онъ былъ совершенно необразованнымъ человѣкомъ, однако посылалъ молодыхъ людей учиться за границу, а своему сыну далъ очень хорошее по тому времени образованіе.

Мудрое правленіе Годунова не могло однако предотвратить тѣхъ тяжкихъ испытаній, которымъ Россія стала подвергаться начиная съ 1601 года.

Въ 1601 году страну охватилъ, вслѣдствіе полнаго неурожая, ужасный голодъ. Люди питались травой, сѣномъ и даже трупами животныхъ и людей. Борисъ объявилъ народу бесплатную раздачу хлѣба въ Москвѣ. Но эта мѣра, благая по цѣли, принесла только вредъ: въ Москву собралось много людей, которые съ трудомъ могли бы прокормиться и дома; поэтому царской милостыни, конечно, не хватило на всѣхъ. За голодомъ послѣдовали разныя болѣзни, отъ которыхъ въ одной только Москвѣ умерло около 130,000 человѣкъ. Жизнь государства была потрясена до основанія.

Урожай 1604 года прекратилъ голодъ, но не могъ устранить одного изъ главнѣйшихъ его послѣдствій — разбоевъ. Въ голодные годы крестьяне, спасая себя отъ смерти, образовали многочисленныя шайки грабителей. Большинство членовъ такихъ шайекъ состояло изъ холоповъ, выгнанныхъ во время голода своими господами. Къ холопамъ примыкали свободные, которыхъ голодъ заставилъ тоже пренебречь законнымъ добываніемъ средствъ къ существованію. Шайки такихъ грабителей разбрелись по всей Руси; многія изъ нихъ бродили даже подъ самой Москвой, такъ что Борисъ былъ вынужденъ нѣсколько разъ высылать противъ нихъ войска. Этимъ шайкамъ вскорѣ пришлось сыграть важную политическую роль: на нихъ оперлись самозванцы, цѣлый рядъ которыхъ промелькнулъ въ началѣ XVII вѣка въ теченіе всего лѣтъ десяти.

Еще въ 1601 году въ Москвѣ появился слухъ, что царевичъ Димитрій, сынъ Иоанна IV-го, спасся отъ убійцъ, посланныхъ будто бы Годуновымъ въ Угличъ, и скрывается въ Польшѣ. Появленіе Димитрія, потомка прежней династіи, къ которой русскій народъ издавна привыкъ, неизбѣжно поколебало бы положеніе Бориса, если бы только Димитрій дѣйствительно былъ живъ. Поэтому, несмотря на свою увѣренность въ кончинѣ царевича, Борисъ Годуновъ былъ сильно встревоженъ этимъ слухомъ. Онъ сразу понялъ, что рассказы о спасеніи Димитрія отъ смерти направлены прежде всего противъ него, являясь плодомъ интригъ ненавидѣвшихъ его бояръ. Такъ и

было въ дѣйствительности. Василій Ивановичъ Шуйскій въ послѣдствіи прямо говорилъ, что бояре признали самозванца только для того, чтобы избавиться отъ Бориса. Въ свое время они не могли помѣшать Борису занять царскій престолъ, не могли также бороться съ Борисомъ-царемъ, такъ какъ онъ былъ сильнѣе боярства. Но они понимали, что старая династія Ивана Калиты въ глазахъ народа гораздо выше Бориса. Поэтому они рѣшили свергнуть Годунова во имя прежней династіи, въ лицѣ ея послѣдняго представителя—царевича Димитрія.

Какъ только слухи объ этой интригѣ дошли до Бориса, на многихъ боярѣ посыпались тяжкія опалы. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что, пытая и ссылая множество заподозрѣнныхъ лицъ, Борисъ почти не прибѣгалъ къ смертнымъ казнямъ, хотя дѣло было для него очень серьезнымъ. Въ это время были отправлены въ ссылку Бѣльскій, Романовы, Черкасскіе, Сицкіе, Шестуновы, Рѣпнины, Карповы и др.

Затѣмъ Борисъ объявилъ народу, что царевичъ Димитрій скончался, и самозванецъ, именующій себя Димитріемъ, не кто иной, какъ Григорій Отрепьевъ, бѣглый монахъ московскаго Чудова монастыря. Лѣтомъ 1604 года Борисъ отправилъ въ Польшу родного дядю самозванца, Смирного-Отрепьева, чтобы онъ при личномъ свиданіи съ племянникомъ изобличилъ послѣдняго въ самозванствѣ. Но поляки не допустили этого свиданія.

Дѣйствительно ли самозванцемъ былъ монахъ Григорій Отрепьевъ—въ исторіи это вопросъ спорный. Большинство русскихъ историковъ признаетъ, правда, въ немъ Григорія Отрепьева. Но Костомаровъ говоритъ, что ничего точнаго не извѣстно о его личности, а проф. Иконниковъ считаетъ даже такъ называемаго „Лжедимитрія I“ настоящимъ Димитріемъ, сыномъ Іоанна Грознаго. Нѣкоторые историки высказываютъ мнѣніе, что хотя въ Москвѣ къ самозванству и готовили Отрепьева, но царствовалъ не онъ, а неизвѣстное лицо, подмѣненное въ Польшѣ іезуитами. Отрепьевъ будто бы только пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ, но потомъ за пьянство былъ сосланъ имъ. Кѣмъ бы ни былъ загадочный человѣкъ, царствовавшій въ Россіи подъ именемъ Димитрія, онъ, по многимъ признакамъ, и самъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Сравнительно быстро онъ заставилъ повѣрить въ это и русскій народъ. По-

ляки же, которымъ онъ былъ обязанъ достиженіемъ русскаго престола, врядъ ли вѣрили въ его происхожденіе отъ Іоанна Грознаго. Такъ, напримѣръ, канцлеръ и гетманъ Янъ Замойскій, выслушавъ разказъ о приключеніяхъ мнимаго царевича, съ явнымъ недоувѣріемъ произнесъ:

— Это какая-то римская комедія, что ли?..

Однако самозванецъ былъ нуженъ польскому правительству, какъ хорошее средство для ослабленія Россіи, а польское духовенство надѣялось начать съ его помощью распространеніе католичества среди русскихъ. Польскіе же авантюристы, явившіеся подъ знамена самозванца, готовы были драться за всякаго, кто только могъ хорошо заплатить или дать пограбить. Поэтому у самозванца скоро собрались довольно значительныя военныя силы, съ которыми онъ и двинулся въ походъ противъ Бориса, для полученія „прародительскаго престола“.

Вступивъ въ русскіе предѣлы, самозванецъ сталъ разсылать по городамъ гонцовъ съ грамотами, излагавшими исторію его спасенія отъ смерти и призывавшими всѣхъ русскихъ стать подъ его знамена для борьбы съ Борисомъ, который незаконно „владѣетъ русскимъ царствомъ“. Населеніе очень довѣрчиво отнеслось къ этимъ грамотамъ: одинъ за другимъ города стали переходить къ самозванцу, и движеніе его во главѣ войскъ къ Москвѣ скоро начало походить на триумфальное шествіе законнаго государя.

Борисъ выслалъ противъ самозванца войска. Но московскіе воеводы дѣйствовали все время очень вяло и неискусно. Даже когда имъ удалось (30 янв. 1605 года) нанести самозванцу рѣшительное пораженіе около Добрыничъ, они не сумѣли воспользоваться своей побѣдой, и дали самозванцу возможность бѣжать съ остатками разбитаго войска въ Путивль. Тамъ онъ скоро опять собралъ вокругъ себя много казаковъ и военно-служилыхъ людей изъ перешедшихъ на его сторону городовъ. Съ этимъ сбродомъ онъ хотѣлъ идти на выручку признавшаго его города Кромъ, осажденнаго большимъ отрядомъ московскихъ войскъ подъ начальствомъ боярина Шереметева. Неизвѣстно, чѣмъ окончилось бы это предпріятіе самозванца, если бы ему не помогли обстоятельства: 13 апрѣля 1605 года Борисъ скоропостижно скончался.

Москва присягнула 16-лѣтнему сыну Бориса, Феодору Годунову. Было отправлено подъ Кромь особое посольство для приведенія осаждавшаго этотъ городъ войска къ присягѣ новому государю. Войско тоже присягнуло. Но скоро въ немъ обнаружилась измѣна. Князья Василій и Иванъ Голицыны, Михаилъ Салтыковъ, Петръ Басмановъ, братья Ляпуновы и другіе главные военачальники перешли на сторону самозванца. Увлеченные ими полки тоже нарушили присягу, данную новому царю, и перешли къ Лжедмитрію.

Съ этими новыми подкрѣпленіями самозванецъ двинулся изъ Путивля къ Москвѣ. Всюду по пути его встрѣчали какъ законнаго государя. 1-го іюня въ Москву явились отъ него Плещеевъ и Пушкинъ, собрали народъ и читали ему грамоту, въ которой рассказывалась вся исторія царевича — его спасеніе отъ смерти, его пребываніе въ Польшѣ и походъ въ столицу. Народъ не зналъ, чему вѣрить, и вызвалъ на Красную площадь Василя Шуйскаго, который велъ слѣдственное дѣло объ убійствѣ Дмитрія. Шуйскій явился и увѣрилъ всѣхъ, что Борисъ дѣйствительно посылалъ въ Угличъ людей убить Дмитрія, но послѣдній спасся, а убить былъ поповскій сынъ. Услышавъ это, толпа бросилась съ Красной площади въ Кремль, схватила царя Феодора вмѣстѣ со всѣми его родственниками и перевела ихъ въ старый боярскій домъ Годуновыхъ. Черезъ десять дней отъ самозванца пріѣхали въ Москву князья Голицыны и Мосальскій съ тѣмъ, чтобы „покончить“ съ Годуновыми. Они задушили царя Феодора, его мать и Семена Годунова, а остальныхъ родственниковъ Бориса отправили въ изгнаніе.

20 іюня 1605 года Лжедмитрій торжественно вступилъ въ Москву. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Архангельскій соборъ, гдѣ былъ похороненъ Іоаннъ Грозный, и горько плакалъ надъ его гробницей. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ вернулъ изъ ссылки своихъ мнимыхъ родственниковъ, попавшихъ въ опалу при Годуновѣ, Нагихъ и Романовыхъ, щедро осыпавъ ихъ милостями. Въ концѣ іюля пріѣхала въ Москву царица Марія Феодоровна Нагая, мнимая мать самозванца. Произошла трогательная встрѣча. Лжедмитрій держалъ себя съ ней какъ нѣжный сынъ, а царица встрѣтила его какъ любящая мать. Самозванецъ, повидимому, искренно считалъ ее своей родительницей.

Московское населеніе сначала было въ восторгѣ отъ новаго царя. Но вскорѣ отношенія между Лжедмитріемъ и народомъ стали ухудшаться. Русскіе люди съ удивленіемъ замѣчали, что царь совсѣмъ не похожъ на прежнихъ царей: не посѣщаетъ храмовъ, не спитъ послѣ обѣда, запросто бродитъ по Москвѣ, одѣвается по-польски, водится исключительно съ поляками, пляшетъ на придворныхъ вечерахъ и маскарадахъ, нарушаетъ посты, не кладетъ поклоновъ и т. д. Бояре были обижены тѣмъ, что царь предпочитаетъ имъ иноземцевъ, называетъ ихъ невѣждами и т. п. Народное недовольство вызывали больше всего окружавшіе царя поляки. Они держали себя въ Москвѣ, какъ въ завоеванномъ городѣ, и оскорбляли на каждомъ шагу щепетильное національное чувство московскихъ жителей: входили въ церковь въ шапкахъ, нерѣдко съ собаками, громко болтали тамъ, смѣялись. Русскимъ женщинамъ небезопасно было показываться на улицахъ города. Высшее русское духовенство тоже было недовольно равнодушіемъ царя къ православной церкви. Кромѣ того, оно упорно не соглашалось на бракъ царя съ католичкой Мариной Мнишекъ. Лишь съ большимъ трудомъ патріарху Игнатію удалось уговорить архіереевъ согласиться на присоединеніе Марины Мнишекъ къ православной церкви не черезъ крещеніе, а только черезъ миропомазаніе и причащеніе по православному обряду.

Всѣ эти обстоятельства вызывали глухое броженіе въ народѣ и среди бояръ, вскорѣ перешедшее въ заговоръ противъ самозванца. Заговорщики вышли изъ той самой среды, которая „воскресила царевича Дмитрія“—изъ боярства. Во главѣ ихъ сталъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Въ мартѣ 1606 года броженіе проявилось и среди московскихъ стрѣльцовъ, которые кричали, что царь „разоряетъ православную вѣру“. Приѣздъ Марины Мнишекъ въ Москву для бракосочетанія съ царемъ послужилъ удобнымъ моментомъ для сверженія самозванца.

Невѣста царя приѣхала съ двухтысячнымъ отрядомъ вооруженныхъ поляковъ. Тотчасъ же въ Москвѣ начались ослѣпительныя, никогда до тѣхъ поръ не виданныя торжества. 8-го мая Марина была коронована, а затѣмъ обвинена съ Лжедмитріемъ. Царь и царица среди развлеченій забыли все на свѣтѣ. Но надъ ихъ головами уже собралась гроза.

Въ ночь съ 16 на 17 мая Шуйскіе ввели въ столицу 18,000 преданнаго имъ войска. На разсвѣтѣ заговорщики въ разныхъ частяхъ города ударили въ набатъ. Народъ высыпалъ на улицу. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: „Въ Кремлѣ пожаръ!“... „Поляки хотятъ перебить бояръ!“.... „Долой самозванца!“...

Василій Шуйскій съ 200 бояръ и дворянъ бросился въ Кремль. Толпа кинулась за нимъ. Заговорщики проникли во дворець. Лжедмитрій думалъ спастись бѣгствомъ, и выпрыгнулъ изъ окна во дворъ. Но прыжокъ оказался неудачнымъ: самозванецъ сломалъ ногу. Его схватили и унесли во дворець, гдѣ и убили. Марину же спасли отъ смерти ея фрейлины. Изъ Кремля народъ разсыпался по всей Москвѣ и сталъ избивать и грабить ненавистныхъ поляковъ. Жертвой народнаго гнѣва пало до 3000 поляковъ и русскихъ, сочувствовавшихъ имъ или дружившихъ съ ними.

Такъ окончилось одиннадцатимѣсячное царствованіе того, о комъ Костомаровъ сказалъ: „Димитрій уничтожилъ Годуновыхъ и самъ исчезъ какъ призракъ, оставивъ за собою страшную пропасть, чуть было не поглотившую московское государство“.

На третій день послѣ убійства Лжедмитрія народъ опять собрался на Красной площади, и здѣсь Василій Шуйскій, по выраженію одного современника, былъ „выкрикнуть въ цари своими добротами“. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ Шуйскій разослалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ доказывалъ самозванство убитаго царя и свои права на московскій престолъ, доставшійся ему, какъ онъ писалъ, по избранію, а не захватомъ власти. 3-го же іюня были перенесены изъ Углича въ Москву мощи царевича Димитрія и торжественно положены въ Архангельскомъ соборѣ. Мать царевича всенародно покаялась, что тяжко согрѣшила, признавъ самозванца своимъ сыномъ. Перенесеніе мощей царевича Димитрія должно было увѣрить всѣхъ въ самозванствѣ свергнутаго царя.

Однако не всѣ повѣрили. Въ южныхъ областяхъ государства распространились слухи, что царь Димитрій спасся отъ убійцъ, посланныхъ Шуйскимъ, и въ народѣ возникло движеніе въ его пользу. Населеніе многихъ южныхъ городов отказалось признать Шуйскаго царемъ, и стало готовиться къ походу на Москву для изгнанія его и возвращенія престола

Димитрію. Холопъ князя Телятевскаго, Иванъ Болотниковъ, собралъ огромныя полчища всякаго сброда и двинулся съ ними на Москву, во имя Димитрія, котораго онъ будто бы видѣлъ живымъ въ Польшѣ. Чтобы привлечь на свою сторону народъ, Болотниковъ въ своихъ грамотахъ призывалъ крестьянъ къ грабежу дворянскихъ вотчинъ и помѣстій, къ избіенію воеводъ, дьяковъ и торговыхъ людей. Во многихъ мѣстахъ къ Болотникову пристали и войска. Въ то же время почти всѣ города возстали противъ Шуйскаго. Только послѣ упорной борьбы царю удалось справиться съ возстаніемъ, Въ октябрѣ 1607 года Болотниковъ былъ разбитъ царскими войсками подъ Тулой и взятъ въ плѣнъ. Послѣ этой побѣды Шуйскій распустилъ войска по домамъ, думая, что возстаніе усмирено. Однако онъ жестоко ошибся.

Въ октябрѣ того же года появился въ Стародубѣ (Черниг. губ.) новый мнимый Димитрій Іоанновичъ. Къ нему примкнули остатки разбитыхъ подъ Тулой полчищъ Болотникова, съ которыми онъ и дошелъ до Орла. Здѣсь къ нему присоединилось нѣсколько тысячъ поляковъ, побуждаемыхъ отчасти желаніемъ отомстить за смерть своихъ соотечественниковъ, погибшихъ вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ въ Москвѣ, отчасти стремленіемъ къ наживѣ и приключеніямъ. У новаго самозванца оказалось войска даже больше, чѣмъ у перваго. Весной 1608 года онъ двинулся изъ Орла на сѣверъ и въ іюнѣ подошелъ къ Москвѣ, ставъ лагерь въ селѣ Тушинѣ (въ 12 верстахъ къ западу отъ Москвы). Его армія непрерывно увеличивалась. Кромѣ разнаго собиравшагося въ Тушино сброда, Янъ Сапѣга привелъ съ собой изъ Польши 7.000 человекъ. Въ общемъ войско втораго Лжедимитрія скоро дошло до 100.000 человекъ. Съ этими силами онъ попытался было взять Москву приступомъ, но потерпѣлъ неудачу, и рѣшилъ начать осаду столицы. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы отрѣзать Москву отъ сообщенія съ другими областями государства, а эти послѣднія постепенно подчинить себѣ; тогда столица пала бы сама собой. Южныя области, за исключеніемъ Рязанской земли, уже признали его. Самозванецъ рѣшилъ подчинить себѣ также сѣверныя области, и отправилъ для этого большой отрядъ подъ начальствомъ поляка Лисовскаго.

Отрядъ Лисовскаго взялъ городъ Дмитровъ (въ 70 верстахъ отъ Москвы) и 23 сентября 1608 года подошелъ къ Троице-Сергіевой лаврѣ, чтобы завладѣть и ею. Но обитель преподобнаго Сергія въ теченіе 16 мѣсяцевъ героически отражала приступы враговъ. Пока шла осада лавры, войска новаго Лжедмитрія, или, какъ его тогда называли русскіе люди, „Тушинскаго вора“, овладѣли громадной территоріей. Изъ крупнѣйшихъ городовъ только Смоленскъ, Новгородъ и Нижній-Новгородъ не подчинились „вору“. Положеніе государства было крайне опаснымъ. Волновались инородцы, крестьяне, мелкіе горожане. „Народъ“,—по словамъ проф. Платонова,—„рѣшительно не зналъ, вѣрить ли новому самозванцу, котораго признала даже и Марина Мнишекъ, или же остаться при Шуйскомъ, котораго не за что было любить“.

Шуйскій не могъ собственными силами справиться съ самозванцемъ, и рѣшилъ обратиться къ иноземной помощи. Въ 1609 году онъ заключилъ союзъ съ шведскимъ королемъ Карломъ IX-мъ, который прислалъ въ Россію вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Делагарди. Племянникъ царя, Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій, соединился съ Делагарди и двинулся отъ Новгорода къ Москвѣ, очищая по дорогѣ области отъ тушинскихъ шаекъ. Походъ Шуйскаго и Делагарди былъ очень успѣшенъ. Но въ это время на Западѣ появилась новая гроза для государства: польскій король Сигизмундъ, домогавшійся шведскаго престола, узнавъ о союзѣ Карла съ Шуйскимъ, счелъ себя врагомъ послѣдняго, и осадилъ Смоленскъ. Оттуда онъ отправилъ въ Тушино посольство сообщить полякамъ, что имъ приличнѣе служить своему королю, нежели самозванцу. Значительное число поляковъ послушалось короля и отправилось къ нему въ Смоленскъ. Въ Тушинѣ произошелъ расколъ. Поляки открыто насмѣхались надъ самозванцемъ и разоблачали его обманъ. При такихъ обстоятельствахъ „Тушинскій воръ“ рѣшилъ оставить Москву и уйти въ Калугу, куда и прибылъ въ концѣ 1609 года.

Король Сигизмундъ объявилъ себя претендентомъ и на русскій престолъ. Его домогательства нашли поддержку среди московскихъ бояръ, жившихъ въ Тушинѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ польскимъ королемъ тушинскіе бояре предложили

русскій престоль сыну Сигизмунда, королевичу Владиславу, но подъ условіемъ ограниченія самодержавной власти. 4 февраля 1610 года Сигизмундъ принялъ это предложеніе, но осуществленіе его отложилъ до взятія Смоленска.

Тѣмъ временемъ князь М. П. Скопинъ-Шуйскій и Делгарди дѣятельно готовились къ походу противъ польскаго короля. Но въ самый разгаръ этихъ приготовленій неожиданное горе постигло русскую землю: молодой герой, Скопинъ-Шуйскій, надежда Россіи, скончался. Послѣ его смерти, очень загадочной по обстоятельствамъ, главное начальство надъ войсками было поручено князю Димитрію Шуйскому. Скоро этотъ бездарный воевода былъ на голову разбитъ при селѣ Клушинѣ (24 іюня 1610 года) литовскимъ гетманомъ Жолкевскимъ. Послѣ этого пораженія русскихъ войскъ, союзникъ Делгарди былъ вынужденъ отступить къ Новгороду, и царь Василій Шуйскій остался совсѣмъ безъ арміи.

Нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, Жолкевскій быстро двинулся къ Москвѣ, приводя всѣ города, лежавшіе на пути, къ присягѣ Владиславу. Одновременно съ нимъ Лжедимитрій II, „Тушинскій воръ“, тоже двинулся изъ Калуги къ Москвѣ и черезъ нѣсколько дней остановился лагеремъ въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. У Шуйскаго не было ни арміи для борьбы съ „воромъ“ и Сигизмундомъ ни преданности и вліянія среди собственныхъ подданныхъ. Поэтому его паденіе стало неизбѣжнымъ. И дѣйствительно, 17 іюля 1610 года онъ былъ свергнутъ съ престола и постриженъ въ монахи. А черезъ недѣлю (24 іюля) Жолкевскій подошелъ уже къ самой Москвѣ.

Такимъ образомъ, русское государство опять осталось безъ царя. Среди боярства шла усиленная борьба изъ-за кандидатовъ на престоль. Кое-какъ собранный Земскій Соборъ избралъ на московскій престоль, несмотря на рѣзкіе протесты патріарха Гермогена и другихъ, польскаго королевича Владислава. 17 августа Москва присягнула новому царю. „Тушинскій воръ“, узнавъ о недовольствѣ духовенства и простого народа избраніемъ Владислава, пытался было склонить ихъ на свою сторону, но безуспѣшно. Вскорѣ Жолкевскій вошелъ со своими войсками въ Москву, и Лжедимитрій бѣжалъ съ Мариной Мнишекъ опять въ Калугу.

Расположившись въ Москвѣ, Жолкевскій отправилъ къ Владиславу въ Смоленскъ большое посольство, во главѣ котораго поставилъ самыхъ видныхъ лицъ государства: ростовскаго митрополита Филарета Никитича Романова и князя В. В. Голицына. Прибывъ къ Сигизмунду, посольство скоро увидѣло, что поляки обманули русскихъ: они отказались пустить Владислава въ Москву и предложили избрать царемъ его отца, короля Сигизмунда. Послы поняли также, что Владиславъ — подставное лицо, и что король и польскіе паны хотятъ вполне подчинить Россію Польшѣ. Объ этихъ планахъ поляковъ посольство тотчасъ же извѣстило населеніе Москвы.

На защиту Россіи первымъ сталъ патріархъ Гермогенъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о присягѣ Сигизмунду и отказался подписать боярскую грамоту объ этомъ, отправленную посламъ подъ Смоленскъ. Угрозы Гонсѣвскаго и Михаила Салтыкова не подѣйствовали на него. Въ половинѣ декабря 1610 года онъ сталъ разсылать по городамъ грамоты, въ которыхъ разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и призывалъ всѣхъ русскихъ людей идти на освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

На призывъ патріарха Гермогена откликнулись города Рязань, Нижній, Ярославль, Суздаль, Владиміръ, Кострома и нѣкоторые другіе по верхнему и среднему теченію Волги и ея притоковъ. Ополченія этихъ городовъ двинулись къ Москвѣ; по дорогѣ къ нимъ присоединялись бывшіе тушинцы. Всѣ шли, воодушевленные желаніемъ спасти православную вѣру и русское государство отъ захвата поляками. Въ началѣ весны 1611 года эти ополченія подошли къ Москвѣ и осадили ее. Поляки засѣли въ Кремль и Китай-Городѣ. Осада пошла сперва довольно удачно для русскихъ; но лѣтомъ возникла вражда между служилыми людьми и тушинскимъ сбродомъ. Предводитель рязанскаго ополченія, душа всего дѣла освобожденія Москвы, Проконій Ляпуновъ былъ убитъ казаками. Послѣ его смерти ополченія служилыхъ людей одно за другимъ стали расходиться по домамъ: взаимныя распри и вражда сословій помѣшали освобожденію Москвы отъ поляковъ. Все московское государство, казалось, стояло на краю гибели.

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ появился новый врагъ. Это были недавніе союзники русскихъ—шведы. Делагарди захватилъ

Памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому на Красной площади
въ Москвѣ.

городъ Корелу и всю Новгородскую область, такъ что новгородцы были вынуждены присягнуть одному изъ сыновей шведскаго короля. Мѣсяцемъ раньше палъ Смоленскъ, и Смоленская область перешла во власть Сигизмунда. Осенью 1611 года Сигизмундъ особой грамотой подарилъ польскому народу Смоленскую и Черниговскую области, отнятыя у Москвы. Въ то же время литовскій гетманъ Ходкевичъ подошелъ къ Москвѣ, приведя съ собою большія подкрѣпленія осажденнымъ въ столицѣ полякамъ. Такимъ образомъ, русскую землю разоряли одновременно шведы, поляки и казацко-холопскій сбродъ, подъ начальствомъ Трубецкого и Заруцкаго, поддерживавшихъ новыхъ самозванцевъ: Лжедмитрія Ш, появившагося въ Псковской землѣ, и сына Марины Мнишекъ — мнимаго царевича Ивана Димитріевича.

Наступило поистинѣ „лихолѣтье“, какъ народъ назвалъ эти годы Смутнаго времени. Но скоро ему былъ положенъ конецъ. Повсюду сталъ подниматься противъ поляковъ и внутреннихъ враговъ государства самъ народъ. Грамоты патріарха Гермогена, какъ тревожный набатъ, разносились по русской землѣ и призывали на защиту отечества всѣхъ, въ комъ только сохранилось чувство привязанности къ нему. Престарѣлый святитель церкви вмѣнялъ каждому гражданину въ священный долгъ идти къ Москвѣ и помогать очищенію ея отъ поляковъ. Нижній-Новгородъ, въ лицѣ своего гражданина, Козьмы Минина Сухорукова, сталъ во главѣ союза городовъ, пославшихъ свои ополченія для изгнанія поляковъ изъ Россіи.

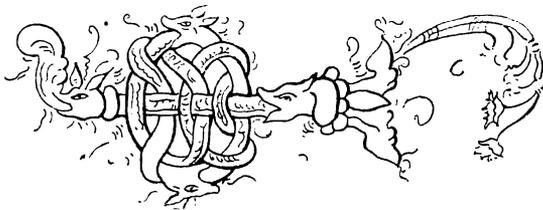
Подъему національнаго движенія много способствовали также иноки Троице-Сергіевой лавры, особенно архимандритъ Діонисій и неутомимый келарь Авраамій Палицынъ, рассылавшіе повсюду грамоты съ призывомъ подниматься на защиту родной земли. Начавшись въ Нижнемъ-Новгородѣ, движеніе широко захватило всѣ приволжскіе и южные города, такъ что въ октябрѣ 1611 года подъ начальствомъ князя Д. М. Пожарскаго для освобожденія Москвы собрались уже значительныя силы. Во время этихъ приготовленій къ походу на Москву скончался патріархъ Гермогенъ (17 февр. 1612 года).

Въ началѣ апрѣля 1612 года нижегородское ополченіе пришло въ Ярославль, гдѣ простояло четыре мѣсяца, пополняя свои

ряды новыми подкрѣпленіями. 21 августа оно подошло къ самой Москвѣ. Ходкевичъ и осажденные поляки оказали упорное сопротивление, такъ что кн. Пожарскому удалось овладѣть Москвой только 22 октября, когда поляки сдались на милость побѣдителей. Вскорѣ совершилось и торжественное вступленіе освободителей Москвы и Россіи въ Кремль. Впереди войска шель крестный ходъ, навстрѣчу которому изъ кремлевскихъ соборовъ вышелъ другой крестный ходъ. На Лобномъ мѣстѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго войска вошли въ Кремль.

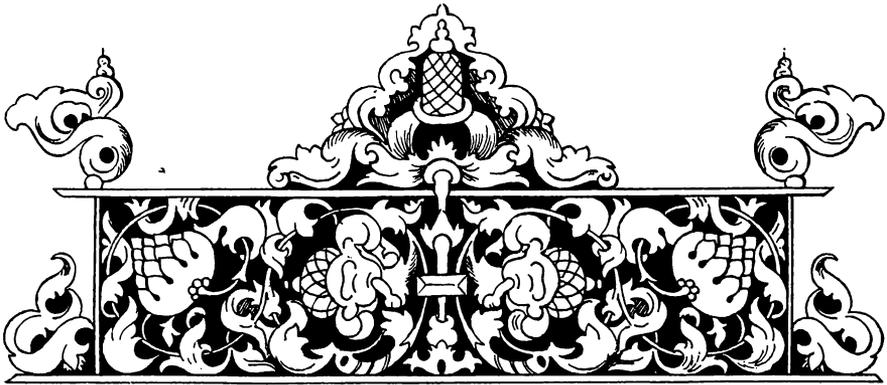
Занятіемъ Москвы окончились бури Смутнаго времени. Столица государства опять была въ русскихъ рукахъ, послѣ чего очищеніе страны отъ враговъ пошло очень быстро.

Вожди ополченія хорошо понимали, что причиною смуты, едва не погубившей государство, было отсутствіе законной и твердой верховной власти. Поэтому въ ноябрѣ 1612 года Мининъ и кн. Пожарскій разослали отъ имени земскаго ополченія грамоты по городамъ съ призывомъ на Земскій Соборъ для избранія новаго царя. А въ началѣ января въ Москву уже начали съѣзжаться выборные отъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ мѣстъ Русской Земли.....

1613—1645.

Михаиль Θεодоровичъ

(царствовалъ съ 1613 г. до 1645 г.).

Смутное время, или, какъ говорили въ старину, „великая разруха“, окончилось съ избраніемъ на московскій царскій престоль юноши, почти отрока, Михаила Θεодоровича Романова.— Представители „всей земли“, съѣхавшіеся на соборъ въ Москву въ началѣ 1613 года, едва ли предвидѣли, что ихъ окончательный выборъ остановится на Михаилѣ. Да и самъ избранникъ народный послѣ бурь, пронесшихся надъ его самыми близкими родственниками, спокойно жилъ въ своей костромской вотчинѣ, очень мало думая о царскомъ „столѣ“: ему шелъ тогда всего лишь шестнадцатый годъ.

Правда, родъ бояръ Романовыхъ уже съ давнихъ временъ былъ хорошо извѣстенъ въ Москвѣ и далъ московскимъ великимъ князьямъ не мало преданныхъ и способныхъ слугъ. Вполнѣ точныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ отдаленныхъ предкахъ этого рода восходятъ еще къ половинѣ XIV вѣка. Такъ, въ 1347 году бояринъ Андрей Ивановичъ Кобыла, изъ рода бояръ Романовыхъ, былъ посланъ въ Тверь съ порученіемъ сватать тамъ невѣсту московскому великому князю Симеону Гордому. Съ этого времени разные представители рода Романовыхъ непрерывно слу-

жать московскимъ государямъ, и на нихъ часто возлагаются довольно отвѣтственные обязанности. Въ царствованіе Іоанна Грознаго, вступившаго въ бракъ съ Анастасіей Романовной, предки Михаила Ѳеодоровича даже породнились съ царствующимъ домомъ.

Съ воцареніемъ Бориса Годунова для Романовыхъ начинаются тяжелыя времена. Обвиненные въ злыхъ умыслахъ противъ новаго царя, не принадлежавшаго къ династіи Рюрика, и поэтому сильно опасавшагося за цѣлость своей власти, дѣти Никиты Романовича, брата царицы Анастасіи, были разосланы въ заточеніе по разнымъ угламъ государства.

Среди жертвъ подозрительности Годунова былъ и отецъ будущаго царя, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ, въ глазахъ Годунова наиболѣе опасный изъ претендентовъ на царскую корону. Онъ былъ сосланъ въ Антоніево-Сійскій монастырь (въ 100 верстахъ къ юго-востоку отъ Архангельска) и тамъ постриженъ въ монашество подъ именемъ Филарета.

Живая и дѣятельная натура этого инока не по доброй волѣ долго не могла примириться съ вынужденнымъ лишеніемъ свободы и неизбѣжной праздною въ монастырской кельѣ. Живя до ссылки въ Москвѣ и вращаясь въ лучшихъ слояхъ столичнаго и придворнаго общества, Ѳеодоръ Никитичъ пользовался широкой извѣстностью и значительнымъ вліяніемъ, благодаря своему большому природному уму, образованности и даже свѣтскому лоску, который тогда уже составлялъ отличіе всякаго знатнаго боярина ¹.

Не удивительно, что такой человекъ, даже живя въ монастырскомъ заточеніи, ждалъ для себя лучшихъ дней. Когда въ Москвѣ пошли слухи о соперникахъ Бориса Годунова, и, по приказу царскому, розыски усилились, воевода, приставленный къ Филарету, доносилъ изъ монастыря въ Москву: „Живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину; невѣдомо чему смѣется; все говоритъ про птицъ ловчихъ, да про собакъ, какъ онъ въ мірѣ живаль. Старцевъ бранить и бить хочеть, и говорить имъ: увидите, каковъ я впередъ буду“.

1. Историческіе источники, относящіеся къ тому времени, рассказываютъ, что тогдашніе московскіе портные, желая похвалить удавшійся нарядъ, говорили: „Сидитъ со всѣмъ какъ на бояринѣ Ѳеодорѣ Никитичѣ“.

Жена Теодора Никитича, Ксенія Ивановна, тоже была пострижена въ монашество подъ именемъ Марыи и отправлена въ Заонежье, а ея сына, мальчика Михаила, сослали въ Бѣлозерскъ, глухой и ничтожный городъ въ сѣверной части теперешней Новгородской губерніи.

Такимъ образомъ, родъ бояръ Романовыхъ, родственниковъ царя Іоанна Грознаго, былъ, повидимому, совершенно разбросанъ и устраненъ какъ опасный соперникъ для дрожавшаго за свою власть Бориса Годунова.

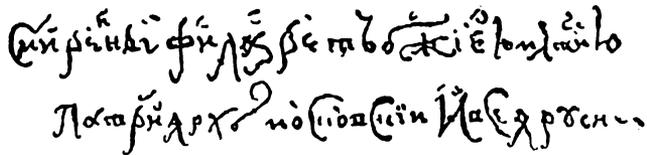

Дѣтская въ домѣ бояръ Романовыхъ.

Однако дальнѣйшія событія русской государственной жизни измѣнили тяжелое положеніе опальнаго рода бояръ Романовыхъ. Первый самозванецъ, разыгрывая роль „перваго царскаго сына“, рѣшилъ щедро вознаградить всѣхъ лицъ, чѣмъ-либо пострадавшихъ въ царствованіе Бориса Годунова, а въ томъ числѣ, конечно, прежде всего родственниковъ Никиты Романовича, брата

царицы Анастасіи. Поэтому инокъ Филаретъ былъ возвращенъ изъ Антоніево-Сійскаго монастыря и возведенъ въ высокій санъ ростовскаго митрополита, а его жена и сынъ получили право жить при немъ.

Впослѣдствіи Филарету еще разъ пришлось испытать тяжелое положеніе человѣка, насильственно оторваннаго отъ обычной для такого характера, какъ у Филарета, широкой и кипучей дѣятельности. Отправленный изъ Москвы, въ октябрѣ 1610 года, вмѣстѣ съ княземъ Голицыномъ и другими, для переговоровъ съ Польшей, ростовскій митрополитъ Филаретъ былъ задержанъ поляками въ качествѣ заложника, и до 1619 года прожилъ на чужбинѣ. Такимъ образомъ, избраніе его сына Михаила на царскій престолъ совершилось въ то время, когда самъ онъ томился въ польскомъ плѣну.

Сирѣчьніи фѣлѣрѣтѣ гѣбѣжѣ ѿ ѿмѣнѣ
Патрѣархѣ ѿбѣдѣнѣ Иаѣрѣсѣнѣ

Подпись патріарха Филарета.

Выборные „со всей земли“ съѣхались на соборъ въ Москву, чтобы обсудить мѣры борьбы съ „великой разрухой“ междуцарствія, грозившей самому существованію русскаго государства. Сознвая весь вредъ отсутствія твердой и опредѣленной власти въ странѣ, они въ первую же очередь занялись самымъ важнымъ вопросомъ—объ избраніи царя.

Предложеніе нѣкоторыхъ участниковъ собора отдать московскій тронъ иноземнымъ королевичамъ (шведскому—Филиппу или же польскому—Владиславу) было скоро отвергнуто. Рѣшено было выбирать царя только среди русскихъ бояръ, имѣющихъ какія-либо права на это высокое положеніе. Между тѣмъ, найти подходящее лицо изъ русскихъ боярскихъ фамилій было довольно трудно, такъ какъ не было такого всѣмъ извѣстнаго представителя знатнаго и древняго рода, на которомъ могъ бы остановиться безусловный выборъ членовъ собора, а въ то же время стремленіе занять царскій престолъ было у очень многихъ вид-

ФЕОДОРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ
по помѣ ФИЛАРЕТЪ ПАТРИАРХЪ Московскій
и всея Россіи
Родитель Царя МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА.

FEODOR NIKITITSCH ROMANOW
s. PHILARET, Mosquens, et omn. Russiar, PATRIARCHA
MICHAELIS, Russ. Zar. Parens

ныхъ дѣятелей Смутнаго времени. Поэтому не мало времени прошло въ безплодныхъ спорахъ и пререканіяхъ, прежде чѣмъ весь соборъ пришелъ къ мысли избрать на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Въ пользу этого кандидата, несмотря на его юный возрастъ, было очень многое. Кромѣ близкаго родства съ прежней династіей Рюриковичей, родъ бояръ Романовыхъ выдѣлялся среди другихъ боярскихъ родовъ своей исключительной извѣстностью въ странѣ. Это была одна изъ самыхъ богатыхъ боярскихъ фамилій: во всѣхъ областяхъ государства она владѣла обширными вотчинами, тянувшимися иногда на десятки верстъ. Даже въ Украинѣ и на Дону у Романовыхъ было не мало помѣстій, не говоря уже о Средней и Сѣверной Россіи, гдѣ нѣкоторыя имѣнія представляли, по своимъ размѢрамъ, настоящія княжества. Но кромѣ огромныхъ земельныхъ богатствъ, Романовы были хорошо извѣстны въ народѣ и какъ добрые помѣщики, не притѣснявшіе арендаторовъ-крестьянъ, подобно другимъ землевладѣльцамъ, а, наоборотъ, помогавшіе крестьянамъ въ трудныя времена. Поэтому съ земель Романовыхъ крестьяне не бѣжали, а стремились занимать ихъ, предпочтительно передъ землями другихъ владѣльцевъ. Въ Юрьевъ день (26 ноября), когда крестьяне имѣли право оставлять одного помѣщика и переходить къ другому, многіе крестьяне селились на земли Романовыхъ и подавали прошенія объ укрѣпленіи ихъ на этихъ земляхъ. Въ архивахъ Костромы сохранилось много документовъ, свидѣтельствующихъ о такомъ стремленіи крестьянъ въ романовскія вотчины. Затѣмъ, среди самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ боярскихъ родовъ, тоже хорошо извѣстныхъ въ народѣ, у Романовыхъ было много родственниковъ и друзей, наприм. князя Черкасскіе, Сицкіе, Лыковы, Салтыковы, Шестовы и друг.

Такимъ образомъ, въ глазахъ народа Романовы, передъ всѣми другими боярскими фамиліями, имѣли наибольшее право на русскій престолъ. А такъ какъ соборъ состоялъ изъ представителей всѣхъ сословій государства, то естественно, что среди членовъ его у Романовыхъ было не мало сторонниковъ, при послѣднемъ голосованіи рѣшившихъ исходъ выборовъ въ пользу своего кандидата.

Вешній поїздъ царицы на богомолье.

Карт. В. Г. Шварца.

По сообщенію историческихъ документовъ, самое избраніе Михаила совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Среди споровъ о томъ, кого выбрать, одинъ мелкій дворянинъ изъ Галича представилъ собору письменное заявленіе, въ которомъ рѣшительно настаивалъ, что царемъ московскимъ и всея Руси надо выбрать не кого иного, какъ только молодого боярина Михаила Ѳеодоровича Романова, близкаго родственника прежнихъ государей изъ династіи Рюрика. Члены собора, недовольные заявленіемъ галичскаго дворянина, закричали:

— Кто принесъ такое писаніе? Откуда?

Среди этихъ криковъ и споровъ, къ выборному столу подходитъ атаманъ съ Дона и подаетъ собору новое „писаніе“.

— Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ?—спросилъ князь Пожарскій.

— О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ,—отвѣчалъ атаманъ.

Этими двумя письменными заявленіями выборъ былъ рѣшенъ, и соборъ провозгласилъ царемъ юнаго Михаила.

Личныя качества новаго царя (особенно если принять во вниманіе его возрастъ) очень мало могли повліять на рѣшеніе собора. Можно сказать даже, что выборные возлагали непосильное бремя на слабыя плечи 16-лѣтняго юноши съ мягкимъ, уступчивымъ характеромъ, еще не искушеннымъ житейскимъ опытомъ. Вѣдь молодому царю предстояла тяжелая работа по устройенію государства, ослабленнаго и расшатаннаго продолжительной и глубокой смутой. О какомъ-либо стремленіи самого Михаила къ царскому трону говорить совсѣмъ не приходится: уже одинъ его возрастъ совершенно устраняетъ возможность такого стремленія.

Мать юноши, избраннаго царемъ, инокиня Марѳа вполнѣ знавала, при какихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ ея сынъ долженъ принять царскую власть, и, не соглашаясь отпустить Михаила въ Москву для занятія престола, говорила соборнымъ посламъ: „Люди московскаго государства измалодушествовались“. Лишь послѣ долгихъ просьбъ и уговоровъ она рѣшилась благословить сына на царство.

На всю жизнь характеръ Михаила Ѳеодоровича остался такимъ, какимъ былъ въ юности: мягкимъ, уступчивымъ, иногда

даже слабымъ и легко поддающимся чужому вліянію. Особенно ярко это проявилось при женитьбѣ молодого царя на Марьѣ Ивановнѣ Хлоповой.

Въ 1616 году, когда Михаилу Теодоровичу пошелъ 20-ый годъ, мать царя и ближайшія къ нему лица рѣшили женить его. Ихъ выборъ невѣсты палъ на дѣвицу Марью, дочь незнатнаго дворянина Ивана Хлопова. Какъ будущую супругу государя, ее поселили во дворецъ, дали ей новое имя Анастасіи и о предстоящемъ бракосочетаніи царя оповѣстили по всему государству.

Выходъ царя и царицы послѣ бракосочетанія.

Родство царя съ мелкой, сравнительно, дворянской семьей Хлоповыхъ показалось нежелательнымъ многимъ придворнымъ боярамъ, опасавшимся, что неизбежное вліяніе Хлоповыхъ на молодого царя вредно отзовется на ихъ положеніи. Особенно непримиримо выступили противъ Хлоповыхъ Салтыковы, начавшіе всевозможныя интриги для устраненія брака Михаила Теодоровича съ Анастасіей. Ихъ старанія удалить Хлопову увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Невѣста была признана неизлѣчимо больной, „къ царской радости непрочной“, и, вмѣстѣ со всей семьей, послана въ Сибирь, въ Тобольскъ. Только въ 1619 году, когда вернулся изъ польскаго плѣна отецъ царя, митрополитъ

Филаретъ, участь Хлоповыхъ была облегчена: сперва они были переселены въ Верхотурье, а затѣмъ и въ Нижній-Новгородъ.

Послѣ неудачнаго сватовства Михаила Ѳеодоровича за Хлопову, Филаретъ сдѣлалъ попытку женить сына на иностранной принцессѣ, но эта попытка оказалась совершенно безуспѣшной, и поэтому рѣшили снова сватать Хлопову, тѣмъ болѣе, что молодой царь, видимо, не пересталъ питать нѣжныя чувства къ сосланной невѣстѣ и, какъ передаютъ, откровенно сказалъ объ этомъ отцу.

Начались перекрестные допросы всѣхъ лѣкарей, пользовавшихся Марію-Анастасію Хлопову во дворцѣ, а также допросы и Салтыковыхъ, по навѣту которыхъ невѣста царя была подвергнута удаленію изъ дворца и ссылки въ Сибирь. Слѣдствіе съ полной ясностью раскрыло козни Салтыковыхъ, родственниковъ матери царя, инокини Марѣы. За то, что они „государской радости и живота учинили помѣшку“, ихъ отослали изъ Москвы въ ихъ родовыя вотчины, но бракъ Михаила Ѳеодоровича съ Хлоповой опять не состоялся, на этотъ разъ вслѣдствіе рѣшительнаго заявленія инокини Марѣы, что она не останется въ царствѣ своего сына, если Хлопова сдѣлается царицей. Мать царя опасалась, какъ бы бракъ сына съ Хлоповой не ухудшилъ тяжелаго положенія ея родственниковъ, Салтыковыхъ.

Мягкій и покорный Михаилъ не пошелъ противъ твердой воли матери, и бракъ разстроился. Невѣста Хлопова снова была отправлена, вмѣстѣ съ дядей, въ Нижній-Новгородъ, а царя женили, въ сентябрѣ 1624 года, на дѣвицѣ Маріи Тимофеевнѣ Долгорукой. Но на другой же день послѣ свадьбы новобрачная слегла въ постель и 6 января 1625 года уже скончалась. Черезъ годъ послѣ ея смерти, 29 января 1626 г., Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ въ новый бракъ съ дѣвицей Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой, дочерью незнатнаго можайскаго дворянина.

Выборъ второй супруги царя сопровождался необычными обстоятельствами.

Собранныхъ со всего государства дѣвицъ знатнѣйшихъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ пригласили во дворецъ и, вмѣстѣ съ ихъ служанками, оставили ночевать въ дворцовыхъ покояхъ, гдѣ около стѣнъ, по обѣ стороны отъ входа, для нихъ были разставлены кровати.

ПОРТРЕТъ въ шкотовыхъ МЛФФНІ ІОЛІ
ПНГВАЛІ Великаго Государя Императора
наш. Высочайшаго Сутарканъ Сутрура Федора
Микитича Романоваго годъ 1558-го

Въ полночь Михаилъ Ѳеодоровичъ, вмѣстѣ съ матерью, пошелъ смотрѣть спящихъ дѣвицъ и выбирать невѣсту.

Инокія Марѳа была прямо поражена, когда услышала отъ сына, что онъ остановилъ свой выборъ на простой прислужницѣ одной изъ привезенныхъ въ Москву знатныхъ дѣвицъ. Она стала упрашивать сына подумать, какъ будутъ оскорблены его выборомъ всѣ князья и бояре, и измѣнить свое рѣшеніе. Однако на этотъ разъ молодой царь остался непреклоненъ. Онъ отвѣчалъ матери:

— По волѣ только Божіей и твоей я принялъ вѣнецъ и царство; ни въ чемъ не посмѣю быть послушникомъ матери моей. Ты всегда была наставницей и моимъ покровомъ—все исполню... Но сердце мое никогда не выберетъ, никогда другой не полюбитъ.—Я опредѣленъ къ однимъ бѣдствіямъ! Первой супруги лишился въ первые мѣсяцы брачнаго союза; невѣсты лишился при самомъ избраніи.

Послѣ такого заявленія сына суровая мать была вынуждена уступить, и согласиться на его выборъ.

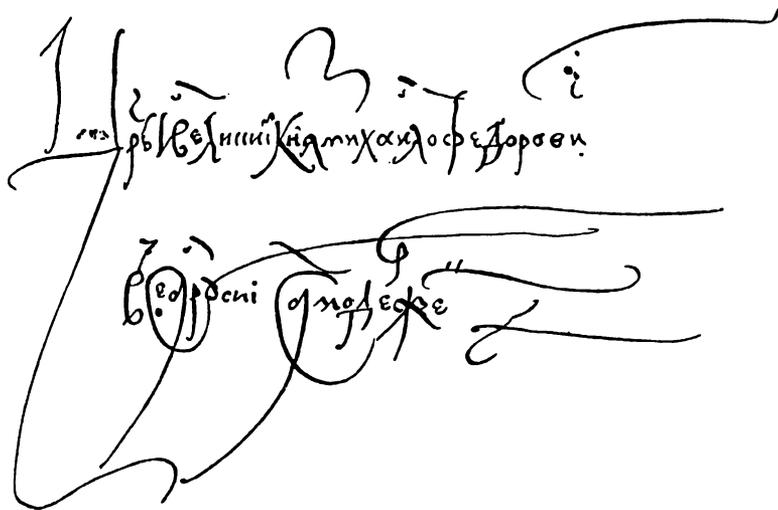
Разсказываютъ, что Лукьяна Стрѣшнева, отца будущей царицы, посланцы Михаила Ѳеодоровича нашли въ полѣ за сохой, которую онъ даже не хотѣлъ оставить, торопясь допахать ниву.

Изложенное описаніе женитьбы молодого царя ярко обрисовываетъ его характеръ—необыкновенно мягкій, покорный волѣ отца и матери, уступчивый даже въ такихъ дѣлахъ, какъ выборъ невѣсты и супруги. Лишь въ крайнемъ случаѣ, послѣ цѣлаго ряда отказовъ отъ своихъ желаній, Михаилъ Ѳеодоровичъ осуществляетъ свою волю, добиваясь этого не требованіями, а лишь настойчивыми просьбами и убѣжденіями.

Между тѣмъ, по выраженію одного историка нашей старины, „мало въ исторіи найдется примѣровъ, когда бы новый государь вступилъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ, при какихъ избранъ былъ шестнадцатилѣтній Михаилъ“. Дѣйствительно, война съ Польшей и Швеціей продолжалась, а изъ Астрахани все еще угрожалъ призракъ сына Марины. Только 27 февраля 1617 года послѣдовалъ Столбовскій миръ со шведами, и лишь черезъ два года послѣ этого мира Деулинское перемиріе, купленное, правда, цѣной большихъ уступокъ со стороны московскаго государства, прекратило войну съ

Польшей. 14 іюля 1619 года митрополитъ Филаретъ, отецъ царя, остававшійся заложникомъ у поляковъ, возвратился наконецъ въ Москву и скоро былъ возведенъ въ санъ патріарха московскаго и всея Руси.

Естественно, что освобожденный изъ польскаго плѣна отецъ молодого царя сдѣлался наставникомъ и руководителемъ сына во всѣхъ трудныхъ и сложныхъ дѣлахъ государственной жизни, и въ Москвѣ началось, по выраженію людей того времени, „дву-главое правительство“.

Подпись царя Михаила Феодоровича.

Кто былъ руководителемъ юнаго Михаила Феодоровича въ дѣлахъ государственнаго управленія со времени его воцаренія до занятія патріаршаго престола Филаретомъ Никитичемъ, трудно сказать, такъ какъ у московскихъ лѣтописцевъ не встрѣчается никакихъ указаній относительно этого. Но по возвращеніи въ Москву Филарета это руководство перешло всецѣло къ нему одному. Мало того: хотя официально два лица, отецъ и сынъ, считались великими государями московскими и всея Рос-сіи, и бумаги скрѣплялись подписями ихъ обоихъ, но въ дѣй-ствительности сильная и яркая личность патріарха-отца нерѣдко совершенно заслоняла мягкаго по характеру и, кромѣ того,

слабаго здоровьёмъ царя-сына. Уже въ 1627 году, имѣя всего 30 лѣтъ отъ роду, Михаилъ Ѳеодоровичъ такъ „скорбѣлъ ножками“, что иногда, по его собственнымъ словамъ, его „до возка и изъ возка въ креслахъ носить“.

Вліяніе Филарета на сына было такъ сильно, что даже горячо любимая сыномъ мать, инокиня Марѳа, должна была уступить мужу-патріарху и устранилась отъ вмѣшательства въ дѣла государственнаго управленія. Она доживала свои дни въ монастырской кельѣ, совершая частыя поѣздки на богомолье въ другіе монастыри, и сохраняла съ государевымъ дворомъ лишь связи личнаго характера.

Такимъ образомъ одинъ патріархъ Филаретъ, съ перваго же года своего вступленія на престолъ главы русской церкви, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и фактическимъ правителемъ государства. Его широкій, не лишенный образованія умъ и огромная житейская опытность сразу дали ему возможность близко войти во всѣ отрасли государственнаго правленія, которое было вообще въ довольно плохомъ состояніи.

Въ странѣ, только что оправлявшейся отъ тяжелаго Смутнаго времени, двѣ важнѣйшія стороны государственной жизни были особенно слабы: качество лицъ, состоящихъ на государственной службѣ—представителей государственной власти, и ничтожное поступленіе налоговъ и всякаго рода повинностей. Наслѣдіе Смутнаго времени—постоянные „перелеты“ (переходы) изъ одного лагеря въ другой, отъ законнаго правительства къ самозванцамъ, и служба то первому, то послѣднимъ, внесли глубокое разстройство въ среду и даже въ самыя понятія и нравы московскихъ служилыхъ людей. А съ другой стороны, непрерывные грабежи и разбои, сопровождавшіе междоусловіе, совершенно остановили экономическую жизнь страны, и раньше не особенно процвѣтавшую.

Особое вниманіе правительства царя и патріарха и было обращено на двѣ указанныя слабыя стороны государственной жизни.

Для опредѣленія размѣра налоговъ, которыми можно было обложить населеніе, почти по всей странѣ была произведена точная опись помѣстныхъ земель. Затѣмъ, стали составлять подробныя росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, учре-

Одѣваніе невѣсты къ вѣнцу.

Карт. К. Е. Маковского.

дили особый „приказъ“ (канцелярію) для приѣма и разбора жалобъ „на обиды сильныхъ людей“ и значительно улучшили личный составъ служившихъ людей—мѣстныхъ чиновниковъ, исполнителей распоряженій царской власти въ отдѣльныхъ областяхъ и городахъ.

Почти все царствованіе Михаила Ѳеодоровича прошло въ упорной борьбѣ съ внѣшними врагами—сосѣдними государствами, покушавшимися не только на цѣлость владѣній разстроенаго смутой московскаго царства, но даже и на самый московскій престолъ, только что занятый новой династіей. Оборонительныя войны съ Польшей и Швеціей окончились значительными уступками земель въ пользу противниковъ. Такъ, пришлось оставить за Швеціей весь приморскій край около Финскаго залива и, кромѣ того, еще уплатить ей большую, по тому времени, контрибуцію въ 20.000 рублей. Польша получила Смоленскъ и Сѣверную землю, но зато польскій королевичъ Владиславъ, сдѣлавшій приступъ на самую Москву уже въ 1618 году, отказался отъ всякихъ притязаній на московскій престолъ.

Впрочемъ, во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича московское правительство рѣшило вернуть себѣ уступленные полякамъ коренныя русскія области и нашло въ себѣ достаточно силы, чтобы объявить войну самому непримиримому своему врагу—Польскому королевству.

Въ 1632 году бояринъ Шеинъ и окольникій Измайловъ съ войскомъ въ 66.000 чел. осадили занятый и укрѣпленный поляками Смоленскъ. Но осада окончилась неудачей, и съ Польшей снова пришлось заключить миръ на прежнихъ условіяхъ. За неумѣлое веденіе осады Шеинъ и Измайловъ сложили головы на плахѣ, подъ топоромъ палача.

Въ октябрѣ 1633 года отецъ царя, патриархъ Филаретъ Никитичъ, скончался, и хотя при московскомъ дворѣ снова начались интриги изъ-за патриаршаго престола и вліянія на царя, но съ этого времени и до самой своей смерти Михаилъ Ѳеодоровичъ остался вполнѣ единовластнымъ государемъ. Отъ рожденія страдая слабымъ здоровьемъ и часто болѣя, онъ только на 12 лѣтъ пережилъ отца, и умеръ въ 1645 году.

Послѣдніе годы правленія перваго царя династіи Романовыхъ омрачились семейными огорченіями, причиненными заботами о

пріисканіи въ супруги царской дочери Иринѣ иностраннаго принца, а также угрозами со стороны Польши новымъ самозванцемъ, сыномъ Марины Мнишекъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ не былъ вполне счастливъ въ своей семейной жизни. Вступивъ въ бракъ только на 29-омъ году—очень рѣдкій случай въ тѣ времена—онъ имѣлъ отъ Евдокии Лукьяновны Стрѣшневой нѣсколько человѣкъ дѣтей, но изъ нихъ только двое: дочь Ирина и сынъ Алексѣй, достигли старшаго возраста.

Отчасти по дипломатическимъ расчетамъ, а главнымъ образомъ изъ желанія породниться съ какимъ-либо иноземнымъ цар-

Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1613 г. и куда пріѣхало изъ Москвы посольство отъ Земскаго собора просить его принять народное избраніе.

ствующимъ домою, Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшилъ выдать свою единственную дочь замужъ за иностраннаго королевича, пригласивъ его жить въ Россіи. Его выборъ остановился на датскомъ принцѣ Вольдемарѣ, сынѣ короля Христіана. Въ качествѣ свата выступилъ ловкій купецъ Петръ Морселисъ, по происхожденію голландецъ. Такъ какъ сватовство затянулось на долгое время, то Москва и Данія обмѣнялись нѣсколькими посольствами,

прежде чѣмъ женихъ пріѣхалъ въ Москву. Принцъ Вольдемаръ не имѣлъ большой охоты вступать въ бракъ съ московской царевной и переселяться въ московскую землю, хотя Морселисъ и ручался ему своей головой, что въ Москвѣ датскому принцу будетъ очень хорошо.

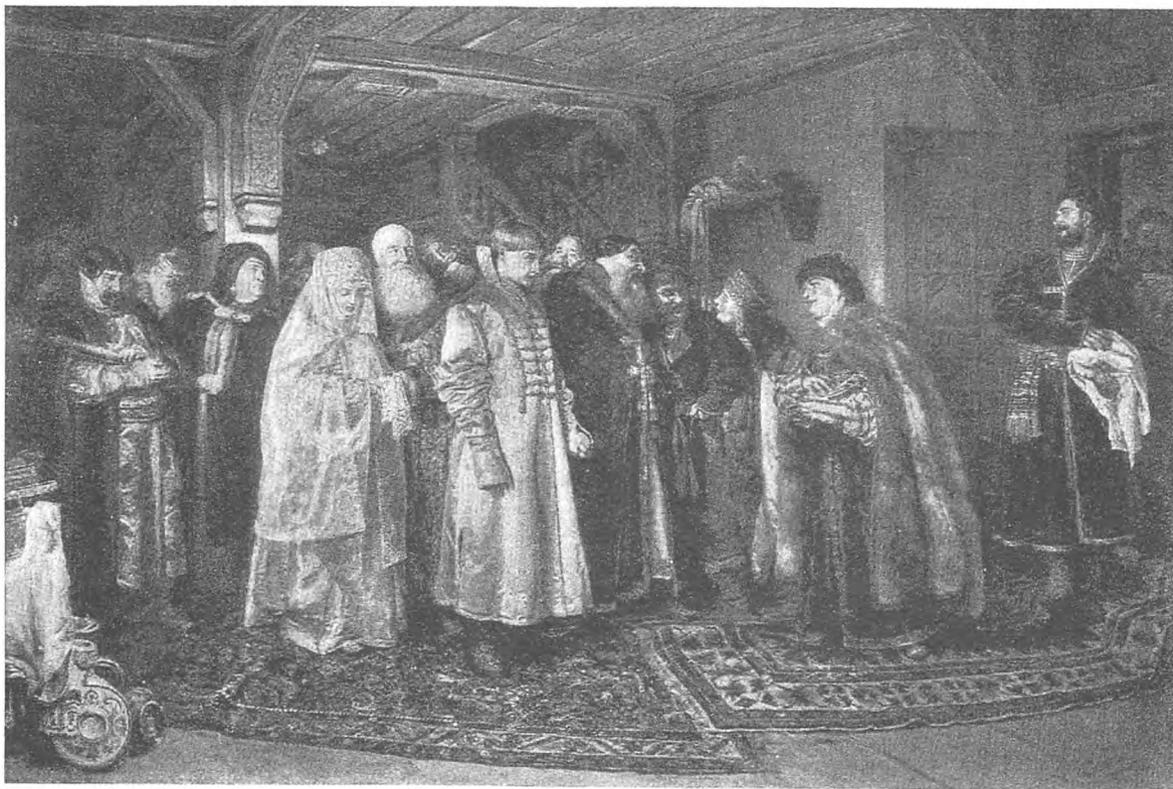
— А какая мнѣ польза въ твоей головѣ, если въ Москвѣ мнѣ будетъ плохо!—заявлялъ Морселису, въ отвѣтъ на его увѣренія и ручательство, принцъ Вольдемаръ.

Все-таки 21 января 1644 года состоялся наконецъ торжественный пріемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ своего будущаго зятя, послѣ чего принцъ Вольдемаръ поселился въ Москвѣ на положеніи жениха царевны Ирины. 6-го февраля того же года Михаилъ Ѳеодоровичъ потребовалъ отъ датскаго принца принять, до бракосочетанія съ царевной, православную вѣру, хотя во время предварительныхъ переговоровъ о бракѣ царь соглашался, чтобы и по вступленіи въ бракъ Вольдемаръ оставался протестантомъ. За переходъ въ православіе и бракъ съ Ириной принцу уступали на вѣчныя времена города Суздаль и Ярославль, а также обѣщали дать 300.000 рублей въ приданое за невѣстой.

Вольдемаръ рѣшительно отклонилъ предложеніе принять новую вѣру, укорялъ Михаила Ѳеодоровича за отказъ отъ даннаго раньше обѣщанія и просилъ отпустить его назадъ въ Данію. На послѣднюю просьбу царь не согласился, и Вольдемаръ сдѣлался московскимъ плѣнникомъ. Правда, съ нимъ обходились хорошо, и только настаивали на переходѣ въ православіе, употребляя всѣ усилія склонить принца къ перемѣнѣ религіи. Близкіе къ царю бояре, которые одни только могли видѣть иногда царевну, увѣряли принца, что невѣста очень хороша собой и не употребляетъ безъ мѣры крѣпкихъ напитковъ, какъ это дѣлаютъ многія московскія женщины самыхъ знатныхъ боярскихъ фамилій.

— Для такой красавицы можно перемѣнить вѣру, — говорили они.

Для убѣжденія принца въ превосходствѣ православной вѣры надъ его исповѣданіемъ устроили даже религіозное собесѣдованіе между придворнымъ пасторомъ Финбахеромъ и соборнымъ протопопомъ Насѣдкой.

Боярская свадьба.

Карт. К.В. Лебедева.

Несмотря на всѣ старанія, Вольдемаръ оставался непреклоннымъ относительно перемѣны религіи. Тяготясь своимъ пребываніемъ въ Москвѣ на положеніи плѣнника-жениха, онъ сдѣлалъ попытку тайно бѣжать, но у Тверскихъ воротъ былъ захваченъ стрѣльцами и приведенъ обратно. Послѣ этого надзоръ за нимъ значительно усилился.

Свадьба Вольдемара и Ирины такъ и не состоялась, но неудачный женихъ царевны получилъ возможность уѣхать изъ Москвы только въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Еще больше заботъ и огорченій доставило Михаилу Феодоровичу дѣло о сынѣ самозванца.

Послѣ пораженія Заруцкаго Марину Мнишекъ, вмѣстѣ съ сыномъ ея, привезли въ Москву для публичной казни. Одинъ полякъ, по имени Бѣлинскій, рѣшилъ спасти ребенка, подмѣнивъ его другимъ мальчикомъ, сыномъ убитаго въ Москвѣ въ Смутное время поляка Лубы. Но ему не удалось привести въ исполненіе свой замыселъ, и сынъ Марины былъ повѣшенъ. Тогда Бѣлинскій рѣшилъ выдать сына Лубы за спасеннаго якобы отъ казни сына Марины Мнишекъ, и сталъ распространять среди польской знати слухъ, что въ Москвѣ былъ казненъ другой ребенокъ, а настоящаго своего сына Марина успѣла передать ему, Бѣлинскому, на воспитаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій началъ называть жившаго у него мальчика царевичемъ Иваномъ Димитріевичемъ, законнымъ наслѣдникомъ московскаго престола.

О появленіи самозваннаго царевича сообщили польскому королю, который приказалъ отдать мнимаго царскаго сына на сохраненіе и воспитаніе литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, съ ежегоднымъ содержаніемъ изъ польской казны въ 6000 золотыхъ. При дворѣ Сапѣги подготовляемаго самозванца всѣ называли царевичемъ, внукомъ Іоанна Грознаго, такъ что и самъ мальчикъ сталъ вѣрить въ свое царское происхожденіе. Только послѣ заключенія мира съ Москвой польскій король запретилъ именовать сына Лубы царевичемъ Иваномъ, послѣ того какъ самъ Бѣлинскій открылъ королю свой замыселъ и дѣйствительное происхожденіе мальчика.

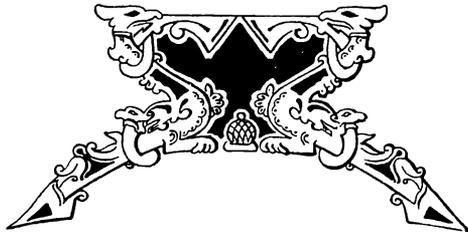
По смерти Льва Сапѣги молодой Луба сталъ служить у разныхъ польскихъ вельможъ. Въ 1644 году бывший воспитатель мнимаго царевича Ивана, архимандритъ братскаго монастыря

Аванасій, сообщилъ московскимъ посламъ о замыслахъ, связывавшихся въ Польшѣ съ подлогомъ сына Марины Мнишекъ, и Лубу отправили въ Москву, гдѣ и было окончательно рѣшено дѣло о послѣднемъ самозванцѣ.

Среди народныхъ волненій, вызванныхъ темными толками и догадками о царевичѣ Иванѣ, 12 іюня 1645 года Михаилъ Ѳеодоровичъ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался. Причиной сравнительно ранней смерти царя была, по всей вѣроятности, водянка. По крайней мѣрѣ иностранные доктора, лѣчившіе московскаго государя, объяснили, что болѣзнь его произошла отъ „многаго сидѣнья“, отъ холоднаго питья и меланхолии, „сирѣчь кручины“.

На царство вступилъ сынъ Михаила Ѳеодоровича, 16-тилѣтній царевичъ Алексѣй.

За время правленія перваго царя изъ Дома Романовыхъ московское государство успѣло залѣчить тяжелыя раны, причиненныя Смутнымъ временемъ, настолько, что царствованіе преемника и сына Михаила Ѳеодоровича является однимъ изъ самыхъ успѣшныхъ для страны какъ во внутреннихъ, такъ и, особенно, во внѣшнихъ дѣлахъ.

1645—1676.

Алексѣй Михайловичъ

(царствовалъ съ 1645 г. до 1676 г.).

Почувствовавъ приближеніе кончины, Михаилъ Ѳеодоровичъ благословилъ на царство своего единственнаго сына, юнаго (род. въ 1629 году) царевича Алексѣя Михайловича.

Регентомъ, т.-е. руководителемъ и наставникомъ молодого царя въ дѣлахъ государственнаго управленія, былъ назначенъ воспитатель царевича, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

— Тебѣ, боярину нашему,—завѣщалъ Морозову на смертномъ одрѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ,—приказываю [т.-е. поручаю] сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и соблюдалъ его, какъ зѣницу ока, такъ и теперь служи!

Будучи самъ довольно образованнымъ, по тогдашнему времени, человѣкомъ, бояринъ Морозовъ сумѣлъ дать хорошее образованіе и своему царственному питомцу. Такъ, хотя дѣтство Алексѣя Михайловича и протекло обычнымъ путемъ, на старинный московскій ладъ, въ теремахъ, подъ надзоромъ нянекъ и мамокъ, но при обученіи царевича уже сказалось вліяніе духа времени, и довольно широко были примѣнены новые приемы образованія. Поэтому въ библіотекѣ преемника Михаила Ѳеодо-

ровича, на ряду съ книгами свящ. писанія—единственнаго предмета чтенія и изученія просвѣщенныхъ людей того вѣка—были также грамматика и космографія литовской печати и какой-то словарь иноземнаго языка.

Склонностью къ приобрѣтенію знаній отличался и самъ царевичъ Алексѣй. Пройдя несложную школу древнерусской грамотности, онъ не остановился на этомъ, но, какъ передаютъ современники, всю жизнь стремился пополнить, насколько возможно, свое скудное образованіе, пользуясь для этого всѣми доступными источниками.

Указанныя особенности первоначальнаго воспитанія и обученія на всю жизнь внесли въ понятія и стремленія Алексѣя Михайловича нѣкоторое раздвоеніе: съ одной стороны, у него проявляется крѣпкая привязанность къ русской старинѣ со всѣми ея своеобразными привычками и обычаями, а съ другой стороны—сильное желаніе усвоить и примѣнить въ жизни полезныя новшества, заимствованныя отъ болѣе образованныхъ иноземцевъ. Такъ, по словамъ извѣстнаго русскаго историка, професс. В. О. Ключевскаго, „царь Алексѣй Михайловичъ принялъ въ преобразовательномъ движеніи позу, соотвѣтствующую такому взгляду на дѣло: одной ногой онъ еще крѣпко упирался въ родную православную старину, а другую ногу уже занесъ было за ея черту, да такъ и остался въ этомъ нерѣшительномъ переходномъ положеніи“.

Свято почитая всѣ завѣты старины, Алексѣй Михайловичъ любилъ древне-русскій укладъ жизни, и можетъ служить блестящимъ образцомъ ревностнаго исполнителя всѣхъ тѣхъ обычаевъ и порядковъ, какіе только сохранились отъ старины въ высшихъ слояхъ московскаго общества во второй половинѣ XVII вѣка. А глубокая и искренняя религіозность, соединявшаяся въ Алексѣѣ Михайловичѣ съ удивительно точнымъ знаніемъ и такимъ же строгимъ исполненіемъ всѣхъ предписаній церковнаго устава, дѣлала изъ московскаго царя самаго благочестиваго и преданнаго сына православной церкви. Въ то же время, доброе и чуткое сердце, глубоко отзывчивое къ горю и страданіямъ людскимъ, не дали религіозности царя Алексѣя Михайловича превратиться въ одну сухую формальность, стремящуюся лишь къ исполненію обрядовъ и безучастную къ радостямъ и печа-

лямъ дѣйствительной жизни. Напротивъ того, Алексѣй Михайловичъ отличался большой мягкостью характера, умѣлъ глубоко сочувствовать чужому горю и всегда старался найти утѣшеніе и облегченіе для страдающаго въ горѣ ближняго. Вотъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ проявленія этой черты характера Алексѣя Михайловича.

У князя Никиты Ивановича Одоевскаго скончался единственный горячо любимый сынъ. Отецъ былъ въ отчаяніи отъ

Столовая царя Алексѣя Михайловича.

такой утраты. Узнавъ о тяжкомъ горѣ стараго князя, царь тотчасъ же отправилъ ему замѣчательно трогательное письмо, полное такой „теплоты чувства“, какую старикъ-князь могъ ожидать развѣ только отъ своего самаго близкаго родственника или отъ искреннѣйшаго друга.

Приведя всѣ религіозные и нравственные доводы для утѣшенія своего стараго слуги, Алексѣй Михайловичъ заканчиваетъ свое письмо къ нему слѣдующими словами:

— Князь Никита Иванович! не оскорбляйся [т.-е. не огорчайся], токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ!

За свою исключительную доброту и глубокую отзывчивость къ несчастью и страданіямъ людей второй царь изъ Дома Романовыхъ еще при жизни вполне заслуженно получилъ прозваніе „тишайшаго царя“. Это рѣдкое для монарха прозваніе, особенно въ XVII вѣкѣ, настолько утвердилось за Алексѣемъ Михайловичемъ, что перешло и въ исторію.

О личныхъ качествахъ преемника Михаила Ѳеодоровича на московскомъ престолѣ у современниковъ не было двухъ мнѣній: какъ русскіе, такъ и иностранцы отзываются о нихъ одинаково восторженно.

Нѣмецкій купецъ Рейтенфельсъ, обласканный добрымъ царемъ, писалъ изъ Москвы на родину: „Алексѣй Михайловичъ такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ“.

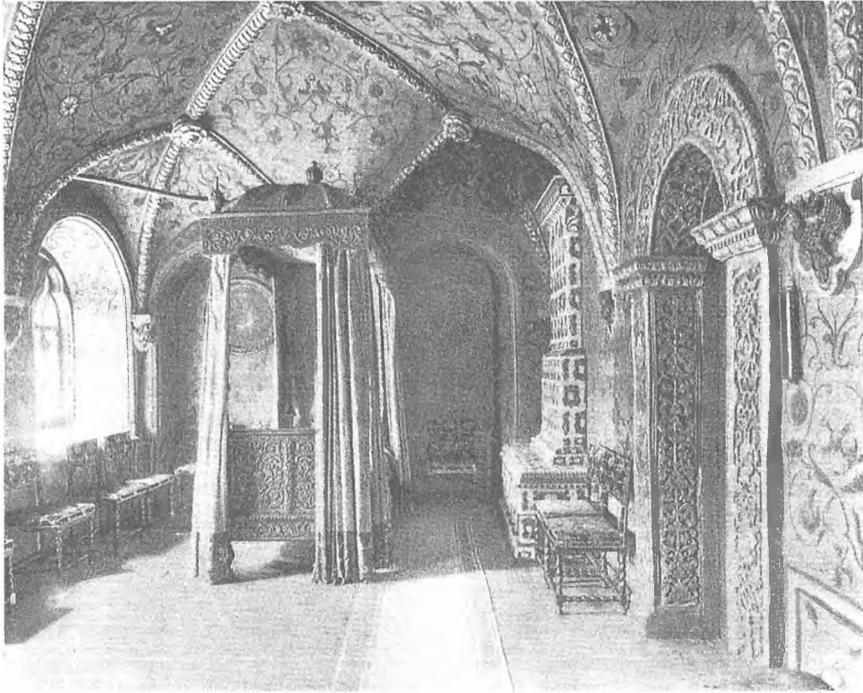
Даже совсѣмъ не расположенный къ царю англичанинъ Коллинсъ все же отзывался о немъ, какъ о „добрѣйшемъ и мудрѣйшемъ государѣ“.

Что касается отзывовъ и мнѣній русскихъ людей о царѣ Алексѣѣ, то ихъ всего лучше, пожалуй, выразить словами одного выдающагося русскаго историка, который прямо утверждаетъ, что „Алексѣй Михайловичъ безспорно представлялъ самое привлекательное явленіе, когда-либо видѣнное на престолѣ царей московскихъ“.

Какъ уже было сказано раньше, съ глубоко искренней религіозностью Алексѣй Михайловичъ соединялъ любовь къ церковнымъ службамъ и замѣчательное знаніе всей обрядовой стороны православія. Въ тогдашней Москвѣ никто, вѣроятно, не зналъ лучше царя мельчайшихъ подробностей порядка богослуженія. Находясь въ храмѣ, царь всегда самъ принималъ участіе въ церковныхъ чтеніяхъ и пѣніи, самъ же внимательно слѣдилъ и за внѣшнимъ благолѣпіемъ службы, въ то же время успѣвая ставить свѣчи и точно отсчитывать всѣ поклоны, какіе только требовались по церковному уставу.

Когда царь Алексѣй Михайловичъ жилъ въ Москвѣ, онъ ежедневно, съ ранняго утра, посѣщалъ храмъ и отстаивалъ какъ заутреню, такъ и обѣдню. А когда онъ пріѣзжалъ въ любимый

имъ Савво-Сторожевскій монастырь (въ 40—45 верстахъ отъ Москвы и въ 3 верстахъ отъ уѣзднаго города Звенигорода), онъ давалъ полное удовлетвореніе своей любви къ богослуженію, и все время проводилъ въ посѣщеніи длинныхъ и частыхъ монастырскихъ службъ, какъ всегда, тщательно слѣдя за исполненіемъ богослужебнаго порядка. Въ этомъ монастырѣ и произошелъ однажды случай, ярко рисующій отношеніе царя къ обрядовой сторонѣ церковной жизни.

Опочивальня царя Алексѣя Михайловича.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Савво-Сторожевскій монастырь Алексѣй Михайловичъ праздновалъ день свят. Основателя и Покровителя монастыря. Торжественная церковная служба совершалась въ присутствіи царя и антиохійскаго патріарха Макарія, прибывшаго вмѣстѣ съ царемъ въ монастырь. Чтець началъ житіе святого Саввы обычнымъ возгласомъ: „Бла-

гослови, отче!“ Внимательно слушавшій каждое слово богослуженія, Алексѣй Михайловичъ не выдержалъ такого нарушенія церковнаго устава¹, и съ царскаго мѣста раздраженно крикнулъ забывшемуся чтецу:

— Что ты говоришь, мужикъ: благослови, отче!? Говори: благослови, владыко!

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича рѣдко большой праздникъ проходилъ въ Москвѣ безъ участія самого царя въ какомъ-либо церковномъ обрядѣ. Неукоснительно царь соблюдалъ и всѣ благочестивые обычаи старины, связанные съ религіей или ею установленные. На Рождествѣ, напримѣръ, царскій дворецъ наполнялся славельщиками изъ столичныхъ и подмосковныхъ церквей и монастырей, и царь слушалъ ихъ пѣніе. На Крещенье Алексѣй Михайловичъ, окруженный многочисленными служилыми людьми и боярами, въ пышныхъ праздничныхъ нарядахъ, изъ года въ годъ совершалъ торжественный выходъ на Иорданъ. Въ Вербное Воскресенье царь велъ коня, на которомъ возсѣдалъ, въ полномъ святительскомъ облаченіи, патріархъ, воспроизводившій передъ народомъ Входъ Господень въ Иерусалимъ. На Пасху царь самъ одѣлялъ красными яйцами всѣхъ приходившихъ во дворецъ христосоваться и самъ же собиралъ червонцы, которые, по обычаю того времени, подданные приносили въ даръ своему государю.

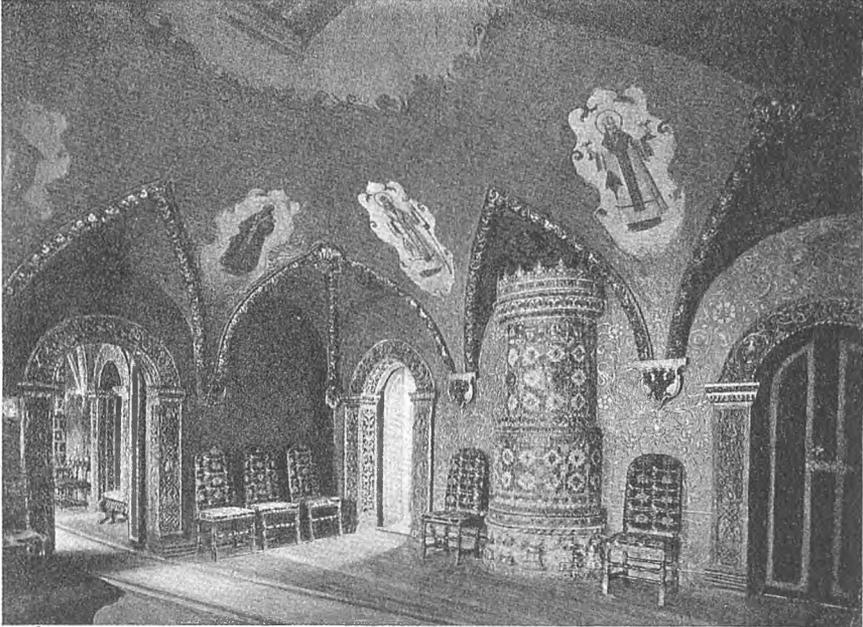
Самая наружность Алексѣя Михайловича способствовала торжественности всѣхъ церковныхъ обрядовъ, совершавшихся при его участіи, и вообще приемовъ во дворцѣ и выходовъ царя по различнымъ случаямъ. Особенно пышно обставлялись въ царствованіе Алексѣя Михайловича приемы въ Кремлѣ иностранныхъ посольствъ и гостей. Такого блеска и такой торжественности царскихъ приемовъ не было въ Москвѣ ни въ одно изъ предшествовавшихъ царствованій.

Румяный, съ пронизательными голубыми глазами и темно-русой, слегка рыжеватаго оттѣнка, бородой, довольно высокій ростомъ и крѣпкаго тѣлосложенія, благодаря частому пребыванію, во время соколиныхъ охотъ, на свѣжемъ воздухѣ, цвѣту-

1. По уставу, если въ храмѣ находится высшее духовное лицо, патріархъ, митрополитъ или архіерей, чтець долженъ испрашивать благословенія у него, а не, какъ обычно, у священника.

шій здоровьемъ царь Алексѣй Михайловичъ всѣмъ своимъ видомъ производилъ величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ. Правда, къ концу царствованія преждевременная полнота развилась у царя настолько, что могучая фигура Алексѣя Михайловича стала казаться слишкомъ грузной и немного дряхлой.

Какъ большинство добрыхъ людей, „тишайшій царь“ былъ очень вспыльчивъ. Встрѣчая что-либо, вызывавшее сильное не-

Пріемная палата царя Алексѣя Михайловича.

удовольствіе, онъ легко выходилъ изъ себя и давалъ полную волю своему гнѣву, впрочемъ, почти всегда очень недолгому. Въ такихъ случаяхъ отъ Алексѣя Михайловича плохо приходилось тѣмъ, кто своимъ поступкомъ или словомъ навлекалъ на себя гнѣвъ государя, тѣмъ болѣе что раздраженіе царя очень скоро выливалось въ самыя рѣзкія и бурныя формы, несмотря ни на возрастъ ни на положеніе или санъ лица, вызвавшего неудовольствіе „тишайшаго“ монарха: всѣ одинаково чувствовали

его власть. Вотъ яркій примѣръ поведенія Алексѣя Михайловича въ гнѣвѣ.

Когда во время войны съ Польшей въ Москвѣ были получены извѣстія о пораженіи Нащокина въ 1661 году, царь въ Думѣ спрашивалъ бояръ: что дѣлать дальше? Тестю царя, почтенный бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій, развязно и самоувѣренно заявляетъ:

— Если государь пожалуетъ, дастъ мнѣ начальство надъ войскомъ, то я скоро приведу польскаго короля плѣнникомъ!

Возмущенный такимъ хвастовствомъ своего близкаго родственника, Алексѣй Михайловичъ не выдержалъ и въ сильномъ гнѣвѣ закричалъ на старика-боярина:

— Какъ ты смѣешь, страдникъ [т.-е. срамникъ], худой челоуѣчишка, хвастаться своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ? Когда ты ходилъ съ полками? Какія побѣды показалъ надъ неприятелемъ? Или ты смѣешься надо мной?!

Послѣ этихъ словъ разгнѣванный царь далъ тестю звонкую пощечину и пинками выгналъ его изъ палаты, захлопнувъ за нимъ дверь.

Нерѣдко Алексѣй Михайловичъ, находясь въ хорошемъ настроеніи, облакалъ выраженія своего гнѣва въ шутивыя формы, которыя часто примѣнялъ надъ провинившимися не столько ради наказанія ихъ, а больше просто для собственнаго развлечения. Напримѣръ, въ письмѣ къ стольнику Матюшкину самъ царь такъ описываетъ наказаніе, придуманное имъ для небрежныхъ въ исполненіи царскихъ велѣній придворныхъ:

„Извѣщаю тебя... столниковъ безпрестанно купаю ежеутрь въ прудѣ, Иорданъ хороша сдѣлана, челоуѣка по четыре и по пяти и по двѣнадцати челоуѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанья жалую, зову ихъ еженедень, у меня купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ; многіе нарокомъ не поспѣваютъ...“

Догадливые стольники злую шутку-наказаніе царя превратили въ развлеченіе и воспользовались ею для того, чтобы послѣ купанья въ прудѣ добиваться высокой чести—присутствія за царскимъ столомъ.

Иногда сильный гнѣвъ царя вызывало простое противорѣчіе, даже и въ маловажномъ дѣлѣ, со стороны кого-либо изъ придворныхъ. Такъ однажды Алексѣй Михайловичъ, страдавшій отъ полнокровія, „отворилъ“ себѣ кровь и скоро почувствовалъ себя гораздо лучше. Обрадованный такимъ успѣхомъ лѣченія, онъ приказалъ сдѣлать кровопусканіе и всѣмъ придворнымъ, которые тоже, вѣроятно, жаловались на полнокровіе. Всѣ безпрекословно согласились, кромѣ одного лишь Родіона Стрѣшнева, родственника царя по матери. Онъ отказался отъ крово-

Алексѣй Михайловичъ въ молодости.

пусканія, ссылаясь на свой преклонный возрастъ. О его отказѣ, конечно, тотчасъ же доложили царю. Алексѣй Михайловичъ сильно разсердился на Стрѣшнева и, призвавъ его, гнѣвно закричалъ на упрямаго боярина:

— Развѣ твоя кровь дороже моей? Что ты себя считаешь лучше всѣхъ?!—и раздраженный царь отъ словъ перешелъ къ дѣлу, прибивъ стараго боярина.

Но когда приступъ гнѣва прошелъ, Алексѣй Михайловичъ постепенно успокоился и, сознавъ свою неправоту и обиду, на-

прасно причиненную Стрѣшневу, обласкалъ старика, пожалѣвшаго свою кровь, прося забыть о происшедшемъ въ минуту раздраженія.

Отмѣченная въ самомъ началѣ этого очерка, какъ слѣдствіе воспитанія, нѣкоторая двойственность въ характерѣ проявлялась у Алексѣя Михайловича одинаково какъ въ мелочахъ повседневной жизни, такъ и въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ государственнаго управления.

„Бояринъ и дворецкой“
Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Царь, напримѣръ, очень хорошо зналъ настоящую цѣну своему тестю, боярину Милославскому, но, не желая огорчать любимую жену, его дочь, не удалялъ тестя ни отъ двора ни отъ дѣлъ.

Еще рѣзче нерѣшительность и желаніе угодить обѣимъ сторонамъ сказались у Алексѣя Михайловича въ дѣлѣ патріарха Никона. Послѣдній переступилъ въ своемъ честолюбіи всякія границы, и царь вполнѣ соглашался съ близкими боярами - совѣтниками, что слѣдуетъ положить предѣлъ стремленіямъ увлеченнаго самомнѣніемъ святителя, а въ то же самое время пи-

салъ Никону очень любезныя письма, въ которыхъ съ нѣкоторымъ даже униженіемъ оправдывалъ передъ гордымъ патріархомъ себя и свои дѣйствія.

Въ одномъ отношеніи „тишайшій царь“ вполне походилъ на своего отца: какъ и послѣдній, онъ довольно легко поддадалъ подъ вліяніе сильной и энергичной личности изъ числа приближенныхъ, и даже какъ бы нуждался въ такомъ вліяніи. По-

Въ концѣ „набожнѣйшаго“
Филарета, епископа Нащокинъ

Аеанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ.

этому мѣсто „великаго государя-патріарха“ и роль царскаго друга и главнѣйшаго совѣтника по управленію государствомъ, которыя при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ неизмѣнно принадлежали отцу царя, Филарету Никитичу, и при Алексѣѣ Михайловичѣ не оставались свободными. Въ теченіе царствованія ихъ зани-

мали нѣсколько лицъ, среди которыхъ наибольшимъ вліяніемъ пользовались: царскій воспитатель и другъ, бояринъ Морозовъ; грозный патріархъ и „собинный“ [т.-е. особенно близкій] другъ царя Никонъ; тестъ царя, бояринъ Милославскій; затѣмъ, Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (впослѣдствіи бояринъ), дядя и опекунъ второй супруги Алексѣя Михайловича, Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Почти всѣ названныя лица, за исключеніемъ развѣ только Милославскаго, были самыми передовыми и наиболѣе просвѣщенными людьми среди тогдашняго высшаго московскаго общества, окружавшаго царскій престолъ и вліявшаго на ходъ государственной жизни. Но изъ всѣхъ нихъ выдѣлялся по уму и образованію бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, представитель когда-то многочисленной, но къ половинѣ XVII вѣка уже вымиравшей, знатной фамиліи. Къ сожалѣнію, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ и горячей приверженности къ западно-европейскому просвѣщенію, Морозовъ былъ крайне властолюбивъ, а, главное, не брезгалъ обогащаться на счетъ государственной казны. Кромѣ близости къ царю въ качествѣ воспитателя и наставника, онъ еще болѣе укрѣпилъ свое положеніе при дворѣ женитьбой на родной сестрѣ первой супруги Алексѣя Михайловича, царицы Марьи Ильиничны, урожденной Милославской, изъ бѣднаго дворянскаго рода. Бракосочетаніе царя и Морозова съ сестрами Милославскими состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ и при вступленіи въ бракъ Михаила Ѳеодоровича, для выбора царемъ невѣсты въ 1647 году въ Москву собрали со всего государства около двухсотъ красивѣйшихъ дѣвицъ боярскихъ и дворянскихъ фамилій, и шесть наиболѣе привлекательныхъ изъ нихъ были представлены самому Алексѣю Михайловичу для окончательнаго выбора будущей царицы. Юному государю больше всѣхъ понравилась Евѣимія Ѳеодоровна Всеволожская, дочь касимовскаго (Рязанской губерніи) помѣщика. Но первая же непосредственная встрѣча съ царемъ привела робкую провинціальную дѣвушку въ такое волненіе, что она упала въ глубокой обморокъ. Впрочемъ, лица, близко стоявшія къ жизни дворцовыхъ теремовъ, объясняли этотъ обморокъ Всеволожской не столько ея волненіемъ, сколько тѣмъ, что теремныя няньки и

мамки, убиравшія царскую невѣсту, умышленно стянули ей волосы слишкомъ сильно, сдѣлавъ это или изъ зависти къ счастливицѣ или, болѣе вѣроятно, вслѣдствіе подкупа со стороны придворныхъ, опасавшихся возвышенія фамиліи Всеволожскихъ.

Морозовъ и его друзья успѣли воспользоваться обморокомъ выбранной царемъ дѣвушки, и приписали его, въ глазахъ Алексѣя Михайловича, падучей болѣзни, умышленно скрытой родителями Всеволожской при отправленіи ея на царскій смотръ въ Москву. Царь вполнѣ повѣрилъ своему воспитателю и другу, отмѣнилъ свой выборъ и приказалъ сослать дѣвушку, вмѣстѣ съ отцемъ ея, въ Тюмень, въ наказаніе за обманъ.

Новый выборъ Алексѣя Михайловича палъ на дѣвицу Марью Ильиничну Милославскую, тоже незнатнаго дворянскаго рода. Бракосочетаніе съ ней совершилось 16 января 1648 года; а черезъ десять дней послѣ царской свадьбы Морозовъ уже обвинчался съ родной сестрой царицы.

Отъ брака съ Милославской у Алексѣя Михайловича было многочисленное потомство: восемь дочерей и пять сыновей. Изъ первыхъ шесть были живы послѣ смерти отца, а изъ сыновей только двое—царевичи Ѳеодоръ и Іоаннъ—пережили отца.

Старшій сынъ, Димитрій, умеръ въ раннемъ возрастѣ (въ 1651 году). Послѣ его смерти наслѣдникомъ московскаго престола становился второй сынъ Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй, которому ко времени смерти отца было бы 22 года. Всѣ русскіе люди, стоявшіе близко къ царской семьѣ, и даже иностранцы, бывавшіе во дворцѣ московскаго государя, восхищались блестящими способностями этого преемника „тишайшаго царя“. Воспитанный ревностнымъ сторонникомъ западно-европейскаго просвѣщенія, бояриномъ Ртищевымъ, царевичъ Алексѣй готовился быть однимъ изъ самыхъ образованныхъ государей XVII вѣка. По словамъ историка того времени, „въ его библіотекѣ грамматики, словари, книги по литературѣ и географіи, карты и земные глобусы чередовались съ русскими лѣтописями“. Въ возрастѣ всего 12-ти лѣтъ онъ, по свидѣтельству иностранцевъ, уже въ совершенствѣ владѣлъ латинскимъ языкомъ, составлялъ на немъ стихи, читалъ классическихъ писателей и изучалъ философію. Но слабаго здоровья хватило не надолго: въ январѣ 1670 года царевича Алексѣя, подававшего

самыя лучшія надежды, не стало, и наслѣдникомъ русскаго престола былъ объявленъ его младшій братъ, 14-тилѣтній царевичъ Ѳеодоръ, тоже болѣзненный отъ рожденія.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ нѣжнымъ отцомъ и привѣрнымъ супругомъ. Его письма къ женѣ и семьѣ изъ походовъ, — а писалъ онъ всегда очень много и очень красиво, — неизмѣнно дышали глубокой привязанностью и любовью. „Я радуюсь свиданью съ вами, какъ слѣпой радуется увидѣть свѣтъ“, — писалъ онъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1654 года, находясь въ польскомъ походѣ и предполагая увидѣться съ царицей въ Вязьмѣ.

Въ 1669 году Алексѣя Михайловича постигъ рядъ тяжелыхъ семейныхъ несчастій. 2 марта царица Марья Ильинична скончалась послѣ рожденія дочери, которая пережила мать только на 2 дня. Нѣжно любящій супругъ былъ глубоко потрясенъ этой утратой, вскорѣ значительно отягченной смертью двухъ сыновей. Черезъ три мѣсяца послѣ матери скончался царевичъ Симеонъ, а къ концу года захворалъ и тоже скоро умеръ другой сынъ Алексѣя Михайловича—царевичъ Алексѣй.

Въ тяжелое время семейныхъ огорченій царь близко сошелся съ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, занимавшимъ тогда не особенно важный постъ „головы“ [т.-е. главнаго начальника] московскихъ стрѣльцовъ¹.

Среди русскихъ людей второй половины XVII вѣка Матвѣевъ былъ, несомнѣнно, самымъ горячимъ приверженцемъ европейскаго образованія и европейскаго склада жизни. Его преклоненіе передъ Западной Европой не ограничивалось однимъ лишь усвоеніемъ европейскаго просвѣщенія, но шло гораздо дальше, выливаясь въ стремленіе провести въ жизнь понятія, нравы и обычаи иноземцевъ. Едва ли не первый среди тогдашнихъ дворянъ, Матвѣевъ женился на шотландкѣ изъ московской нѣмецкой слободы, урожденной Гамильтонъ, принявшей православіе подъ именемъ Евдокии Григорьевны.

Стремясь развлечься отъ семейнаго горя, Алексѣй Михайловичъ сталъ часто запросто бывать въ домѣ Матвѣева. Здѣсь ему пришлось близко наблюдать новый складъ жизни, новые

1. Только въ 1674 году, т.-е. уже послѣ рожденія Петра I, Матвѣевъ былъ возведенъ въ высокое званіе боярина.

обычай и, главное, новые домашніе порядки, совершенно непохожіе на тѣ, которые предписывались московской стариной. Особенно рѣзко это бросалось въ глаза на женской половинѣ дома Матвѣева.

Въ то время какъ въ домахъ другихъ московскихъ бояръ и дворянъ женщины проводили жизнь въ теремахъ, очень рѣдко, да и то лишь украдкой, а иногда и съ большимъ опасеніемъ, встрѣчаясь съ мужчинами, въ домѣ Матвѣева было какъ разъ

Наталья Кирилловна Нарышкина.

наоборотъ. Сама хозяйка дома, какъ иностранка по всѣмъ взглядамъ и привычкамъ, нисколько не стѣснялась показываться въ мужскомъ обществѣ. Въ такихъ же понятіяхъ воспитывалась и молодая племянница Матвѣева, Наталья Кирилловна Нарышкина, дочь неизвѣстнаго мелкаго дворянина.

Посѣщая запросто домъ Матвѣева, Алексѣй Михайловичъ не разъ встрѣчалъ тамъ и красивую брюнетку Нарышкину. Скоро она такъ понравилась еще совсѣмъ не старому, недавно овдовѣвшему царю, что онъ отъ разговоровъ съ Матвѣевымъ о присканіи его бѣдной племянницѣ богатаго жениха прямо пере-

шелъ къ признанію, что самъ желаетъ быть ея женихомъ, и просить благословить ее на бракосочетаніе.

Чтобы такимъ поспѣшнымъ и необычнымъ сватовствомъ не дать повода къ злымъ пересудамъ и всякимъ сплетнямъ, Алексѣй Михайловичъ и Матвѣевъ рѣшили примѣнить прежній освященный обычаемъ способъ выбора царемъ невѣсты.

Со всего государства собрали во дворецъ нѣсколько сотъ красивѣйшихъ дѣвицъ боярскихъ и дворянскихъ фамилій. Среди нихъ была, конечно, и Наталья Кирилловна Нарышкина. Въ сопровожденіи „нѣмца-дохтура“, Алексѣй Михайловичъ не одну ночь проходилъ по рядамъ спящихъ красавицъ, притворно бесѣдуя о томъ, какая изъ нихъ имѣетъ больше данныхъ стать „утѣхою своему господину“, и многихъ дѣвицъ заставляя напрасно переживать трепетныя предвкушенія возможнаго счастья и почета.

Такъ какъ выборъ невѣсты былъ предрѣшенъ, то онъ состоялся довольно скоро, и 22-го января 1671 года было совершено вѣнчаніе царя съ воспитанницей Матвѣева.

Къ второй супругѣ Алексѣй Михайловичъ питалъ даже еще болѣе нѣжныя чувства, чѣмъ къ первой, но всего только около пяти лѣтъ наслаждался новымъ семейнымъ счастьемъ.

Бракъ царя съ Нарышкиной, воспитанной въ новыхъ понятіяхъ, внесъ большія перемѣны въ строй всей придворной жизни. Новая царица позволяла себѣ появляться на улицахъ Москвы въ открытомъ экипажѣ, не стѣсняясь обращенными на нее взглядами мужчинъ. Въ самомъ дворцѣ появились никогда до того времени не виданныя „комедійныя забавы“. Была даже приглашена нѣмецкая труппа актеровъ подъ управленіемъ Юганна Григори. Сперва въ селѣ Преображенскомъ была построена „комедійная хоромина“, а затѣмъ и въ самомъ кремлевскомъ дворцѣ заведена „комедійная палата“.

30 мая 1672 года у молодой царицы родился первенецъ—будущій императоръ и Преобразователь Россіи Петръ Великій. Кромѣ сына, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ отъ второй супруги еще двухъ дочерей.

Среди непрерывныхъ государственныхъ трудовъ и семейныхъ хлопотъ и обязанностей царь, по характеру страстный охотникъ и восторженный любитель природы, находилъ время и

Обрядъ поднесенія царю перчатки на соколиной охотѣ.

Рис. В. Г. Шварца.

для любимѣйшаго своего развлечения — соколиной охоты. При дворѣ содержался многочисленный штатъ разныхъ ловчихъ, кречетниковъ и ихъ помощниковъ. На дворцовыхъ голубятняхъ имѣлось до 100.000 гнѣздъ на кормъ „охотной“ птицѣ. По государству былъ даже установленъ особый налогъ, который шелъ на содержание царскихъ кречетовъ.

Соколиная охота была для Алексѣя Михайловича настоящимъ праздникомъ. На парадную царскую „потѣху“ сокольники выѣзжали въ яркихъ цвѣтныхъ кафтанахъ, въ дорогихъ горностаевыхъ и лисьихъ шапкахъ и въ сафьянныхъ сапожкахъ, а на боку у каждаго висѣлъ серебряный рогъ. Сокола и кречеты были тоже въ роскошныхъ „выѣздныхъ“ нарядахъ.

Обширные луга, окружавшіе въ то время любимыя царемъ подмосковныя села Измайловское и Коломенское, изобиловали дикими утками и гусями, такъ что Алексѣй Михайловичъ могъ вволю наслаждаться на этихъ лугахъ страстно любимой имъ охотой съ соколами.

Проводя иногда цѣлые дни въ окрестностяхъ Москвы, царь сильно полюбилъ свои загородные дворцы, и заботился объ ихъ украшеніи гораздо больше, нежели о кремлевскихъ дворцахъ. Особенно нравилось Алексѣю Михайловичу село Коломенское, находящееся въ 7 верстахъ отъ Москвы (за Новоспасскимъ монастыремъ). Расположенное на высокомъ берегу Москвы-рѣки, съ очень красивымъ видомъ на столицу, это село сдѣлалось самымъ любимымъ мѣстопробываніемъ царя въ лѣтнее время. Нерѣдко онъ проводилъ въ Коломенскомъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ подъ рядъ. Старыя царскія „хоромы“, построенныя еще при Иоаннѣ Грозномъ, тоже любившемъ часто наѣзжать въ Коломенское, были и некрасивы и недостаточно обширны для двора Алексѣя Михайловича. Поэтому рѣшено было построить новый дворецъ, такой, какой „приличенъ московскому государю“.

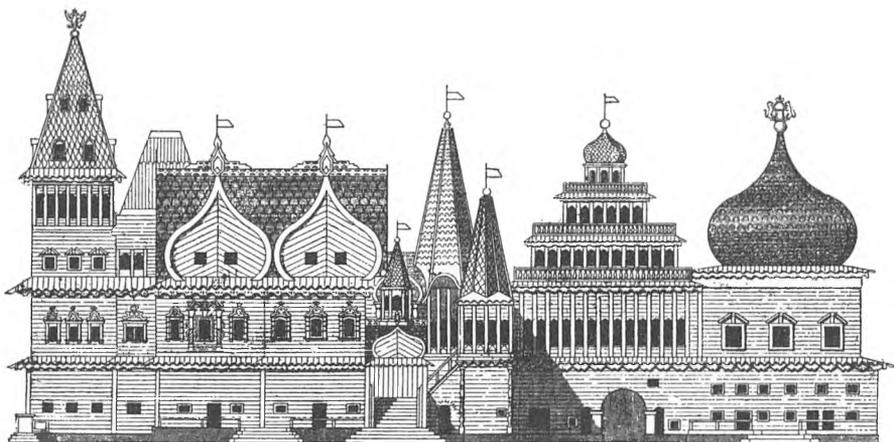
Съ осени 1666 года въ дремучихъ лѣсахъ Брынскихъ, Муромскихъ, Рязанскихъ и др. начали заготовлять для новаго дворца строевой матеріалъ. 1667 и два слѣдующихъ за нимъ года прошли въ усиленныхъ работахъ по возведенію стѣнъ и внутреннему украшенію и отдѣлкѣ палатъ Коломенскаго дворца.

Постройка вышла великолѣпной, и возбуждала одинаковое восхищеніе какъ у русскихъ, такъ и у иностранцевъ. Нѣмецъ

Рейтенфельсъ сравнивалъ царскій дворець съ красивой дѣтской игрушкой, только что вынутой изъ ящика, а Симеонъ Полоцкій называлъ его въ своихъ хвалебныхъ виршахъ „восьмымъ дивомъ“ свѣта.

Польскіе послы, которыхъ Алексѣй Михайловичъ принималъ въ 1671 году въ селѣ Коломенскомъ, оставили такое описаніе новаго царскаго дворца:

„Въ началѣ церковь каменная съ притворами..... Къ церкви отъ хоромъ переходы досками обиты, мосты войлоками постланы

Коломенскій дворець. Государевы хоромы.

для тепла и мягкаго хожденія. Хоромы всѣ деревянныя плотническою работою довольно доброю построены.

„Переднія сѣни съ теремомъ осьмиграннымъ, въ которыхъ зодиакъ выписанъ; потомъ двои хоромы царскаго величества съ лавками и печью довольно пригожими..... Изба для бояръ.....

„Щиты надъ хоромами его царскаго величества круглыя, на которыхъ Европа, Африка, Асія написаны. Надъ входомъ судъ Соломоновъ написанъ, передъ сѣнми выставка изъ оконъ дутая написана, съ гербами государей и государствъ.

„Признаться, что мѣсто зело весело и хорошо видѣть поля далече и видѣть вся Москва, монастыри и на Москву-рѣку, подъ самымъ дворцомъ текушую.

„Въ томъ же мѣстѣ, около той рѣки-Москвы, сѣнокосы едва окомъ презрѣтъ мочно, по которымъ едва разольется рѣка множество птицъ, которыми царское величество тѣшится и соколовъ на птицъ пускаетъ, поле къ потѣхѣ весьма угодно.....“

Вокругъ Коломенскаго дворца были раскинуты царскіе фруктовые сады, занимавшіе площадь свыше 50 десятинъ. Часть этихъ садовъ сохранилась и до настоящаго времени.

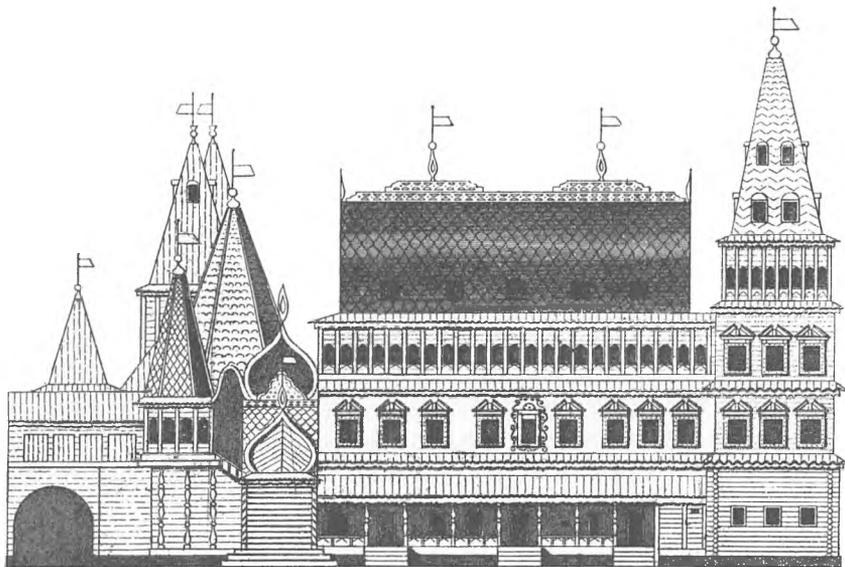
Не менѣ дѣятельно Алексѣй Михайловичъ занимался украшеніемъ и другого любимаго имъ подмосковнаго села — Измайловскаго, гдѣ онъ стремился создать образцовую ферму, развести плодовый и ягодный сады и плантацію тутовыхъ деревьевъ для шелковичныхъ червей.

Украшеніе московскаго Кремля мало привлекало вниманіе „тишайшаго царя“, страстно любившаго деревенскую жизнь и природу. Въ Кремлѣ Алексѣй Михайловичъ расширялъ и перестраивалъ главнымъ образомъ дворцовыя помѣщенія, дѣлая ихъ болѣе удобными для своей многочисленной семьи. Наоборотъ, отецъ царя, Михаилъ Ѳеодоровичъ, заботился только о кремлевскихъ зданіяхъ, и во все время своего правленія удѣлялъ на нихъ остатки государственныхъ доходовъ.

Государственная дѣятельность Алексѣя Михайловича была направлена, во-первыхъ, къ окончательному устраненію старыхъ неурядицъ народной жизни, еще остававшихся послѣ Смутнаго времени и междуцарствія, а во-вторыхъ, къ преобразованію управленія страной сообразно новымъ потребностямъ. Во многихъ отношеніяхъ царствованіе Алексѣя Михайловича было подготовительнымъ къ реформамъ Петра Великаго, такъ какъ во второй половинѣ XVII вѣка жизнь Россіи уже вступила на тотъ путь, по которому впослѣдствіи ее стремительно повелъ преемникъ „тишайшаго царя“, императоръ Петръ I.

Второму царю Дома Романовыхъ досталось отъ отца тяжелое государственное наслѣдство: не было прочнаго мира ни внѣшняго, съ сосѣдними государствами, ни внутренняго, среди населенія страны, то и дѣло проявлявшаго свое недовольство мятежами и возстаніями. Крестьяне бросали земли и толпами бѣжали въ привольныя степи по берегамъ Дона и Волги, гдѣ можно было спастись отъ тяжелыхъ государственныхъ налоговъ и повинностей. Размѣщенные на окраинахъ служилые люди

оставляли свои мѣста и поступали въ кабалу къ богатымъ и сильнымъ людямъ или же, примкнувъ къ шайкамъ бродившихъ по странѣ многочисленныхъ разбойничьихъ атамановъ, занимались грабежами мирнаго населенія. Наконецъ, торговый классъ страдалъ отъ конкуренціи иностранцевъ, не платившихъ пошлинъ, и отъ разорительности постоянно возрастающихъ поборовъ и налоговъ на „торги и промыслы“.

Коломенскій дворець. Хоромы царицы.

Правительство царя Алексѣя Михайловича направило свою дѣятельность прежде всего на внутреннее „устройство“ государства. Этому настоятельно требовали событія, особенно народный мятежь въ 1648 году, разразившійся въ столицѣ главнымъ образомъ по винѣ царскаго любимца, боярина Бориса Ивановича Морозова.

Получивъ, благодаря родству съ царемъ по женѣ и прежней близости къ Алексѣю Михайловичу, какъ воспитатель и другъ дѣтства, большое вліяніе на все государственное управленіе, корыстный Морозовъ окружилъ себя лицами, извѣстными въ народѣ своимъ лихоимствомъ. Среди такихъ лицъ особенно

выдавались судья земскаго приказа Леонтій Плещеевъ, окольничій Траханіотовъ и дьякъ Чистого. Злоупотребленія названныхъ лицъ въ управленіи и ихъ взяточничество и вызвали въ 1648 году бурный народный мятежъ. Плещеевъ, Траханіотовъ и Чистого были умерщвлены разъяренной толпой, а ихъ вліятельный покровитель, Морозовъ, спасся отъ такой же смерти лишь благодаря заступничеству самого Алексѣя Михайловича.

Вскорѣ послѣ этого мятежа былъ созванъ земскій соборъ, который въ слѣдующемъ же 1649 году издалъ сводъ законовъ подъ именемъ „Соборнаго Уложенія“. Въ него было внесено много новаго, сравнительно съ прежнимъ законодательствомъ.

По государственнымъ соображеніямъ, „Уложеніе“ окончательно закрѣпило крестьянъ-земледѣльцевъ за ихъ помѣщиками-землевладѣльцами. Прежде крестьянина, бѣжавшаго отъ хозяина-помѣщика, послѣдній могъ разыскивать и возвращать къ себѣ лишь въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, а по прошествіи этихъ лѣтъ крестьянинъ освобождался отъ обязанности возвращаться къ помѣщику, если бы даже и былъ разысканъ. „Уложеніе“ 1649 года совершенно отмѣнило эти „урочныя лѣта“, и помѣщикъ получалъ право искать бѣжавшихъ отъ него крестьянъ и возвращать ихъ черезъ любое время.

Важныя перемѣны были внесены „Уложеніемъ“ и въ законодательство о землевладѣніи.

Въ первой половинѣ XVII вѣка большая часть земель, находившихся у служилыхъ людей, имѣла характеръ „помѣстій“, т.-е. земля жаловалась за службу и лишь на то время, пока продолжалась служба. Съ прекращеніемъ же службы пожалованная земля почти всегда отбиралась отъ служилаго человѣка и передавалась въ пользованіе другому лицу, тоже за его службу государству. „Уложеніе“ Алексѣя Михайловича стало приравнивать временное пользованіе землей за службу къ постоянному и полному владѣнію ею, т.-е. „помѣстье“ стало переходить въ „вотчину“. Сначала такой переходъ былъ допущенъ только какъ разрѣшеніе родственникамъ служилаго человѣка оставлять послѣ его смерти пожалованную ему землю за собой на болѣе или менѣе продолжительное время. Но постепенно вся земля стала оставаться, на правахъ вѣчнаго владѣнія, за служилымъ сословіемъ.

Торговлю и всякаго рода промыслы „Уложение“ 1649 года сдѣлало исключительнымъ занятіемъ „посадскихъ и торговыхъ людей“. Конкуренція иностранцевъ была уничтожена отмѣной ихъ права вести въ московскомъ государствѣ безошлинную торговлю. До изданія „Уложения“ иностранцы, главнымъ образомъ англичане, пользуясь предоставленными имъ еще при Іоаннѣ Грозномъ широкими правами свободной торговли, при покупкахъ товаровъ въ Россіи совершенно вытѣснили русскихъ купцовъ. Черезъ своихъ агентовъ, развѣзжавшихъ по всей странѣ, они выгодно скупали всѣ сырые продукты и отправляли ихъ за границу. Этому былъ положенъ конецъ. Въ 1649 году московское правительство, воспользовавшись, какъ благовиднымъ

Подпись Алексѣя Михайловича.

предлогомъ, тѣмъ, что англичане „всею землею своего короля Карлуса¹ убили“, лишило ихъ права безошлинной торговли.

Всѣ указанныя коренныя реформы 1649 года не улучшили однако состоянія государства настолько, чтобы предотвратить новыя проявленія народнаго недовольства и броженія.

Всего черезъ годъ послѣ изданія „Уложения“ вспыхнули сильныя мятежи народа въ Псковѣ и Новгородѣ. Причиной ихъ послужила отдача Швеціи большого количества хлѣба и денегъ въ уплату за освобожденныхъ шведами русскихъ военнопленныхъ.

1. Здѣсь разумѣется казнь короля Карла I въ 1649 г.

Эти мятежи, подавленные лишь при значительномъ напряженіи военныхъ силъ государства, побудили московское правительство принять дальнѣйшія мѣры къ удовлетворенію насущныхъ нуждъ и потребностей населенія страны.

Въ 1653 году, среди приготовленій къ войнѣ съ Польшей, были установлены новыя таможенныя правила. Вмѣсто прежнихъ мелкихъ пошлинъ, взимавшихся съ товаровъ чуть не въ каждомъ городѣ, и сильно стѣснявшихъ развитіе торговли, была введена одна „рублевая пошлина“—по десяти денегъ съ рубля. Половина ея платилась при покупкѣ и половина при продажѣ товара. Позже, въ 1667 году, таможенныя правила были еще разъ переработаны въ „Новоторговомъ Уставѣ“.

Вообще, правительству Алексѣя Михайловича очень часто приходилось заниматься финансовыми реформами. Главной причиной этого было стремленіе найти источники для пополненія „государевой казны“, сильно истощавшейся отъ частыхъ военныхъ дѣйствій, которыя велись очень широко и требовали отъ государства огромныхъ расходовъ.

Только первые 8 лѣтъ царствованія прошли вполне спокойно, безъ внѣшнихъ столкновеній. Но уже съ 1653 года московское правительство начинаетъ дѣятельно готовиться къ войнѣ со своимъ „вѣковѣчнымъ“ врагомъ—Польшей. Къ концу этого же года, съ одобренія выборныхъ людей, начинаются военныя дѣйствія, и самъ царь отправляется съ войскомъ въ походъ противъ Польши.

Главной причиной этой войны явилась, помимо старинныхъ счетовъ съ поляками, борьба за Малороссію. Этимъ именемъ назывались въ то время польскія владѣнія по среднему теченію Днѣпра, въ которыхъ къ половинѣ XVII вѣка коренное русское населеніе отложилось отъ католической Польши и стало стремиться къ соединенію съ единовѣрной Москвой.

Постоянная борьба съ поляками за религію и національную самобытность выработала среди малороссовъ особый типъ—казака—человѣка, который въ мирное время занимался земледѣліемъ, ремесломъ или торговлей, а въ военное время являлся вполне подготовленнымъ къ походу воиномъ. Среди казаковъ особенно выдавались по своимъ боевымъ качествамъ такъ называемые запорожцы—казаки, поселившіеся на островахъ Днѣпра,

расположенныхъ ниже пороговъ („за порогами“). Тамъ и была знаменитая Запорожская Сѣчь, такъ ярко описанная Гоголемъ въ его повѣсти „Тарась Бульба“. Изъ Сѣчи запорожцы дѣлали постоянные набѣги на Польшу, Крымъ и даже Турцію, отчасти въ поискахъ богатой добычи, а отчасти чтобы дѣлать „святое дѣло“—бить „ляховъ“ и „поганныхъ“, т.-е. мусульманъ-татаръ и турокъ. Другая часть казаковъ, болѣе осѣдлыхъ, называлась казаками украинными, или городowymi.

Алексѣй Михайловичъ въ костюмѣ малоросс. гетмана.

Тяжкое владычество польскихъ пановъ-помѣщиковъ крѣпко спаяло тѣхъ и другихъ казаковъ въ одну общую массу, всегда готовую съ оружіемъ въ рукахъ защищать себя и свои права.

До 1650 года казаки, большей частью самостоятельно, безъ посторонней помощи, вели постоянную борьбу за освобожденіе отъ польскаго ига. Не добившись большихъ успѣховъ, они пришли къ мысли втянуть въ свою борьбу и московское государство. Единая по крови и вѣрѣ Москва для православнаго

населенія Украйны всегда представлялась послѣдней надеждой и оплотомъ въ трудныя времена. Послѣ неудачныхъ войнъ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія русское населеніе Приднѣпровья стало постепенно отливать къ Дону, въ такъ называемую „Слободскую Украйну“, въ русскія владѣнія. Этимъ переселеніемъ какъ бы указывался казацкимъ предводителямъ путь, откуда нужно просить помощи въ борьбѣ съ Польшей.

Одинъ изъ казацкихъ вождей, Богданъ Хмельницкій, всего болѣе способствовавшій борьбѣ за освобожденіе Малороссіи отъ поляковъ, въ 1650 году рѣшилъ обратиться за помощью прямо къ православной Москвѣ. Правительство Алексѣя Михайловича, выслушавъ просьбы и убѣжденія пословъ Хмельницкаго, долго обсуждало щекотливый вопросъ, „задирать“ ли Польшу или предоставить казаковъ самимъ себѣ. И только въ 1653 году было окончательно рѣшено воевать съ Польшей изъ-за Малороссіи, а въ началѣ слѣдующаго 1654 года совершилось присоединеніе Украйны къ московскому государству.

Польская война началась съ рѣдкимъ успѣхомъ для Москвы: въ 1654 году русскими войсками былъ взятъ Смоленскъ, а въ слѣдующемъ году были взяты Вильна, Ковно и Гродно.

Блестящій успѣхъ въ войнѣ съ Польшей скоро вовлекъ московское правительство въ новую войну — со Швеціей. Эта война продолжалась 5 лѣтъ и окончилась (въ іюнѣ 1661 года) мирнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Кардиссѣ (близъ гор. Ревеля). Со шведскимъ королемъ былъ подписанъ „вѣчный миръ“ на прежнихъ условіяхъ Столбовскаго договора, но съ уступкой Швеціи тѣхъ городовъ въ Ливоніи, которые были взяты московскими войсками.

Одновременное веденіе двухъ большихъ войнъ вызвало полное истощеніе государственныхъ средствъ, и даже окончаніе одной войны—со Швеціей—не избавило московское государство отъ новыхъ тяжелыхъ потрясеній внутри страны.

Чтобы получить средства для уплаты жалованья служилымъ людямъ, правительство рѣшило замѣнить серебряныя деньги мѣдными съ такъ называемымъ принудительнымъ курсомъ, т.-е. въ обращеніи у населенія мѣдныя деньги должны были имѣть цѣнность *одинаковую* съ серебряными деньгами, хотя дѣйствительная цѣнность тѣхъ и другихъ разнилась, конечно, очень

Варт. А. Д. Литовченко

Царь Алексѣй Михайловичъ и новгородскій архіепископъ Никонъ
у гроба чудотворца Филиппа митрополита московскаго.

значительно. Такимъ образомъ, мѣдныя деньги должны были служить приблизительно такими же денежными знаками, какими въ настоящее время являются бумажныя деньги, но только онѣ не были обеспечены запасами золота или серебра въ государственномъ казначействѣ.

Такая финансовая операція имѣла успѣхъ лишь въ самомъ началѣ. Черезъ короткое время мѣдныя деньги упали въ цѣнѣ настолько, что за одинъ серебряный рубль давали 10, 15 и больше мѣдныхъ рублей. Для населенія тяжесть введенія мѣдныхъ денегъ увеличивалась еще и тѣмъ, что лица, завѣдывавшія выпускомъ новыхъ денегъ — тестъ царя, бояринъ Милославскій, и царскій любимецъ Матюшкинъ—выпустили въ обращеніе не мало фальшивыхъ монетъ.

Замѣна серебра мѣдью привела въ 1662 году къ народному бунту, извѣстному въ исторіи подъ именемъ „мѣднаго бунта“; послѣ усмиренія его мѣдныя деньги были уничтожены, и въ обращеніе снова выпущены серебряныя.

Подъ давленіемъ тяжелаго финансоваго положенія страны были начаты мирные переговоры съ Польшей. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго Малороссія пыталась отложиться отъ Москвы, стремясь сдѣлаться, съ помощью турецкаго султана, самостоятельнымъ, независимымъ государствомъ. Но при сынѣ Хмельницкаго ее удалось удержать подъ властью московскаго царя. Къ концу же польской войны она раздѣлилась на двѣ части: Лѣвобережную (по теченію Днѣпра) и Правобережную Украину. Первая осталась за Москвой, а вторая отдалась полякамъ.

На условіяхъ такого раздѣленія Малороссіи въ 1667 году и былъ заключенъ съ Польшей Андрусовскій миръ. Въ Правобережной Украинѣ Москвѣ удалось оставить за собой одинъ только Кіевъ.

Для полной картины состоянія московскаго государства при Алексѣѣ Михайловичѣ должно описать еще два важныхъ событія этого царствованія — расколъ въ русской церкви и бунтъ Стеньки Разина.

Нестроенія въ русской церкви замѣчались давно, еще въ XVI столѣтіи. Они вызывались преимущественно искаженіемъ текста книгъ священнаго писанія и богослужебныхъ малограмот-

ными переписчиками и такими же печатниками. Съ теченіемъ времени въ книгахъ появилось не мало иногда довольно грубыхъ ошибокъ и разночтеній. Многіе церковные обряды, которыми въ Москвѣ особенно дорожили, оказывались сильно отличающимися отъ древне-православнаго, греческаго чина богослуженія.

Первая серьезная попытка исправить церковныя книги и была сдѣлана въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ половинѣ XVII вѣка. Эта попытка тѣсно связана съ личностью патріарха Никона и его противниковъ въ дѣлѣ исправленія книгъ, такъ какъ они придали чисто-церковному вопросу не перво-степенной важности характеръ страстной борьбы за сущность и чистоту православнаго вѣроученія.

Патріархъ Никонъ родился въ простой крестьянской семьѣ села Вельеманова Нижегородской губ. Еще въ дѣтствѣ научившись дома читать и писать, онъ поступилъ въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь, гдѣ и провелъ юношескіе годы. Всего 20 лѣтъ отъ роду Никита — такъ звали Никона до постриженія въ монашество—вернувшись въ родное село, уже былъ поставленъ священникомъ въ немъ. Дальнѣйшее движеніе Никона, отъ настоятельства въ глухомъ селѣ до сана всероссійскаго патріарха и друга царя, совершилось необыкновенно быстро.

Московскіе купцы, пріѣзжавшіе на Макарьевскую (теперь Нижегородскую) ярмарку, услыжавъ о сельскомъ священникѣ Никитѣ, краснорѣчивомъ проповѣдникѣ и строгомъ блюстителѣ церковныхъ уставовъ и обрядовъ, пригласили его перейти на службу въ Москву. Но въ столицѣ Никонъ оставался не долго. Разочаровавшись въ дѣятельности простого пастыря, онъ рѣшилъ отказаться отъ міра и уйти въ монастырь, тѣмъ болѣе что этому благопріятствовали и обстоятельства семейной жизни—смерть дѣтей. Похоронивъ ихъ и разведясь съ женой, которая тоже постриглась въ Алексѣевскомъ монастырѣ, Никонъ принимаетъ монашество, оставляетъ свое мѣсто священника въ Москвѣ и уѣзжаетъ на Соловецкіе острова. Тамъ своими способностями и строгой жизнью онъ скоро выдѣляется изъ рядовъ простыхъ монаховъ, и назначается игуменомъ Кожеозерскаго монастыря (въ Архангельской губерніи).

Молва о подвижникѣ-игуменѣ дошла до царя Алексѣя Михайловича, всегда питавшаго большой интересъ къ монашеству.

По дѣламъ своей обители Никонъ прїѣзжаетъ въ Москву, здѣсь встрѣчается съ царемъ, бесѣдуетъ съ нимъ о церковныхъ вопросахъ и вызываетъ къ себѣ такое расположеніе Алексѣя Михайловича, что назначается настоятелемъ Новоспасскаго монастыря, бывшаго усыпальницей бояръ Романовыхъ. Царь часто прїѣзжаетъ въ этотъ монастырь помолиться на гробницахъ своихъ предковъ и почившихъ родственниковъ, встрѣчаетъ Никона и послѣ молитвы нерѣдко заходитъ для „душевной бесѣды“ въ настоятельскіе покои.

Съ этого времени возвышеніе Никона по церковной лѣстницѣ пошло поразительно быстро. Въ 1649 году онъ назначается уже новгородскимъ митрополитомъ. Каѳедра въ Великомъ Новгородѣ считалась въ то время самой видной, послѣ Москвы, во всемъ государствѣ. Исключительное положеніе и вліяніе Никона, какъ „собиннаго друга“ самого царя, дѣлають его въ дѣйствительности не только духовнымъ, но и свѣтскимъ правителемъ всей Новгородской области.

Во время народнаго мятежа въ Новгородѣ въ 1650 году митрополитъ Никонъ принялъ противъ зачинщиковъ самую крутую мѣру. Это такъ озлобило толпу, что она тяжко избила духовнаго владыку. Никонъ опасно захворалъ и слегъ. О своемъ состояніи во время болѣзни онъ писалъ Алексѣю Михайловичу: „.....и нынѣ лежу на концѣ живота, харкаю кровью, и животъ весь распухъ: чаю скорой смерти, масломъ соборовался“.

Но крѣпкое отъ природы здоровье Никона побѣдило болѣзнь, и онъ скоро вполне оправился отъ побоевъ. Всего лишь черезъ 3 года онъ уже былъ назначенъ на всероссійскій патріаршій престолъ, несмотря на сильное нежеланіе почти всего столичнаго духовенства и большинства знатныхъ боярскихъ фамилій имѣть Никона главой русской церкви.

Ставъ патріархомъ, Никонъ тотчасъ же приступилъ къ исправленію церковныхъ книгъ и повелъ это дѣло очень настойчиво, опираясь на свою верховную въ церкви власть. Скоро ему пришлось встрѣтить серіозныя препятствія, вполнѣдствіи побѣдившія его.

Еще до патріаршества Никона въ Москвѣ, среди столичнаго и отчасти провинціальнаго духовенства, образовался кружокъ ревнителей православія, во главѣ котораго сталъ протопопъ Ка-

Карт. В. Г. Шварц .

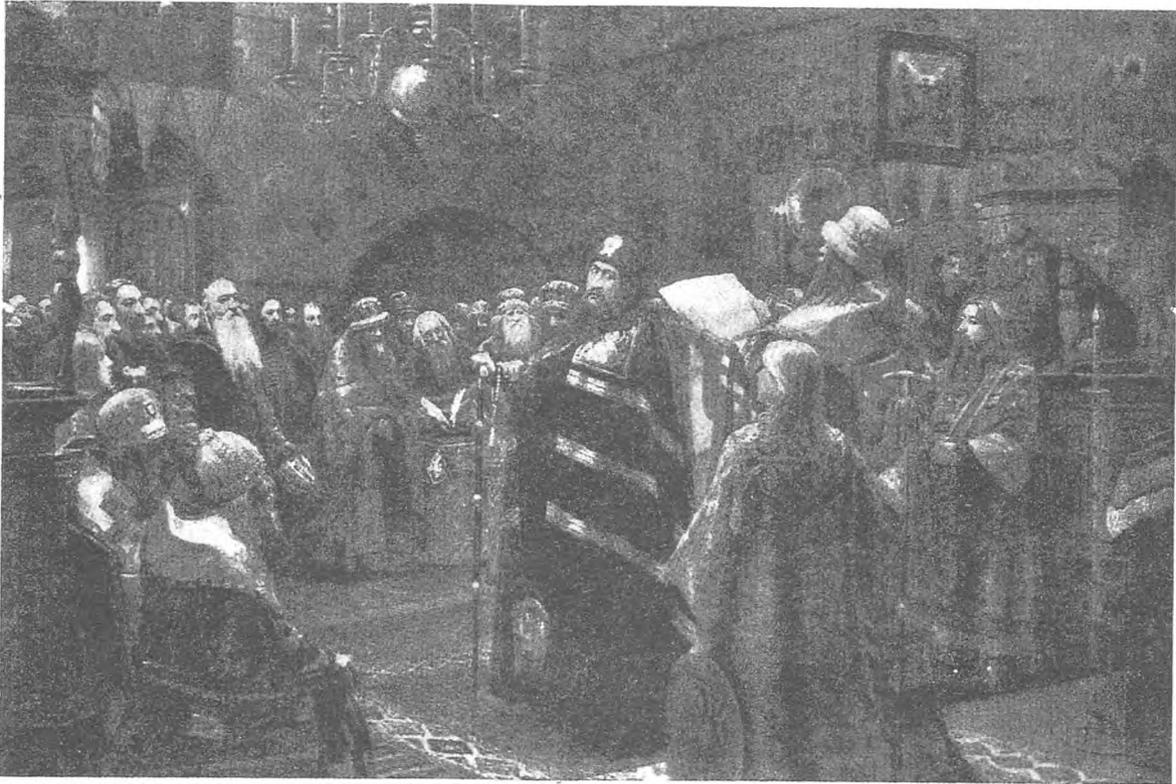
Патріархъ Никонъ въ Новомъ Іерусалимѣ.

занскаго собора, Иванъ Нероновъ. Члены этого кружка тоже стремились поднять церковную жизнь, но думали осуществить это нѣсколько инымъ путемъ, нежели Никонъ, постепенно, безъ потрясеній. Нѣкоторые изъ окружавшихъ Неронова лицъ уже принимали участіе въ исправленіи церковныхъ книгъ, начатомъ еще до патріаршества Никона, и были близко знакомы съ этимъ дѣломъ. Они, естественно, ожидали, что Никонъ пригласитъ въ сотрудники себѣ именно ихъ, а не другихъ лицъ. Между тѣмъ патріархъ поручилъ все дѣло кievскому монаху Епифанію Славинецкому и ученому греку Арсенію Суханову. Считая себя несправедливо обойденными Никономъ, друзья Неронова скоро вступили въ разногласіе съ патріархомъ относительно многихъ вопросовъ исправленія, при чемъ чисто церковный споръ быстро перешелъ въ личные счеты, ожесточившіе обѣ стороны.

Между тѣмъ положеніе при царскомъ дворѣ мелочно самолюбиваго и крайне рѣзкаго патріарха сильно поколебалось. Алексѣй Михайловичъ постепенно охладѣлъ къ своему несдержанному другу, а среди придворныхъ бояръ у Никона явилось много самыхъ непримиримыхъ враговъ. Преслѣдованія Никона, направленныя противъ наиболѣе выдающихся и вліятельныхъ членовъ кружка Неронова, еще болѣе ослабили значеніе патріарха при дворѣ: стали даже искать какого-нибудь удобнаго повода для устраненія „всевластнаго“ владыки. Такой поводъ скоро представился.

Лѣтомъ 1658 года въ Москвѣ встрѣчали грузинскаго царя. Окольничій Богданъ Хитрово, слѣдившій за порядкомъ при въѣздѣ въ столицу иностраннаго гостя, избилъ палкой патріаршаго стряпчаго князя Мещерскаго. Послѣдній искалъ защиты у патріарха. Никонъ написалъ царю довольно рѣзкое письмо съ просьбой удовлетворить Мещерскаго за полученную имъ отъ Хитрово обиду. Алексѣй Михайловичъ обѣщалъ посланному патріарха разобрать дѣло и наказать виновнаго, но все откладывалъ исполненіе своего обѣщанія.

Честолюбивый и гордый Никонъ, понявъ, что при дворѣ его значеніе упало, и что противники торжествуютъ побѣду, самъ оставилъ патріаршество, но сопровождалъ свой уходъ цѣлымъ рядомъ поступковъ, оскорбительныхъ для царя. Отказавшись отъ своего высокаго сана, несмотря на всѣ уговоры Алексѣя

Судъ надъ патриархомъ Никономъ.

Карт. С. Д. Милорадовича.

Михайловича и друзей, Никонъ уѣхалъ изъ Москвы въ свой любимый Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), въ 58 верстахъ отъ столицы.

Въ слѣдующемъ 1659 году царь Алексѣй Михайловичъ первый сдѣлалъ попытку примириться съ удалившимся патріархомъ, но она оказалась безуспѣшной, и за упорство и гордость Никонъ былъ сосланъ изъ московской епархіи въ Крестный монастырь на Бѣломъ морѣ.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ созвали помѣстный церковный соборъ, которому и поручили разобрать „дѣло Никона“. Соборъ постановилъ избрать новаго всероссійскаго патріарха, а Никона лишить священнаго сана. Но горячая защита на соборѣ, оказанная опальному патріарху его бывшимъ помощникомъ Епифаніемъ Славинецкимъ, побудила Алексѣя Михайловича еще разъ сдѣлать попытку примиренія съ гордымъ Никономъ, но и эта попытка не удалась, такъ какъ Никонъ оставался непреклоннымъ въ своихъ высокоумѣрныхъ требованіяхъ.

Въ 1666 году все дѣло Никона рѣшили перенести на судъ восточныхъ патріарховъ. Двое изъ нихъ—антіохійскій патріархъ Макарій и александрійскій Паисій—даже пріѣхали въ Москву, чтобы принять участіе въ соборѣ, судившемъ Никона.

Обвинителемъ послѣдняго выступилъ самъ Алексѣй Михайловичъ. Царь изложилъ восточнымъ патріархамъ исторію своей ссоры съ Никономъ и обвинялъ его въ томъ, что онъ, сложивъ съ себя санъ, оставилъ церковь на девятилѣтнее „вдовство“, во время котораго и поднялись раскольники. Выслушавъ черезъ переводчика рѣчь царя, патріархи спросили Никона:

— Зачѣмъ ты оставилъ патріаршій престолъ?..

— Я ушелъ отъ государева гнѣва,—отвѣчалъ Никонъ.—И прежніе святые отцы, Аванасій Александрійскій и Григорій Богословъ, бѣжали отъ царскаго гнѣва...

На это царь возразилъ, что оскорбленіе, полученное Мещерскимъ, не могло обидѣть Никона. Затѣмъ Алексѣй Михайловичъ сталъ жаловаться собору, что въ своихъ письмахъ и рѣчахъ Никонъ дерзко поносилъ его. На эти обвиненія царя бывший патріархъ отвѣчалъ новыми рѣзкостями.

На слѣдующихъ засѣданіяхъ собора Никона обвиняли въ томъ, что, отказавшись отъ патріаршества, онъ все-таки на-

зываетъ себя патріархомъ. Но Никонъ упорно отрицалъ произнесеніе приписывавшихся ему словъ:

— Будь я анаѳема, если захочу патріаршества!..

Когда ему указали, что по церковнымъ правиламъ епископъ, оставившій свою кафедру, лишается ея, Никонъ отвѣтилъ:

— Я этихъ правилъ не принимаю: ихъ нѣтъ въ русской Кормчей; а греческія правила печатали еретики!

Защищаясь отъ обвиненій со всѣхъ сторонъ, Никонъ не стѣснялся въ выраженіяхъ и грубо оскорблялъ царя и патріарховъ. Возмущенный его поведеніемъ, александрійскій патріархъ всталъ и обратился ко всему собранію съ вопросомъ: „Чего достоинъ Никонъ?..“, на что послѣдовалъ единогласный отвѣтъ: „Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія!..“

12 декабря состоялся обрядъ снятія съ Никона сана. Сначала былъ прочитанъ соборный приговоръ, излагавшій обвиненіе Никона въ хулахъ на государя, восточныхъ патріарховъ и православную церковь, а также обвиненіе въ жестокостяхъ надъ подчиненными. По прочтеніи приговора съ Никона стали снимать панагію и клобукъ.

— Возьмите это себѣ,—крикнулъ Никонъ восточнымъ патріархамъ,—раздѣлите жемчугъ между собою: достанется каждому золотниковъ по пяти, по шести, сгодится вамъ на пропитаніе... Вы—бродяги, турецкіе невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтобъ было чѣмъ дань заплатить султану!..

Когда бывшего патріарха, переодѣтаго въ простую иноческую одежду, вывели изъ церкви, онъ громко произнесъ:

— Никонъ! Никонъ! Все это тебѣ случилось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты устраивалъ дорогія трапезы да вечерялъ съ ними, то этого бы тебѣ не случилось!..

Изъ Москвы Никонъ былъ отправленъ въ пожизненную ссылку въ отдаленный Оералонтовъ монастырь (въ Новгород. губ.). Живя тамъ, онъ упорно отсылалъ обратно подарки отъ своего бывшего „собиннаго“ друга, царя Алексѣя Михайловича, и отказывалъ ему въ своемъ благословеніи.

Лишь послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича Никону было разрѣшено возвратиться въ Москву. Но престарѣлый святитель, тяжело больной и разбитый долгимъ пребываніемъ въ заточеніи по разнымъ монастырямъ, могъ доѣхать, по пути къ

Москвѣ, только до Ярославля, гдѣ и скончался 17 августа 1681 года.

Несмотря на опалу, постигшую Никона, начатое имъ исправленіе церковныхъ книгъ пошло дальше тѣмъ же путемъ, по которому повелъ его патріархъ, такъ какъ Алексѣй Михайловичъ вполнѣ сочувствовалъ этому дѣлу и послѣ того, какъ совершенно освободился отъ вліянія „всевластнаго“ святителя церкви.

Во всей исторіи Россіи, а особенно, конечно, въ исторіи русской церкви, осуществленное Никономъ исправленіе книгъ священнаго писанія и богослужебныхъ оставило глубокой, до сихъ поръ не стершейся слѣдъ. Очень многіе православные люди, современники Никона, рѣшительно отказались признать сдѣланныя имъ въ церковныхъ книгахъ исправленія, отдѣлились отъ церкви и образовали цѣлый рядъ религіозныхъ сектъ. Причиной разрыва съ церковью эти люди выставили нарушеніе Никономъ „древняго благочестія“, т.-е., по ихъ мнѣнію, первоначальной, отъ предковъ унаслѣдованной чистоты православія. Не желая принимать „никоніанской ереси“, т.-е. сдѣланныхъ Никономъ исправленій, защитники старыхъ церковныхъ книгъ и старыхъ религіозныхъ обрядовъ образовали многочисленные толки раскольниковъ-старообрядцевъ, до сихъ поръ чуждающихся господствующей церкви и живущихъ совершенно отдѣльной религіозной жизнью.

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича все государство было глубоко потрясено однимъ изъ сильнѣйшихъ въ русской исторіи народныхъ мятежей — бунтомъ Стеньки (т.-е. Степана) Разина. Для подавленія этого широко разлившагося по странѣ бунта московское правительство должно было приложить крайнія усилія, и побѣда была одержана лишь благодаря войскамъ, обученнымъ иноземному строю.

Обширные, почти совершенно пустынные земли по нижнему теченію Волги и Дона въ XVII вѣкѣ были мѣстомъ, куда стекались всѣ, кому плохо жилось въ московскомъ государствѣ или кто имѣлъ основанія опасаться закона и его представителей. Сюда бѣжалъ холопъ отъ тяжелой кабалы у господина, бѣднякъ-крестьянинъ бѣжалъ отъ налоговъ и государственныхъ повинностей, служилый человекъ укрывался отъ наказанія за совершенныя на службѣ преступленія. Сюда же спасались отъ мо-

сковскихъ застѣнковъ и палачей разбойники, грабители и тяжкіе государственные преступники. Вся эта масса отчаянныхъ людей, готовыхъ на все, занималась главнымъ образомъ грабежами волжскихъ купеческихъ каравановъ и разбойничьими набѣгами на ближайшія заселенныя окраины русскаго государства.

Въ 1666 году среди приволжской „вольницы“, какъ называлось тогда разбойничье населеніе южныхъ областей, появился лихой атаманъ изъ донскихъ казаковъ, по имени Степанъ Разинъ, который уже первыми своими набѣгами приобрѣлъ во

Степка Разинъ.

всемъ краю широкую и громкую извѣстность. Своей шайкѣ, или „ватагѣ“, въ которой вначалѣ было всего около 2000 человекъ, Разинъ далъ казацкое устройство, раздѣливъ ее на сотни и десятки.

Первые громкіе успѣхи Степка — подъ такимъ уменьшительнымъ именемъ Разинъ сталъ извѣстенъ въ широкихъ слояхъ народа — имѣлъ на Волгѣ и Уралѣ, который въ то время назывался Яикомъ. Но въ 1668 году шайка Разина, во много разъ увеличившаяся, перекинулась на Каспійское море и начала грабить и разорять богатыя прибрежныя области Персіи. Войско, посланное персидскимъ шахомъ противъ Разина, было разбито.

Съ богатой добычей Стенька и его „молодцы“ вернулись изъ Персіи опять на Волгу и стали праздновать удачный походъ на „невѣрныхъ“, т.-е. персовъ-мусульманъ. Среди множества привезенныхъ изъ Персіи плѣнныхъ была и знатная персіянка-красавица, дочь Менеды-хана, предводителя разбитыхъ Разинымъ персидскихъ войскъ. Въ лагерѣ Стеньки пошли безумныя попойки. Во время одной изъ нихъ и случилось событіе, всего болѣе поразившее впечатлительное народное воображеніе и возвысившее лихого атамана въ глазахъ товарищей. Народныя пѣсни разсказываютъ объ этомъ событіи такъ.

Однажды Стенька пьянствовалъ, въ кругу своихъ „молодцевъ“, на богато украшенномъ стругѣ (большой палубной лодкѣ). Возлѣ атамана находилась и плѣнная персидская княжна, ставшая наложницей Разина. Отъ массы выпитаго вина Стенька сильно захмелѣлъ. Среди пира близкіе товарищи атамана, тоже разгоряченные виномъ, замѣтивъ его исключительное вниманіе къ плѣнницѣ, стали рѣзко укорять его въ измѣнѣ казацко-разбойничьимъ правиламъ дружбы и чести. Они напомнили ему всѣ тяжелые походы, гдѣ они рисковали для него жизнью, указали и на то, что онъ увлекъ ихъ въ опасное дѣло, изъ-за котораго они обречены теперь на пытки и позорную казнь отъ рукъ московскихъ палачей. Приобрѣтя богатство и власть, онъ уже забываетъ ихъ для какой-то плѣнной персіянки, добытой тоже при ихъ помощи. Если атаманъ такъ сильно привязался къ женщинѣ, то они готовы оставить его съ ней: пусть она и добываетъ ему богатство, славу и власть. Въ отвѣтъ на эти укоры Стенька вдругъ вскакиваетъ и, обращаясь къ Волгѣ, восклицаетъ:

— Ахъ ты, Волга-матушка, рѣка великая! Много ты дала мнѣ злата и серебра и всего добраго! Какъ отецъ и мать, славой и честью меня надѣлила! А я тебя еще ничѣмъ не отблагодарилъ! На-жъ тебѣ, возьми!—съ этими словами Стенька схватилъ персидскую княжну и бросилъ ее въ воду.

Поднятый Разинымъ мятежъ сталъ принимать опасные для московскаго государства размѣры, когда лѣтомъ 1669 года Стенька взялъ одинъ за другимъ рядъ городовъ по Волгѣ: Астрахань, Царицынъ, Самару и Саратовъ. „Молодцы“ Стеньки, двигаясь вверхъ по Волгѣ и грабя все на своемъ пути, а такъ-

Разинъ и персидская княжна.

Карт. П. Ф. Яковлева.

же истребляя царскихъ воеводъ и служилыхъ людей, начали говорить даже о походѣ на самую столицу—Москву. Правительство приняло самыя энергичныя мѣры, и отправило противъ Разина свѣжія войска, обученныя иноземному военному строю. Подъ Симбирскомъ эти войска, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, встрѣтились съ нестройными толпами Стеньки, осадившаго городъ. Начался бой, окончившійся крайне неудачно для мятежниковъ и рѣшившій судьбу ихъ атамана. Разбитый на голову, Стенька, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Фролкой, бѣжалъ на Донъ; но скоро они были пойманы тамъ царскими воеводами и, закованные въ кандалы, отправлены для суда и казни въ Москву.

По обычаю того вѣка, въ Москвѣ преступниковъ тотчасъ же стали пытать, чтобы вынудить у нихъ сознание. Сперва пытали кнутомъ — толстой ременной полосой. Связали назадъ руки и подвѣсили за нихъ тѣло къ „дыбѣ“ — перекладинѣ. Потомъ связали ноги, просунувъ между ними бревно, на которое вскакивалъ палачъ и вытягивалъ тѣло такъ, что вывертывались руки; а другой палачъ въ это время билъ по спинѣ кнутомъ.

Подвергнутый такой пыткѣ, Стенька не проронилъ ни стона ни звука.

Тогда палачъ сталъ водить по тѣлу раскаленнымъ желѣзомъ и рвать мясо клещами. Но и этой пыткой не добились отъ Стеньки ни слова.

Послѣ Стеньки стали пытать Фролку, который не выдержалъ первой пытки и завопилъ отъ боли.

— Эхъ ты, баба, баба!—сказалъ Стенька брату.—Вспомни-ка наше прежнее житье! Мы жили со славой, повелѣвали тысячами людей! Надобно же теперь терпѣть! Развѣ это больно?! Словно баба иглой уколола!

Когда Стенькѣ стали брить макушку головы для слѣдующей пытки, онъ съ насмѣшкой замѣтилъ брату:

— Мы слыхали, что ученыхъ людей въ попы постригаютъ. Мы же съ тобой, братъ, простаки, а и насъ постригли!

На обритою темя стали лить по каплѣ ледяную воду. Это была самая ужасная пытка. Но Стенька терпѣливо вынесъ и ее.

Казнь была назначена на 6 іюня 1671 года. Осужденныхъ вывели на Лобное мѣсто и прочитали приговоръ. Стенька все

время оставался спокойнымъ. Когда къ нему приблизился палачъ, онъ перекрестился на церкви и, обратившись къ народу, громко произнесъ: „Простите!“

Палачъ отрубилъ Стенькѣ сперва правую руку по локоть, а потомъ лѣвую ногу по колѣно, такъ какъ Стенькѣ была назначена казнь четвертованіемъ. Стенька вынесъ безъ крика и это. Но Фролка закричалъ отъ ужаса и сталъ молить пощады.

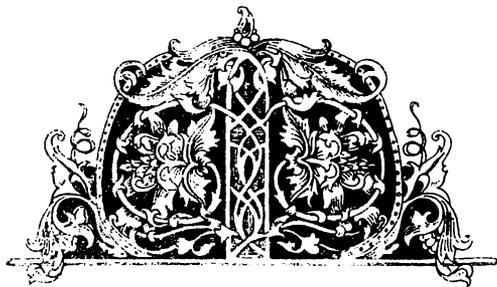
— Молчи, собака!—крикнулъ Фролкѣ братъ.

Это были послѣднія слова грознаго атамана, послѣ которыхъ палачъ отрубилъ ему голову. Фролку же помиловали и на всю жизнь заключили въ тюрьму.

Мятежъ былъ подавленъ, но память о немъ и его страшномъ зачинщикѣ еще долго жила среди поволжскаго населенія въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ.

Самые послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича прошли спокойно. Царю оставалось лишь наслаждаться съ такимъ трудомъ достигнутымъ умиротвореніемъ страны. Но его здоровье стало ухудшаться, и въ январѣ 1676 года явился крайній упадокъ силъ. 28 января этого года, предчувствуя близкую кончину, Алексѣй Михайловичъ благословилъ на царство сына Θεодора, а малолѣтняго царевича Петра поручилъ заботамъ и попеченію дѣда—Кирилла Нарышкина. По случаю „объявленія царемъ“ Θεодора умирающій Алексѣй Михайловичъ приказалъ освободить заключенныхъ, вернуть изъ ссылки опальныхъ, простить казенныя недоимки и заплатить за тѣхъ, которые содержались въ заключеніи за частныя долги.

29 января 1676 года, въ 9 часовъ вечера, „тишайшаго“ царя не стало.

ФЕОДОРЪ АЛЕУВЪВИЧЪ
Царь и Самодержецъ
всероссійскій

Feodor Alexiévitch
Czar et Autocrator
totius Russiae

1676—1682.

Феодоръ Алексѣевичъ

(царствовалъ съ 1676 г. до 1682 г.)

Какъ и всѣ сыновья Алексѣя Михайловича отъ первой супруги, Милославской, царевичъ Феодоръ былъ „хилаго тѣлосложенія и слабаго здоровья“. Близкія къ царскому двору лица могли съ полной увѣренностью предвидѣть, что юный государь, наслѣдовавшій „тишайшему“ царю, проживеть не долго. Дѣйствительно, уже по одной наружности Феодора Алексѣевича можно было сказать, что это совершенно болѣзненный чело-вѣкъ. Блѣдный, слабый, онъ ходилъ, всегда опираясь на палку; на приѣмахъ въ Кремль иностранныхъ посольствъ онъ не могъ безъ посторонней помощи даже снять съ головы царскій вѣнецъ. Кромѣ общей слабости организма, онъ страдалъ еще цынгой.

При такомъ здоровьи царя, верховная власть была у него, конечно, лишь номинально, а на самомъ дѣлѣ все управление государствомъ находилось въ рукахъ его приближенныхъ. Последніе раздѣлялись на двѣ враждовавшія между собой придворныя партіи: съ одной стороны, многочисленные родственники Милославской, матери царя, а съ другой стороны, родные и близкіе мачехи царя, Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной.

Съ перваго же года правленія Θεодора Алексѣевича эти партіи оказались въ положеніи, еще болѣе обострившемъ ихъ взаимную вражду и неизбѣжно вызвавшемъ ожесточенную борьбу изъ-за вліянія и власти. На престолѣ былъ сынъ Милославской, а государствомъ управлялъ воспитатель Нарышкиной, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, т.-е., по словамъ одного русскаго историка, при московскомъ дворѣ сложились такія странныя отношенія, что „царствовалъ представитель одной семейной партіи, управлялъ же представитель другой“. Борьба между партіями была неизбѣжна.

Пользуясь родственной близостью къ царю Θεодору Алексѣевичу, Милославскіе скоро добились того, что бояринъ Матвѣевъ впалъ въ немилость и былъ отправленъ въ ссылку въ далекій Пустозерскъ (на крайнемъ сѣверо-востокѣ Архангельской губерніи, въ устьѣ рѣки Печоры), а послѣ его удаленія и всѣ Нарышкины постепенно были отстранены отъ двора, уступивъ свое мѣсто представителямъ партіи Милославскихъ. Родные братья царицы Натальи Кирилловны, Иванъ и Аѳанасій, были высланы изъ Москвы на южную окраину государства. Иванъ Нарышкинъ, между прочимъ, былъ обвиненъ въ томъ, что говорилъ человѣку, по имени Орелъ, такія слова: „Ты—орелъ старый, а молодой орелъ на заводи летаетъ: убей его изъ пищали, такъ увидишь милость царицы Натальи Кирилловны“. Въ этихъ иносказательныхъ рѣчахъ увидѣли намеки на желаніе причинить зло юному государю Θεодору Алексѣевичу. Сама Наталья Кирилловна съ малолѣтнимъ сыномъ, будущимъ императоромъ Петромъ I, должна была оставить кремлевскій дворецъ и поселиться въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ, все время опасаясь за свою судьбу.

Такимъ образомъ, съ удаленіемъ Нарышкиныхъ, при дворѣ Θεодора Алексѣевича окончательно восторжествовала партія Милославскихъ, къ которой, кромѣ шести сестеръ царя, дочерей Алексѣя Михайловича отъ первой супруги, принадлежали: бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій—человѣкъ, способный на всякія интриги; затѣмъ, бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, имѣвшій еще въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича очень сильное вліяніе при дворѣ, и многія другія, тоже очень вліятельныя, лица.

До самой смерти царя Θεодора Алексѣевича партія Милославскихъ сумѣла удержать въ своихъ рукахъ все управление государствомъ. И только въ послѣдніе два года царствованія съ этой партіей началъ бороться изъ-за вліянія на дѣла Иванъ Максимовичъ Языковъ, очень ловкій и хитрый царедворецъ. По словамъ одного современника, Языковъ былъ „глубокій московскихъ, прежде площадныхъ¹, потомъ и дворскихъ обхожденій проникатель“.

Царевна Софья Алексѣевна въ молодости.

Главной опорой партіи Милославскихъ была царевна Софья Алексѣевна, по возрасту четвертая изъ оставшихся въ живыхъ дочерей Алексѣя Михайловича отъ перваго брака.

Въ полную противоположность своимъ болѣзненнымъ братьямъ, Θεодору и Іоанну, всѣ шесть дочерей „тишайшаго“ царя отличались крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и цвѣтущимъ здоровьемемъ, а одна изъ нихъ, Софья, обладала, кромѣ того, и довольно высокимъ умственнымъ развитіемъ, не свойственнымъ женщинамъ того времени. По описанію современника, эта ца-

1. „Площадкой“ называлось мѣсто въ кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ собирались, въ ожиданіи царскаго выхода, низшіе придворные чины.

ревна была „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ пронизательствъ, болѣе мужеска ума исполнена дѣва“.

Трудно было даже ожидать, чтобы изъ царевны, всю свою молодость проведенной въ теремѣ, развилась такая дѣятельная, честлюбивая и богатая жизненнымъ опытомъ личность, какой впослѣдствіи показала себя Софья. Появленіе на исторической сценѣ русскаго государства этой замѣчательной для своего времени женщины можно объяснить лишь тѣмъ вліяніемъ, какое произвела на мысли и чувства русскихъ знатныхъ женщинъ коренной переверотъ условій теремной жизни, происшедшій въ концѣ XVII столѣтія. Иноземныя понятія и обычаи, которые постепенно все шире и шире захватывали знатныя боярскія фамиліи Москвы, въ царствованіе Θεодора Алексѣевича проникли наконецъ и туда, гдѣ, казалось, все застыло въ неподвижныхъ формахъ—въ терема. На царевнѣ Софьѣ это отразилось, можетъ быть, всего ярче.

Жизнь женщинъ въ царскихъ, такъ же какъ и въ боярскихъ, теремахъ была полна своеобразныхъ особенностей.

Освященный вѣковой стариной строгій обычай держалъ женщину вдали отъ постороннихъ семьѣ лицъ, за крѣпкими стѣнами женской половины дома, подъ бдительнымъ присмотромъ надежныхъ охранителей домашняго очага.

Глубокій наблюдатель московской жизни, германскій посолъ Сигизмундъ Герберштейнъ, посѣтившій Москву въ первой половинѣ XVI вѣка, такъ описываетъ „печальное“, по его словамъ, положеніе знатной женщины того времени:

„Женщина считается честной только тогда, когда она живетъ дома взаперти и никуда не выходитъ; напротивъ, если она позволяетъ видать себя чужимъ и постороннимъ людямъ, то ея поведеніе становится зазорнымъ.“

„Весьма рѣдко позволяется имъ ходить въ храмъ, а еще рѣже на дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда онѣ не могутъ навлекать на себя подозрѣніе“.

И черезъ сто лѣтъ послѣ Герберштейна положеніе женщины почти совсѣмъ не измѣнилось. Такъ, подьячій [писецъ] московскаго посольскаго приказа¹, Григорій Котошихинъ, въ

1. Посольскій приказъ вѣдалъ дѣлами, относящимися до сношеній государства съ иностранными державами.

1663 году бѣжавшій отъ преслѣдованій воеводы Долгорукова изъ Москвы въ Польшу, говоритъ въ своихъ интересныхъ и цѣнныхъ запискахъ о Россіи слѣдующее:

„..... Московскаго государства женскій полъ грамотѣ неученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ чужіе люди никто ихъ и они людей видѣти не могутъ. И потому можно дознаться, отчего бѣ имъ быти гораздо разумными и смѣлыми. Также, какъ и замужъ выйдутъ, и ихъ потому жъ люди видають мало“.

Особенно строго охранялись отъ всякаго посторонняго взгляда „тайные покои“ женской половины въ царской семьѣ. По свидѣтельству Мейерберга, иностраннаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка, „изъ тысячи придворныхъ едва ли найдется одинъ, который можетъ похвалиться тѣмъ, что видѣлъ царицу или кого-либо изъ сестеръ или дочерей государя“. Даже придворный врачъ—а къ помощи „дохтура“ обращались только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ—изслѣдуя состояніе пульса у больной царевны, долженъ былъ дѣлать это въ совершенно темной комнатѣ и надъ рукой, обернутой тонкой матеріей. Изъ дворца царица и царевны выѣзжали всегда въ наглухо закрытыхъ каретахъ или возкахъ, а когда онѣ спускались съ крыльца къ экипажу, около нихъ несли особыя „суконныя полы“, т. е. ширмы, чтобы никто изъ лицъ, постороннихъ терему, даже и изъ числа придворныхъ, не могъ видѣть ихъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣсколько стольниковъ—придворныхъ чиновъ довольно высокаго ранга—было разжаловано и удалено изъ дворца только за то, что, случайно встрѣтивъ экипажъ царицы у одного изъ дворцовыхъ подъѣздовъ, они не успѣли скрыться такъ, чтобы не видѣть самой царицы. Замѣтивъ царскую карету, стольники тотчасъ же бросились бѣжать въ разныя стороны, но нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали это такъ неудачно, что, обѣжавъ вокругъ дворца, опять попали къ тому мѣсту, гдѣ только что остановилась карета царицы, и невольно должны были увидѣть государыню во время ея выхода изъ экипажа.

Даже при посѣщеніи царицей или царевнами храма всегда принимались строгія мѣры для огражденія ихъ отъ постороннихъ взоровъ, въ особенности мужскихъ. Такъ, на богомолье въ монастыри царица и царевны выѣзжали большей частью ночью, и нерѣдко въ посѣщаемомъ ими монастырѣ въ часть или въ два часа ночи совершалось особое богослуженіе только для нихъ, а другимъ богомольцамъ доступъ былъ закрытъ. Во время же церковныхъ службъ въ придворной церкви женская половина царской семьи находилась всегда на отдѣльномъ мѣстѣ, хорошо закрытымъ плотной тафтой.

Большую часть дня обитательницы царскихъ теремовъ проводили въ домово́й церкви. Относительно посѣщенія богослуженій жизнь въ женской половинѣ царскаго дворца мало чѣмъ отличалась отъ самой строгой монашеской жизни. Рано утромъ, еще до заутрени, царица и царевны выслушивали „правила“, послѣ которыхъ отстаивали заутреню и обѣдню, совершаемая, одна за другой, въ домово́й теремной церкви, называвшейся „сѣнной“, или „верховой“, церковью. Часто богомолье въ самомъ дворцѣ замѣнялось поѣздкой въ Троице-Сергіеву лавру, къ Вознесенью или въ какой-либо другой извѣстный и особо почитаемый монастырь. Различныя событія семейной или личной жизни тоже давали поводъ для поѣздки на богомолье въ московскіе или провинціальныя храмы. Такъ, если заболѣвали дѣти, то мать-царица отпраплялась помолиться къ Никитѣ-мученику на Басманной: этотъ глубоко чтимый угодникъ подавалъ исцѣленіе „отъ родимца“. Если начинали сильно болѣть зубы, то ѣхали помолиться къ Антипію-чудотворцу на Знаменкѣ и т. д.

Не мало времени посвящалось въ царскихъ теремахъ приѣмамъ царицей и царевнами боярскихъ женъ и дочерей, конечно, только самыхъ близкихъ ко двору фамилій. Эти приѣмы, особенно любимые въ теремѣ, являлись, помимо развлеченія, однимъ изъ главныхъ способовъ, которыми теремныя обитательницы узнавали о всѣхъ новостяхъ, слухахъ, разговорахъ и пр. изъ московской жизни. Впрочемъ, еще болѣе интереснымъ источникомъ извѣстій всякаго рода служили для царскихъ теремовъ разныя богомолки, странницы, юродивыя и даже „нищенки“, которыя ежедневно въ большомъ числѣ приходили за милостыней въ „царицынъ дворецъ“.

Первый день Пасхи былъ единственнымъ въ году днемъ, когда двери царскаго терема открывались и для мужчинъ. Въ Свѣтлый Праздникъ царица принимала у себя съ поздравленіемъ, кромѣ патріарха и близкихъ родственниковъ, также наиболѣе знатныхъ бояръ и нѣкоторыхъ старшихъ по чину придворныхъ-мужчинъ.

Свободное отъ посѣщенія церковныхъ службъ время проводилось въ царскомъ теремѣ за рукодѣліемъ и домашнимъ дворцовымъ хозяйствомъ женской половины. Послѣднему много вниманія и заботъ удѣляла сама царица, на которой лежало и первоначальное воспитаніе дѣтей. Взрослыя же царевны занимались главнымъ образомъ рукодѣліемъ, и достигали въ немъ замѣчательнаго совершенства. Разные предметы церковной утвари и облаченія, какъ-то: плащаницы, ризы, покровы и тому под., сдѣланные руками московскихъ царевенъ въ теремныхъ „свѣтлицахъ“, до настоящаго времени сохраняются въ ризницахъ многихъ монастырей и поражаютъ своей художественной и тонкой, тщательной работой.

Для развлечения царицы, царевенъ и многочисленнаго штата прислуживавшихъ имъ „сѣнныхъ дѣвокъ“ въ теремѣ устраивались, особенно въ праздничные дни, разнаго рода „утѣхи“—приглашались шуты, карлы, скоморохи, дрессировщики звѣрей и т. под. Послѣ брака царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной эти старинныя „утѣхи“ смѣнились, какъ указывалось выше, „комедійными дѣйствіями“, съ теченіемъ времени превратившимися въ настоящія театральныя представленія.

Такъ, тихо и безмятежно, текла однообразная жизнь русскаго терема до послѣдней четверти XVII вѣка.

Новыя понятія, внесенныя въ умы русскихъ людей иноземцами, постепенно стали проникать даже и въ наглухо запертые терема. А второй бракъ Алексѣя Михайловича открылъ имъ туда самый широкій доступъ. Примѣръ царя оказалъ сильную поддержку всѣмъ, стремившимся нарушить освященный стариной порядокъ жизни въ теремѣ.

Еще до своего сближенія съ бояриномъ Матвѣевымъ „тишайшій царь“, слѣдуя духу времени, далъ дочерямъ отъ перваго брака нѣкоторое образованіе. Самая способная и энер-

гичная изъ нихъ, царевна Софья, ученица ревностнаго сторонника западно-европейскаго просвѣщенія, Симеона Полоцкаго, больше сестеръ оказала успѣхи въ усвоеніи знаній и общемъ умственномъ развитіи. Такъ, она свободно владѣла польскимъ языкомъ, знала исторію и была хорошо начитана въ тогдашней литературѣ, духовной и свѣтской.

Естественно, что для такой царевны рамки старинной теремной жизни оказались слишкомъ тѣсными, и она всѣми силами стала стремиться выйти изъ нихъ.

Лишенная возможности устроить себѣ семейное счастье, Софья обратила свои помыслы въ совершенно другую сторону—къ политической жизни, куда царевну неудержимо влекло какъ происхожденіе отъ отца-государя, такъ и, въ особенности, крайне сильно развитое честолюбіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ, условія русской государственной жизни складывались, казалось, очень благопріятно для осуществленія замысловъ Софьи: царствовавшій братъ Феодоръ былъ безнадежно боленъ, и его смерти ждали со дня на день; другой братъ, Іоаннъ, отличался еще большей слабостью физической, а умственно былъ менѣ развитъ, нежели старшій братъ. Такимъ образомъ, оставался лишь малолѣтній Петръ, сынъ мачехи; но, въ глазахъ Софьи, онъ имѣлъ меньше правъ на московскій престолъ, нежели она. А въ крайнемъ случаѣ—его можно было и устранить.

Взвѣсивъ всѣ указанныя обстоятельства, Софья рѣшила пробить себѣ дорогу къ престолу во что бы то ни стало. Правда, въ русской исторіи почти не было примѣра, чтобы верховная власть находилась въ рукахъ женщины, кромѣ одной развѣ княгини Ольги, мудро управлявшей государствомъ послѣ смерти мужа. Но зато въ исторіи Византіи, хорошо извѣстной Софьѣ, такихъ примѣровъ можно было найти не мало, и они являлись, въ глазахъ честолюбивой царевны, нравственнымъ оправданіемъ ея домогательствъ верховной власти.

Личныя дарованія Софьи только облегчали ей осуществленіе задуманнаго плана. Условія теремной жизни дали ей огромную опытность и изобрѣтательность во всякаго рода интригахъ. А образованіе и значительный природный умъ помогали ей трезво смотрѣть на все происходящее вокругъ и постигать связь и причины событій.

Медленно, очень осторожно, но неуклонно пошла Софья къ намѣченной цѣли, искусно подготавливая всѣ средства къ достиженію власти.

Уже въ первые годы царствованія Θεодора Алексѣевича Софья, сначала очень робко, подѣ предлогомъ ухода и пристражнотра за больнымъ братомъ, присутствуетъ на всѣхъ дѣловыхъ пріемахъ и совѣщаніяхъ во дворцѣ, внимательно прислушиваясь ко всему, что говорится близкими государевыми совѣтниками

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

„у изголовья“ больного царя. Такъ, съ теченіемъ времени, она постигаетъ весь ходъ управленія и начинаетъ разбираться въ наиболѣе сложныхъ вопросахъ политической жизни страны.

Для дальнѣйшихъ шаговъ на пути къ задуманной цѣли Софья нужны были вѣрные союзники и преданные друзья.

Къ концу царствованія Θεодора она находитъ себѣ такого друга въ лицѣ „перваго министра“ царя, кн. Василя Васильевича Голицына. Пренебрегая строгими правилами придворной жизни, царская сестра вступаетъ въ близкія отношенія съ этимъ дѣйствительно замѣчательнымъ для своего времени госу-

дарственнымъ человѣкомъ. Онъ становится для нея не только другомъ-союзникомъ въ общемъ дѣлѣ, но и самымъ близкимъ сердечнымъ другомъ, дорогимъ „Васенькой“, какъ Софья именуетъ своего возлюбленнаго въ многочисленныхъ письмахъ. Голицынъ отвѣчаетъ царственной подругѣ полной и искренней взаимностью, хотя имѣетъ жену и дѣтей.

Обычно царевну Софью представляютъ некрасивой, съ грубыми чертами лица, женщиной, небольшого роста и очень полной. Такое широко распространенное представленіе невѣрно. Въ дѣйствительности наружность Софьи имѣла много общаго съ наружностью ея брата по отцу, Петра Великаго: такой же высокій ростъ, такое же крупное и крѣпкое тѣлосложеніе и тотъ же повелительный, пронизывающій взглядъ, въ которомъ свѣтился большой умъ и сильный, упорный характеръ. Красотой Софья, правда, не отличалась, но зато многимъ, включая и иностранцевъ, она казалась очень привлекательной. Въ концѣ царствованія Феодора Алексѣевича, когда Софья сблизилась съ княземъ Голицынымъ, ей было около 24 лѣтъ.

Среди русскихъ людей конца XVII вѣка, близко стоявшихъ къ царскому престолу, избранникъ Софьи, кн. Голицынъ, былъ, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ выдающихся. Онъ не только глубже другихъ усвоилъ западно-европейское образованіе, или, какъ тогда говорили, „иноземную мудрость“, но и отъ природы имѣлъ широкій и многосторонній умъ. У Голицына рождались такія глубокія мысли о государственномъ устройствѣ и управленіи, что нѣкоторыя изъ нихъ осуществились въ русской исторіи лишь спустя два столѣтія. Такъ, онъ мечталъ о созданіи регулярной арміи, составлялъ проекты освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права съ надѣленіемъ ихъ землей, думалъ о широкомъ распространеніи народнаго образованія и т. п.

Будучи самъ европейски образованнымъ человѣкомъ, кн. Голицынъ и жилъ въ Москвѣ въ совершенно европейской обстановкѣ. По отзывамъ многихъ иностранцевъ, домъ Голицына въ Охотномъ ряду былъ „однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ“. Стѣны этого „дворца“ были расписаны астрономическими фигурами и картами, съ изображеніемъ звѣздъ и планетъ и указаніемъ путей обращенія небесныхъ свѣтилъ—„кругъ солнца, бѣги небесные съ зодіями и съ планеты писаны живо-

писью“. Простѣнки у оконъ были украшены дорогими венеціанскими зеркалами, а по стѣнамъ висѣли портреты русскихъ великихъ князей и государей: Владимира Святого, Іоанна Грознаго, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, царя Ѳеодора и друг.

Не удивительно, что всѣ иностранцы отзывались о Голицынѣ, какъ о „самомъ достойномъ и просвѣщенномъ вельможѣ при московскомъ дворѣ“. А одинъ изъ иностранцевъ писалъ послѣ приѣма у Голицына: „.... я думалъ, что нахожусь при дворѣ какого-нибудь италіянскаго государя. Разговоръ шелъ на латинскомъ языкѣ обо всемъ, что происходило важнаго тогда въ Европѣ“.

Этого выдающагося человѣка и выбрала царевна Софья для осуществленія своихъ честолюбивыхъ плановъ, которые постепенно и неуклонно подготавливались во все время царствованія Ѳеодора Алексѣевича, а открыто были обнаружены лишь послѣ смерти этого государя, когда для Софьи и ея сторонниковъ неотвратимо возникъ вопросъ не только о власти, но, въ случаѣ неудачи, и о самосохраненіи.

При жизни царя-брата Софья старалась лишь о томъ, чтобы вліяніемъ на больного государя усилить свое значеніе при дворѣ. Но это не всегда легко удавалось ей. Несмотря на болѣзненность, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не былъ настолько слабovolнымъ человѣкомъ, чтобы всецѣло подчиниться одному лицу. Кромѣ родственниковъ по матери, Милославскихъ, у него были свои приближенные бояре и любимцы, среди которыхъ первое мѣсто принадлежало упоминавшемуся выше Ивану Максимовичу Языкову и Юрію Алексѣевичу Долгорукому. Во второй половинѣ царствованія Ѳеодора Алексѣевича эти два царедворца на время почти совершенно отстранили отъ двора Милославскихъ и начали выдвигать опальныхъ Нарышкиныхъ. Можетъ быть, предвидя, что подрастающій сынъ царицы Натальи, Петръ, будетъ совсѣмъ не похожъ на хилыхъ сыновей Алексѣя Михайловича отъ перваго брака, Языковъ и Долгорукій исходатайствовали передъ царемъ возвращеніе изъ ссылки боярина Артамона Матвѣева и обоихъ братьевъ царицы Натальи, Ивана и Аванасія.

Такимъ образомъ, передъ партіей Милославскихъ возникалъ рѣшительный вопросъ—быть или не быть?! Ни царевна Софья

ни бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій—самые вліятельные члены, вожди и вдохновители этой партіи—не были слабыми людьми, готовыми безъ отчаянной борьбы уступить противникамъ свои позиціи или отказаться отъ долго лелѣянныхъ замысловъ. Поэтому было рѣшено поставить въ борьбѣ все на карту и..... или побѣдить или погибнуть. Такое рѣшеніе партіи Милославскихъ и сдѣлало конецъ XVII столѣтія однимъ изъ самыхъ драматичныхъ періодовъ во всей русской исторіи.

Какъ ни кратковременно было царствованіе Θεодора Алексѣевича, однако его вполне можно назвать первымъ звеномъ въ длинной цѣпи коренныхъ преобразованій русской государственной и народной жизни. Правда, при царѣ Θεодорѣ больше строили разные проекты реформъ, нежели занимались дѣйствительнымъ преобразованиемъ государства, но все же именно въ это царствованіе была яснѣе, чѣмъ прежде, признана безусловная необходимость такого преобразованія.

По плану и при непосредственномъ участіи князя В. В. Голицына въ царствованіе Θεодора Алексѣевича было предпринято новое устройство военныхъ силъ государства. Въ концѣ XVII вѣка московская армія состояла изъ нѣсколькихъ различныхъ частей. Конница набиралась главнымъ образомъ изъ дворянства; пѣхота, или стрѣлцкое войско, вербовалась изъ людей низшихъ сословій, служившихъ государству по найму; было, кромѣ того, нѣсколько иноземныхъ полковъ, преимущественно артиллерійскихъ. Главное управленіе арміей не было сосредоточено въ одномъ учрежденіи, а распредѣлялось между нѣсколькими приказами: стрѣлцкимъ, рейтарскимъ, вѣдавшимъ иноземныя войска, пушкарскимъ и т. под.

Комиссія, на которую было возложено преобразование арміи, не только установила общее управленіе ею и ввела новое дѣленіе войсковыхъ частей, но и, самое главное, поставила возвышеніе по службѣ въ зависимость только отъ личныхъ заслугъ и способностей каждаго, а не отъ знатности происхожденія, какъ было раньше. Этимъ было совершенно подорвано своеобразное учрежденіе русской старины— „мѣстничество“, представлявшее, по словамъ царскаго указа, „враждотворный и братоненавистный“ обычай.

Мѣстничество ставило назначеніе на государственныя долж-

Кончина царя Θεодора Алексѣевича.

Карт. К. В. Лебедев.

ности въ полную зависимость отъ знатности назначаемого лица, такъ какъ члены боярскихъ и дворянскихъ родовъ „считались“ между собой „мѣстами“: болѣе знатный и родовитый отказывался служить подъ начальствомъ того, кого онъ считалъ ниже себя по происхожденію, и предпочиталъ какое угодно наказаніе „безчестію“ своего рода. Такіе счеты, конечно, совершенно связывали правительство въ выборѣ лицъ для замѣщенія должностей, изъ-за нихъ во всѣхъ войнахъ проигрывались сраженія, управленіе поручалось неспособнымъ, на придворныхъ торжествахъ возникали постоянныя столкновенія и споры, нерѣдко принимавшіе ожесточенный характеръ.

Для уничтоженія мѣстничества въ январѣ 1682 года былъ созванъ особый соборъ, постановившій не только навсегда отмѣнить самый обычай, но и сдѣлать совершенно невозможнымъ возвращеніе къ нему когда-либо. Съ этой послѣдней цѣлью были сожжены всѣ „разрядныя книги“, содержащія записи „мѣстническихъ дѣлъ и случаевъ“, т.-е. записи того, когда, гдѣ, при какомъ царѣ, при какихъ обстоятельствахъ и какую должность занимали члены разныхъ боярскихъ и дворянскихъ фамилій, чѣмъ командовали, подъ чѣмъ начальствомъ служили и проч. Такъ какъ взаимныя „мѣстническіе“ счеты родовъ основывались именно на этихъ случаяхъ, нерѣдко очень старинныхъ, то съ уничтоженіемъ записей исчезало всякое основаніе для спора.

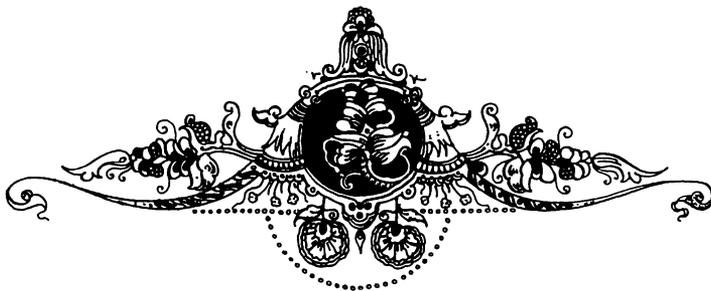
Конечно, съ отмѣной мѣстничества правительству уже не нужно было считаться, при назначеніяхъ на должности, съ тѣмъ, къ какому роду принадлежитъ данное лицо, и можно ли его назначить подъ начальство менѣе знатнаго по происхожденію, но болѣе способнаго. Это значительно облегчало выборъ и улучшало составъ должностныхъ лицъ во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія.

Въ заботахъ о распространеніи просвѣщенія въ царствованіе Θεодора Алексѣевича былъ выработанъ проектъ высшаго учебнаго заведенія въ Москвѣ. Проектъ принадлежалъ воспитателю царя и его сестеръ Симеону Полоцкому.

Имѣлся въ виду еще цѣлый рядъ нововведеній въ государственной и народной жизни, но царю Θεодору уже не удалось осуществить ихъ. Слабое отъ природы здоровье ухудшалось съ каждымъ днемъ, и 27 апрѣля 1682 года царь скончался.

Θеодоръ Алексѣевичъ не оставилъ потомства ни отъ одной изъ двухъ своихъ супруговъ. Первый разъ, на 20-омъ году жизни, въ юлѣ 1680 года, онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицей незначнаго рода Агаѳеѣй Семеновной Грушецкой, которая черезъ годъ умерла, послѣ рожденія сына, царевича Ильи, пережившаго мать на три дня. Въ февралѣ 1682 года царь вступилъ во второй бракъ съ Марѳой Матвѣевной Апраксиной, овдовѣвшей на третьемъ мѣсяцѣ супружеской жизни.

Смерть Θеодора Алексѣевича тотчасъ же сдѣлала открытой ожесточенную борьбу за власть тѣхъ двухъ придворныхъ партій—Милославскихъ и Нарышкиныхъ—которыя при жизни царя дѣйствовали лишь интригами и тайными происками. Въ этой борьбѣ разыгрались событія, не извѣстныя до того времени въ московскомъ государствѣ....

Преимники Теофора Алексѣвича.

Съ 1682 до 1689 г.

Тотчасъ же по кончинѣ Теофора Алексѣвича во дворецъ поспѣшно собрались на совѣщаніе представители высшаго духовенства и вліятельнаго боярства. Патріархъ Іоакимъ предложилъ собравшимся высказаться о преимникѣ усопшему царю. Право на престолъ имѣли „скорбный главою“ Іоаннъ и десятилѣтній Петръ, братья Теофора Алексѣвича. Но такъ какъ у каждаго изъ нихъ были свои сторонники и противники, то въ собраніи сразу начались ожесточенные споры. Тогда патріархъ предложилъ передать избраніе царя на рѣшеніе Земскаго Собора, созваннаго еще въ декабрѣ 1681 года „для уравнианія людей всякаго чина въ платежѣ податей и въ отправленіи выборной службы“. Предложеніе патріарха было принято, и членовъ собора пригласили на кремлевскую площадь, гдѣ патріархъ обратился къ нимъ съ рѣчью:

— Кому быть преимникомъ усопшаго царя? Петру Алексѣвичу или Іоанну Алексѣвичу? Или обоимъ вмѣстѣ царствовать? Объявите единодушнымъ согласіемъ намѣреніе свое передъ всѣмъ ликомъ святительскимъ, и синклитомъ царскимъ, и всѣми чиновными людьми!..

Іоанна назвали только два или три голоса, сразу заглушенныхъ возгласами остальныхъ:

— Да будетъ по избранію всѣхъ чиновъ московскаго государства великимъ государемъ-царемъ Петръ Алексѣевичъ!..

Затѣмъ всѣ отправились къ Петру, объявили ему объ избраніи на царство и тутъ же принесли ему присягу.

На другой день хоронили царя Θεодора. Стольники несли останки государя въ саняхъ, а въ другихъ саняхъ несли молодую вдову-царицу Марѳу Матвѣвну. Собравшійся на царскія похороны народъ былъ очень удивленъ появленіемъ въ процессіи, вопреки обычаю, царевны Софьи. Еще болѣе всѣхъ изумили ея громкія рыданія и причитанія:

— Братъ нашъ, царь Θεодоръ, нечаянно отошелъ со свѣта отравою отъ враговъ. Умилосердитесь, добрые люди, надъ нами, сиротами! Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата-царя! Иванъ, нашъ братъ, не избранъ на царство! Если мы чѣмъ передъ вами или боярами провинились, отпустите насъ живыхъ въ чужую землю къ христіанскимъ королямъ...

Въ этихъ безпричинныхъ жалобахъ и слезахъ ясно сквозило недовольство избраніемъ на престолъ сына ненавистной Софьи мачехи и притворное опасеніе за свою судьбу, предложомъ для котораго была выдумка объ отравленіи царя Θεодора. Слова Софьи породили въ народѣ темные толки и разныя догадки.

Между тѣмъ малолѣтній Петръ, утомленный долгой церковной службой и раздраженный неискренними рыданіями сестры, уѣхалъ, не дождавшись окончанія похоронъ. Вернувшись во дворецъ, Софья тотчасъ же послала спросить царицу Наталью Кирилловну, почему царь ушелъ такъ рано. Мать Петра отвѣтила:

— Дитя долго не ѣло....

А ея братъ, Иванъ Нарышкинъ, многозначительно замѣтилъ:

— Кто умеръ, тотъ пусть лежитъ, а царь не умеръ!..

Воцареніе Петра неизбѣжно возвышало его родственниковъ по матери, Нарышкиныхъ, въ ущербъ Софьи и Милославскимъ. Иванъ Нарышкинъ сразу усвоилъ себѣ высокомерное обращеніе со всѣми и откровенно высказывалъ намѣреніе стать правителемъ государства за малолѣтствомъ царя. Его поведеніе и стремленіе къ власти вызывали сильное раздраженіе среди бояръ,

особенно среди сторонниковъ Іоанна Алексѣевича. Софья же, сама мечтавшая о престолѣ, стала дѣятельно готовиться къ борьбѣ съ ненавистными ей Нарышкиными. Она сумѣла пріобрѣсти расположеніе стрѣльцовъ, тогдашней русской гвардіи. Они и доставили ей такую роль въ управленіи государствомъ, какой до нея не имѣла во всей русской исторіи ни одна женщина.

Для достиженія власти Софья искусно воспользовалась тѣмъ недовольствомъ, которое началось среди стрѣльцовъ еще со дня кончины Алексѣя Михайловича. При немъ они являлись вѣрными хранителями царя во время народныхъ мятежей, получали за свою службу большое жалованье, были освобождены отъ податей и имѣли право заниматься всякой торговлей. На царскій счетъ имъ выдавался красивый парадный нарядъ: кафтаны, украшенные разноцвѣтными перевязями, шитыми золотомъ, цвѣтные сафьяновые сапоги и бархатныя шапки съ собольими опушками. При Θεодорѣ Алексѣевичѣ положеніе стрѣльцовъ рѣзко измѣнилось: новый царь ничѣмъ не отличалъ ихъ отъ остальныхъ служилыхъ людей, не давалъ наградъ и не заботился о нихъ больше, чѣмъ о другихъ войскахъ. Полковники стрѣльцовъ стали удерживать въ свою пользу ихъ жалованье, заставляли покупать дорогое обмундированіе на собственный счетъ, наказывали батогами¹, переводили изъ города въ городъ и т. п. Жалобы стрѣльцовъ на злоупотребленія начальства большей частью не доходили до царя.

Когда на престолъ вступилъ малолѣтній Петръ, стрѣльцы сразу почувствовали, что они представляютъ такую силу, съ которой правительство должно серьезно считаться. 30 апрѣля, т.-е. всего черезъ три дня послѣ кончины Θεодора Алексѣевича, всѣ 16 стрѣлецкихъ полковъ подали челобитную [жалобу-прошеніе] на своихъ начальниковъ, угрожая собственной расправой съ ними, если жалоба не будетъ уважена.

Правительство тотчасъ же уволило всѣхъ старыхъ стрѣлецкихъ полковниковъ и назначило новыхъ, но стрѣльцы потребовали, чтобы имъ выдали прежнихъ начальниковъ „головою для расправы“. Правительство было вынуждено уступить и этому требованію. 1 мая уволенныхъ стрѣлецкихъ полковниковъ по-

1. Тонкія деревянныя палки, которыми били по обнаженной спинѣ, груди или животу.

ставили передъ рейтарскимъ приказомъ „для наказанія и правежа“. Каждого изъ нихъ клали на землю, и два палача били его батогами, пока стоявшіе кругомъ стрѣльцы не кричали „довольно“. Надъ нѣкоторыми особенно ненавистными стрѣльцамъ полковниками сѣченіе повторяли нѣсколько разъ. Послѣ этого наказанія приступили къ „правежу“, продолжавшемуся восемь дней. Палачи ежедневно били по ногамъ бывшихъ начальниковъ до тѣхъ поръ, пока они не соглашались уплатить всѣхъ денегъ, которыя, по расчетамъ стрѣльцовъ, были незаконно удержаны изъ ихъ жалованья. По окончаніи правежа всѣхъ полковниковъ выслали изъ Москвы.

Такая расправа съ начальниками все-таки не успокоила стрѣльцовъ. Новымъ полковникамъ они отказывались повиноваться и проводили время въ пьянствѣ и дракахъ.

Тѣмъ временемъ Софья не бездѣйствовала. Ея приверженцы вращались среди стрѣльцовъ и подговаривали ихъ подняться противъ Нарышкиныхъ. Безъ сомнѣнія, по настоянію Софьи же былъ распущенъ 6 мая и Земскій Соборъ, избравшій на царство Петра. Самые дѣятельные изъ сторонниковъ царевны Софьи, двое Толстыхъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій и князь Иванъ Хованскій, распространяли среди стрѣльцовъ слухи, что Нарышкины требуютъ суда и наказанія стрѣльцовъ за ихъ расправу съ полковниками. Они же передали стрѣльцамъ и слова вернушагося изъ ссылки боярина А. С. Матвѣева, который будто бы сказалъ:

— Стрѣльцы таковы, что если имъ немного попустить узду, то они дойдутъ до крайняго безчинства...

14 мая среди стрѣльцовъ распространился новый слухъ: братъ царицы Натальи, Иванъ Нарышкинъ, надѣвъ царское одѣяніе, сѣлъ на тронъ и, примѣривая корону, повторилъ нѣсколько разъ, что она идетъ ему больше, чѣмъ кому-нибудь другому. Когда же царевичъ Іоаннъ сдѣлалъ за это выговоръ Нарышкину, послѣдній чуть не задушилъ его. На другой день нѣкоторые стрѣльцы уже прямо кричали, что Нарышкинъ задушилъ Іоанна Алексѣевича. Возбужденные такими рассказами, всѣ стрѣльцы, въ полномъ боевомъ вооруженіи и съ развернутыми знаменами, бросились въ Кремль. Они плотнымъ кольцомъ окружили дворецъ и стали кричать:

— Давайте сюда губителей царскихъ, Нарышкиныхъ! Они задушили царевича Ивана Алексѣевича! А не выдадите, всѣхъ предадимъ смерти!..

Во дворцѣ поднялся страшный переполохъ. Нѣкоторые бояре бросились къ своимъ каретамъ, но не могли уѣхать, такъ какъ стрѣльцы предусмотрительно перерубили лошадымъ ноги. Немного успокоившись, бояре рѣшили вывести къ стрѣльцамъ самого Иоанна, чтобы доказать, что ихъ обманываютъ. Въ сопровожденіи бояръ и патріарха царица Наталья Кирилловна вышла съ Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами къ стрѣльцамъ на крыльцо. Увидѣвъ Иоанна невредимымъ, мятежники опѣшили. Но нѣкоторые изъ нихъ все-таки не повѣрили, и, окруживъ Иоанна, стали спрашивать его:

— Точно ли ты прямой царевичъ Иванъ Алексѣевичъ?

Испуганный царевичъ отвѣчалъ имъ утвердительно. Всѣ, казалось, должны были успокоиться. Но въ это время раздались возгласы:

— Пусть молодой царь отдастъ корону старшему брату! Выдайте намъ всѣхъ измѣнниковъ! Выдайте Нарышкиныхъ! Мы весь ихъ корень истребимъ! Царица Наталья пусть идетъ въ монастырь!..

Услыхавъ такіе крики, главный начальникъ стрѣльцовъ, князь Долгорукій, закричалъ на нихъ, приказывая имъ немедленно расходиться по домамъ и грозя ослушникамъ смертной казнью. Раздраженные мятежники, ненавидѣвшіе Долгорукаго за его строгость, съ дикимъ ревомъ бросились къ нему на крыльцо и сбросили его внизъ на поднятыя копыя. Та же участь постигла и Матвѣева. Царица Наталья Кирилловна въ ужасѣ убѣжала съ Петромъ и Иоанномъ въ Грановитую Палату, а опьяненные видомъ крови стрѣльцы бросились во дворецъ искать Нарышкиныхъ. Бѣгая по дворцу, они убили Ѳедора Салтыкова, думнаго дьяка Ларіонова и его сына, но не могли найти ни одного изъ Нарышкиныхъ. Наконецъ, по указанію карлика царицы Хомяка, отыскали подъ престоломъ дворцовой церкви Аванасія Нарышкина, брата Натальи Кирилловны.

Его тоже сбросили съ крыльца на копыя, и отправились искать Ивана Нарышкина, который спрятался въ теремѣ младшей сестры царя Петра, Натальи Алексѣевны. Стрѣльцы

искали его три дня и кричали, что не успокоются, пока не найдутъ его. Каждый день они приходили ко дворцу съ барабаннымъ боемъ, подъ зловѣщіе удары набата, и требовали выдать имъ Ивана Нарышкина для расправы. Тогда Софья и бояринъ Одоевскій стали уговаривать царицу Наталью Кирилловну:

— Никоимъ образомъ нельзя тебѣ избыть, чтобы не выдать Ивана Кирилловича.. Развѣ намъ всѣмъ пропадать изъ-за него?..

Іоаннъ Алексѣевичъ.

Положеніе царицы было ужаснымъ: чтобы спасти себя, она должна была отдать на растерзаніе стрѣльцамъ собственнаго брата—другого исхода для нея не было. Заливаясь слезами, она отправилась съ Софьей въ дворцовую церковь и приказала привести туда брата. Когда онъ явился, его причастили и соборовали, а потомъ объявили стрѣльцамъ, что Иванъ Нарышкинъ найденъ. Стрѣльцы вбѣжали въ церковь и, не обращая вниманія на царицу и царевну, съ ругательствами схватили Нарышкина и поволокли его въ застѣнокъ для пытки. Насладившись его мученіями въ застѣнкѣ, они вывели свою жертву

на Красную площадь и здѣсь подняли ее на копьѣ. Изуродованный трупъ дяди Петра былъ затѣмъ разсѣченъ на мелкіе куски, которые стрѣльцы ногами втоптывали въ грязь на площади и въ Кремлѣ.

Буйства стрѣльцовъ продолжались еще нѣсколько дней. Чтобы успокоить мятежниковъ, Софья выдала каждому по десяти рублей и заплатила недополученное стрѣльцами за нѣсколько лѣтъ жалованье. Этими мѣрами она такъ расположила ихъ къ себѣ, что они были готовы поддерживать ее во всемъ. Князь Хованскій составилъ имъ челобитную, которую они подали Софѣ отъ своего имени и отъ имени „многихъ чиновъ московскаго государства“. Въ своей челобитной стрѣльцы просили, чтобы впредь государствомъ правили два царя—Іоаннъ и Петръ, со старшинствомъ Іоанна. Софья передала челобитную стрѣльцовъ на обсужденіе Боярской Думы, которая, изъ страха передъ мятежниками, тоже высказалась въ пользу двоевластія. Чтобы придать законность дѣлу, изъ разныхъ лицъ, находившихся въ Москвѣ, составили подобіе Земскаго Собора, который (26 мая 1682 г.) и „приговорилъ“: быть двумъ царямъ, Іоанну и Петру, со старшинствомъ перваго. Но черезъ три дня стрѣльцы подали новую челобитную, въ которой выражали желаніе, чтобы за малолѣтнихъ братьевъ-царей государствомъ правила Софья. Напуганные бояре согласились и на это.

Такъ Софья сдѣлалась правительницей государства. Во всѣхъ царскихъ указахъ ея имя стали писать рядомъ съ именами царей.

Стрѣльцы, повидимому, были искренно убѣждены въ глубокомъ государственномъ значеніи своего мятежа, такъ какъ потребовали, чтобы на Красной площади былъ поставленъ „столпъ“ въ память ихъ расправы съ „злодѣями“, и чтобы имъ были выданы похвальныя грамоты „за красными печатями“. Ихъ желанія были немедленно удовлетворены.

Вскорѣ послѣ этого стрѣльцы обнаружили намѣреніе разрѣшать не только вопросы о формѣ государственной власти, но и религіозные вопросы. Они приняли участіе въ борьбѣ старообрядцевъ-раскольниковъ съ „никоніанскою церковью“. Самъ Хованскій, ихъ начальникъ, открыто перешелъ на сторону раскольниковъ; почти половина стрѣльцовъ тоже придерживалась

Никита Пустосвять.

Карт. В. Г. Перова.

(Споръ раскольниковъ съ православными о догматахъ вѣры при царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ).

старой вѣры. Въ это время въ Москвѣ собралось множество раскольниковъ, до которыхъ дошли слухи о перемѣнѣ правительства. Они и стали убѣждать стрѣльцовъ потребовать восстановления „старой вѣры“. По настоянію стрѣльцовъ, были устроены „пренія о вѣрѣ“, въ которыхъ защитникомъ старообрядчества выступилъ Никита Пустосвятъ.

Во время преній раскольники, чувствуя за собой вооруженную силу, держали себя вызывающе, поносили царей Алексѣя и Θεодора, а Никита Пустосвятъ даже замахнулся на холмогорскаго епископа Аѳанасія. Софья, присутствовавшая на этихъ преніяхъ, возмутилась поведеніемъ раскольниковъ:

— Мы такой хулы не желаемъ слышать! Мы пойдемъ прочь изъ царства!

— И пора вамъ, государыня, давно въ монастырь! Полно царствомъ мутить!—закричали раскольники.—Намъ бы здоровы были наши отцы, наши государи, а безъ васъ пусто не будетъ!..

Но стрѣльцы прикрикнули на нихъ и успокоили Софью. Пренія окончились полнымъ пораженіемъ раскольниковъ, но они не признали его, и, выйдя на площадь, закричали народу:

— Побѣдили! Побѣдили!..

Народъ хлынулъ за ними. Расколоучители останавливались и убѣждали всѣхъ креститься двуперстіемъ, молиться по старопечатнымъ книгамъ и т. д. Софья, увидѣвъ, какъ далеко зашли стрѣльцы въ своихъ притязаніяхъ, рѣшила въ зародышѣ подавить этотъ новый мятежъ. По ея приказанію, Никита Пустосвятъ и его сообщники были схвачены и преданы смертной казни. Это на всѣхъ раскольниковъ подѣйствовало отрезвляюще.

Скоро Софья перемѣнила свое отношеніе и къ самимъ стрѣльцамъ. Ихъ главный начальникъ, князь Хованскій, по приговору Боярской Думы, утвержденному правительницею, былъ арестованъ и казненъ. Узнавъ о его казни, стрѣльцы подняли бунтъ. Софья вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ выѣхала въ Троицкую лавру, а стрѣльцы стали готовиться въ Москвѣ къ осадѣ. Изъ лавры Софья грамотами начала собирать по городамъ дворянскія ополченія для борьбы съ мятежниками. Военныя приготовленія правительницы заставили стрѣльцовъ смириться и просить прощенія. Прощеніе было дано имъ подъ условіемъ безпрекословнаго повиновенія начальству и невмѣшательства въ

государственные дѣла. Въ октябрѣ былъ скрытъ и „столпъ“, поставленный въ память мнимыхъ заслугъ стрѣльцовъ передъ государствомъ, теперь откровенно признанныхъ Софьей не чѣмъ инымъ, какъ мятежомъ.

Въ столицѣ наступило полное успокоеніе.

Софья правила именемъ царей семь лѣтъ.—Во внутреннихъ дѣлахъ государства при ней не произошло почти никакихъ перемѣнъ, сравнительно съ предшествующимъ царствованіемъ. Только было усилено преслѣдованіе раскольниковъ: приверженцевъ „старой вѣры“ беспощадно пытали и казнили. Спасаясь отъ жестокихъ казней, они или прятались въ непроходимыхъ лѣсахъ или сжигали себя. Изъ дѣлъ внѣшнихъ самымъ важнымъ были походы любимца правительницы, князя В. В. Голицына, въ Крымъ.

Южныя окраины московскаго государства уже много лѣтъ страдали отъ постоянныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ, которые отрядами въ триста-четыреста, а иногда и въ нѣсколько тысячъ человекъ, ежегодно вторгались въ русскія области, грабя и уводя въ плѣнъ населеніе. Скрываясь отъ московскихъ сторожевыхъ разъѣздовъ, татарскіе набѣдники пробирались по лощинамъ и оврагамъ, не разводя ночью огней и разсылая во всѣ стороны развѣдчиковъ. Подкравшись къ какому-нибудь степному поселенію, они сжигали дома, угоняли скотъ и уводили людей. Главной цѣлью татарскихъ набѣговъ всегда было добываніе рабовъ, „полонъ“, при чемъ особенно охотно уводились мальчики и дѣвочки. Взрослыхъ плѣнныхъ татары связывали другъ съ другомъ ременными веревками и гнали передъ собой, а дѣтей сажали въ корзины, привѣшанныя по бокамъ лошади.

Всѣхъ плѣнниковъ татары приводили въ городъ Кафу (теперь Феодосія), который былъ тогда главнымъ невольничьимъ рынкомъ Крыма. Отсюда ихъ продавали въ рабство преимущественно въ Константинополь, Анатолію, но также и въ другія мѣста Азіи, Европы и даже Африки. По словамъ проф. В. О. Ключевскаго, „въ XVI вѣкѣ въ городахъ по берегамъ морей Чернаго и Средиземнаго можно было встрѣтить не мало рабынь, которыя укачивали хозяйскихъ ребятъ польской или русской колыбельной пѣсней“. Между прочимъ, русскіе плѣнники цѣнились на крымскихъ невольничьихъ рынкахъ гораздо дешевле

польскихъ и литовскихъ, такъ какъ часто убѣгали отъ своихъ владѣльцевъ. Поэтому татары, выводя на базары Кафы свой живой товаръ, выкрикивали:

— Вотъ рабы самые свѣжіе, простые, нехитрые, только что приведенные изъ народа королевскаго, польскаго, а не московскаго!...

Но все же среди татарскихъ плѣнниковъ было много и русскихъ, какъ это видно, на примѣръ, изъ разсказа путешественника Михалона, посѣтившаго Крымъ. Еврей-мѣняла въ Перекопѣ, видя вереницы плѣнниковъ изъ Московіи, Литвы и Польши, спросилъ Михалона:

— Есть ли еще люди въ тѣхъ странахъ, или ужъ не осталось никого?...

При Софѣ московское правительство рѣшило принять участие въ борьбѣ европейскихъ государствъ съ Турціей. Въ 1684 году въ Москву прибыло австрійское посольство просить Софью „помочь противъ турецкаго султана, отнять у него правую руку—Крымъ“. Предложеніе Австріи было сочувственно принято, такъ какъ вполне соответствовало желаніямъ самого московскаго правительства. Весной 1687 года въ Крымъ была двинута 100,000 армія подъ главнымъ начальствомъ князя В. В. Голицына. 17 іюня эта армія остановилась на берегахъ рѣки Карачакракъ, такъ какъ итти дальше было невозможно: татары выжгли всю степь, и русской арміи приходилось двигаться въ удушливомъ дыму, лошади остались безъ подножнаго корма, все живое изнемогало отъ зноя и жажды. Въ арміи развились поварьныя болѣзни, и Голицынъ былъ вынужденъ вернуться. Но въ 1689 году онъ предпринялъ второй походъ въ Крымъ, выступивъ на этотъ разъ изъ Москвы въ мартѣ, чтобы избѣжать зноя и степныхъ пожаровъ. Армія благополучно дошла, почти нигдѣ не встрѣчая врага, до Перекопскаго перешейка, защищеннаго валомъ и башнями, но проникнуть въ Крымъ Голицынъ не рѣшился, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ Москвой, если татары, зайдя въ тылъ, займутъ перешеекъ. Поэтому, давъ здѣсь арміи отдохнуть, онъ опять вернулся, не причинивъ врагу никакого вреда. Безславные походы въ Крымъ сильно уронили Голицына въ глазахъ московскаго правительства, несмотря на всѣ старанія Софьи возвеличить своего любимца

какъ героя. Она щедро наградила всѣхъ участниковъ похода, а самъ Голицынъ получилъ отъ правительницы богатую вотчину, 300 рублей денежной прибавки къ жалованью и цѣнные подарки. Но когда онъ явился къ Петру благодарить за награды, Петръ не принялъ его.

Этотъ поступокъ Петра лишній разъ показалъ его отношеніе къ правленію сестры. Впрочемъ, Софья и сама давно замѣтила холодность и нерасположеніе къ ней младшаго брата, и стала дѣятельно готовиться къ борьбѣ за власть именно съ

Петръ I въ молодости.

нимъ: слабовольный и болѣзненный Іоаннъ не казался ей опаснымъ.

Еще въ 1687 году у Софьи явилось намѣреніе вѣнчаться на царство самодержицей, но оно было оставлено, такъ какъ не нашло поддержки у стрѣльцовъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше и больше колебалось положеніе царевны. Въ 1689 году правленіе Софьи потеряло всякое оправданіе и въ глазахъ народа, такъ какъ Петръ, послѣ женитьбы на Евдокии Θεодоровнѣ Лопухиной (27 янв. 1689 года), по мнѣнію всѣхъ, становился совершеннолѣтнимъ, и уже не нуждался въ какой-либо опекѣ надъ собой.

Онъ скоро и далъ Софѣ почувствовать это. 8 іюля 1689 года совершался обычный крестный ходъ въ Казанскій соборъ. Софья, какъ правительница государства, прежде всегда участвовала въ такихъ крестныхъ ходахъ, идя вмѣстѣ съ обоими царями. Но на этотъ разъ Петръ послалъ сказать сестрѣ, что „итти ей непригоже“, намекая этимъ, что онъ уже не считаетъ ее правительницей. Софья рѣшительно отказалась послушаться брата, и участвовала въ процессіи, неся икону. Петръ не захотѣлъ итти рядомъ съ ней, и въ гнѣвѣ уѣхалъ изъ Москвы.

Когда отношенія брата приняли такой оборотъ, Софья рѣшила опять обратиться къ стрѣльцамъ, которые семь лѣтъ назадъ помогли ей достигъ верховной власти. Начальникъ стрѣльцовъ, Шакловитый подбросилъ въ хоромахъ царевны письмо, въ которомъ неизвѣстный доброжелатель предупреждалъ правительницу, что „потѣшные“ Петра замышляютъ убить въ ночь съ 7 на 8 августа царя Іоанна Алексѣевича и его сестеръ. Софья сдѣлала видъ, что чрезвычайно встревожена этимъ письмомъ, и приказала Шакловитому поставить 400 стрѣльцовъ въ Кремлѣ и 300 на Лубянкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ соучастники Шакловитаго стали подговаривать стрѣльцовъ убить царицу Наталью Кирилловну, а „если сынъ станетъ заступаться за мать, то и ему спускать нечего“. Петръ въ это время жилъ въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвой, ничего не подозрѣвая о замыслахъ сестры. Его спасли два стрѣльца, явившіеся къ нему въ Преображенское ночью и рассказавшіе о происходящемъ въ Москвѣ.

Испуганный Петръ прямо съ постели, не успѣвъ даже одѣться, бросился на конюшню, вскочилъ на лошадей и ускакалъ въ Троицкую лавру. На другой день туда же пріѣхали мать, жена, нѣкоторые бояре, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка. Семейный раздоръ вновь грозилъ превратиться въ государственное событіе огромнаго значенія. Петръ послалъ во всѣ стрѣлецкіе полки грамоты съ приказаніемъ полковникамъ явиться съ десятью стрѣльцами отъ каждаго полка въ Троицкую лавру. Софья перехватила эти грамоты и объявила полковникамъ, что она отрубитъ имъ головы, если они поѣдутъ въ лавру. Въ то же время, не теряя еще надежды помириться съ братомъ, она отправила къ нему для переговоровъ бояръ Троекурова и Про-

зоровскаго, которые не были приняты Петромъ. Тогда она послала съ тѣмъ же порученіемъ патриарха Іоакима, который, пріѣхавъ въ лавру, тотчасъ же примкнулъ къ Петру.

Не дождавшись стрѣлецкихъ полковниковъ, Петръ послалъ имъ новыя призывныя грамоты, на этотъ разъ грозя послушникамъ смертной казнью. Послѣ этого пять полковниковъ и нѣсколько сотъ стрѣльцовъ отправились къ Петру.

Понявъ безнадежность дальнѣйшей борьбы, Софья сдѣлала попытку лично объясниться съ братомъ, и сама поѣхала въ лавру,

Солдатъ Бутырскаго ген. Гордона полка.

но на полдорогѣ получила приказъ Петра вернуться въ Москву. Кромѣ того, онъ послалъ къ ней Нечаева потребовать выдачи Шаκловитаго и другихъ бунтовщиковъ. Софья рѣшительно отказалась подчиниться этому требованію. Тѣмъ временемъ силы Петра значительно увеличились съ переходомъ на его сторону полка служилыхъ иноземцевъ подъ начальствомъ Гордона; наоборотъ, стрѣльцы, еще оставшіеся въ подчиненіи правительницъ въ Москвѣ, были ненадежны. Поэтому Софья и Шаκловитый рѣшили попытаться привлечь на свою сторону народъ. Съ этой цѣлью Шаκловитый составилъ отъ имени правительницы грамоту

ко всѣмъ „чинамъ“ московскаго государства. Въ ней Софья жаловалась на то, что Нарышкины „ни во что ставятъ старшаго царя Іоанна, забросали его комнату полѣньями, изломали его царскій вѣнецъ; потѣшныя Петровы дѣлають людямъ насилія, а царь Петръ никакихъ челобитныхъ не слушаетъ“. Но этой грамотѣ не суждено было дойти по назначенію.

Вечеромъ 6 сентября передъ дворцомъ Софьи появилась толпа стрѣльцовъ и стала требовать выдачи Шакловитаго. Бояре съ трудомъ уговорили Софью исполнить это требованіе. Шакло-

Генераль Патрикъ (Петръ) Гордонъ.

витый былъ выданъ и на слѣдующій же день отвезенъ въ Троицкую лавру. Софья сдѣлала новую попытку помириться съ Петромъ, отправивъ къ нему своего любимца, князя В. В. Голицына съ нѣсколькими боярами. Но Петръ не принялъ ихъ, приказавъ только передать имъ, чтобы они ѣхали назадъ и ждали разбора дѣла, который скоро и начался. Шакловитый первымъ былъ подвергнутъ жестокой пыткѣ, и подъ кнутомъ палача сознался въ намѣреніи убить царицу Наталью Кирилловну; изъ своихъ сообщниковъ онъ назвалъ, среди другихъ, и князя В. В. Голицына. Только заступничество Бориса Голицына, брата Василя Васильевича и приверженца Петра, спасло голову

любимцу Софьи. Онъ былъ обвиненъ только въ излишней преданности правительницѣ, въ ущербъ царямъ, и въ неудачномъ веденіи Крымскихъ походовъ. За эти провинности его приговорили къ ссылкѣ въ отдаленный Каргополь, Олонецкой губерніи. Онъ написалъ Петру большое оправдательное письмо, но Петръ даже не читалъ его.

Вечеромъ 11 сентября, на большой дорогѣ противъ лавры, состоялась казнь Шакловитаго и двухъ стрѣльцовъ. Кромѣ того, нѣсколько человекъ было наказано кнутомъ и вырѣзываніемъ языка. Затѣмъ Петръ написалъ старшему брату Иоанну письмо, въ которомъ убѣждалъ его, что пора уже имъ самимъ, а не Софьѣ, править государствомъ, и обѣщалъ почитать Иоанна какъ отца. Получивъ согласіе брата, Петръ послалъ въ Москву боярина Троекурова съ приказаніемъ Софьѣ немедленно перейти на житье въ Новодѣвичій монастырь. Софья долго отказывалась подчиниться этому, и только въ концѣ сентября переѣхала изъ дворца въ монастырь. Тамъ ей отвели нѣсколько комнатъ съ видомъ на Дѣвичье поле. Съ ней поселились ея кормилица, двѣ казначеи и девять постельницъ. Столъ ей отпускался изъ дворца. Петръ разрѣшилъ родственникамъ посѣщать Софью во всякое время, но сама опальная царица не имѣла права выѣзжать за ограду монастыря.

Послѣ удаленія Софьи началось самостоятельное правленіе царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, вѣрнѣе одного Петра, такъ какъ болѣзненный Иоаннъ всѣ дѣла предоставилъ брату и являлся, по выраженію проф. Ключевскаго, только „церемониальнымъ, выходнымъ“ царемъ. Правленіе Петра составило самую замѣчательную эпоху въ жизни русскаго государства, разбивъ исторію Россіи на два періода—московскій и петербургскій—такъ мало похожіе одинъ на другой.

1682—1725.

Петръ I Великій.

Царствовалъ съ 1682 г. до 1725 г.

Петръ родился 30 мая 1672 года.

Многосемейный царь Алексѣй Михайловичъ отпраздновалъ рожденіе этого ребенка, четырнадцатаго по счету, длиннымъ рядомъ „родинныхъ“ и „крестинныхъ“ пиршествъ. Самъ новорожденный былъ окруженъ нѣжнѣйшими заботами отца и изысканной, по тому времени, роскошью. Для ухода за нимъ были назначены: кормилица Ненила, двѣ „мамы“—боярыня Леонтьева и кн. Голицына, и двое дядекъ—бояринъ Р. М. Стрѣшневъ и думный дворянинъ Т. Н. Стрѣшневъ. Для Петра къ кремлевскому дворцу пристроили особыя хоромы, въ которыхъ стѣны и полъ были обтянуты краснымъ сукномъ. Колыбелька новорожденнаго была сдѣлана изъ турецкаго бархата „по алой землѣ съ большими золотыми репьями и малыми репейками серебряными, подбита хлопчатой бумагой на рудожелтой подкладкѣ, ремни обтянуты бархатомъ краснымъ венецейскимъ; яблоко у пялецъ объярю по серебряной землѣ съ золотыми и разными шелковыми травами. Пуховикъ и подушки набиты бѣлымъ лебяжьимъ пухомъ“.

Когда Петръ началъ ходить, ему сшили зимніе и лѣтніе кафтанчики „изъ бѣлаго атласа, алой обѣяри на собольихъ пупкахъ, шитые золотомъ, окаймленные нѣмецкимъ кружевомъ съ запонами, низанными жемчугомъ съ серебряными кистями, а пуговицы изумрудныя на золотыхъ синяхъ“ [закрѣпахъ]. „Тишайшій“ царь очень часто приходилъ играть съ сыномъ и всегда приносилъ съ собой множество всевозможныхъ игрушекъ. Сначала Петръ забавлялся лошадками, деревянными раскрашен-

Никита Моисеевичъ Зотовъ.

ными птицами, катался по комнатамъ на стульчикѣ съ желѣзными колесами, развлекался игрой на цимбалахъ. Но скоро его дѣтскую заполнили военныя игрушки: вызолоченные луки, барабаны, сабли, пушки, булавы и т. д. Большая часть этихъ игрушекъ была иноземнаго производства. Такимъ образомъ, уже въ дѣтской Петра проявились двѣ характерныя черты личности Великаго Преобразователя: первые проблески охоты къ военному дѣлу и, пока безсознательное, заимствование изъ Западной Европы того, чего не умѣли дѣлать въ Россіи.

Какъ и всѣмъ московскимъ царевичамъ, Петру очень рано пришлось перейти отъ забавы къ ученью. Когда ему пошелъ

Уроки Петра у дьяка Зотова.

Карт. К. В. Лебедева.

только пятый годъ, его старшій братъ и крестный отецъ, царь Ѳеодоръ, сталъ часто напоминать Натальѣ Кирилловнѣ:

— Пора, государыня, пора учить крестника!..

Царица попросила боярина Ѳ. П. Соковнина найти для Петра учителя, „кроткаго, смиреннаго, божественное писаніе вѣдущаго“. Соковнинъ указалъ ей на Никиту Моисеевича Зотова, служившаго подьячимъ въ приказѣ Большого Прихода. Это былъ, по его мнѣнію, „мужъ кроткій и смиренный, всякихъ добродѣтелей исполненный, въ грамотѣ и писаніи искусный“. Наталья Кирилловна велѣла сначала представить Зотова царю Ѳеодору Алексѣевичу, и Соковнинъ повезъ Никиту Моисеевича во дворецъ къ царю. Оставивъ подьячаго въ передней, Соковнинъ пошелъ доложить царю о прибытіи учителя. Черезъ нѣсколько минутъ изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ придворный и спросилъ:

— Кто здѣсь Никита Зотовъ?

При этихъ словахъ Зотовъ такъ растерялся, что въ первую минуту не могъ двинуться съ мѣста, потомъ нѣсколько разъ перекрестился и пошелъ къ царю. Ѳеодоръ Алексѣевичъ ласково принялъ его и проэкзаменовалъ въ чтеніи и письмѣ. Присутствовавшій при этомъ Симеонъ Полоцкій одобрилъ познанія будущаго учителя Петра, послѣ чего, откланявшись царю, Соковнинъ и Зотовъ поѣхали къ Натальѣ Кирилловнѣ. Она подвела къ Зотову Петра и сказала:

— Я знаю, что ты доброй жизни и въ божественномъ писаніи искусенъ. Вручаю тебѣ моего единственнаго сына.

Зотовъ упалъ къ ногамъ царицы и со слезами проговорилъ:

— Недостоинъ я, матушка-государыня, принять такое сокровище!..

Царица-мать успокоила его, пожаловала къ рукѣ и приказала начать ученіе на слѣдующее же утро. На другой день (12 марта 1677 г.) патріархъ, въ присутствіи царя, отслужилъ молебенъ и благословилъ Петра начать ученье. Послѣ молебна Зотовъ поклонился своему ученику въ ноги и началъ свой первый урокъ съ нимъ. Тутъ же патріархъ подарилъ Зотову 100 рублей (болѣе 1000 рублей на наши деньги), государь пожаловалъ ему дворъ и произвелъ въ дворяне, а Наталья Кирилловна прислала ему двѣ пары богатаго платья.

Обученіе Петра грамотѣ началось съ „словеснаго ученія“, т.-е. съ азбуки. Когда азбука была пройдена, Петръ приступилъ къ изученію часослова, псалтыря, евангелія и апостола, причемъ всѣ эти книги были не просто прочитаны, а выучены наизусть.

Изученіе богослужебныхъ и церковныхъ книгъ Зотовъ сопровождалъ всегда бесѣдами съ ученикомъ на разныя темы, преимущественно изъ русской исторіи. Отъ него Петръ узналъ о происхожденіи русскаго государства, объ Иванѣ Калитѣ, Иоаннѣ Гроз-

Иеромонахъ Симеонъ Полоцкій,
наставникъ царя Феодора Алексѣевича.

номъ, о правленіи своего отца, „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича. Петръ очень любилъ такіе разсказы, въ особенности, если они сопровождались показываніемъ картинъ. Постепенно у него составилась цѣлая коллекція „потѣшныхъ тетрадей“, содержащихъ иллюстраціи событій и всякихъ достопримѣчательностей не только изъ русской исторіи, но и всеобщей. Иллюстраціи изображали „грады, палаты, великіе корабли, бои, взятіе городовъ, разныя исторіи въ лицахъ“.

Уроки Зотова продолжались не долго, такъ какъ въ августѣ 1680 года онъ былъ отправленъ посланникомъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ около года. Вскорѣ учебныя занятія Петра прекра-

тились совсѣмъ. Послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича начались тяжелыя событія 1682 года, оставившія глубокой отпечатокъ на всей дѣятельности и даже на внѣшности Петра. Своеобразныя подергиванія, часто искажавшія лицо Петра, всю жизнь напоминали ему о томъ ужасѣ, который онъ пережилъ во время стрѣлецкаго бунта въ 1682 году.

Когда верховная власть фактически перешла къ Софѣ, царица Наталья Кирилловна съ дѣтьми уѣхала на житье въ село Преображенское. По свидѣтельству одного современника, тамъ она „жила тѣмъ, что давано было отъ рукъ царевны Софіи“, часто не имѣла самаго необходимаго, и была вынуждена принимать денежную помощь отъ патріарха и другихъ преданныхъ лицъ. Такимъ образомъ, еще въ отроческомъ возрастѣ Петру пришлось на себѣ самомъ испытать всѣ тягости семейныхъ раздоровъ и матеріальныхъ лишеній. Такъ же рано онъ долженъ былъ переживать, за себя и за мать, чувство оскорбленія, наносимаго властелину огромнаго государства. Но пока онъ не проявлялъ своего недовольства, всецѣло увлеченный военными забавами, скоро сдѣлавшимися для него самымъ важнымъ дѣломъ жизни.

По удачному выраженію проф. М. М. Богословскаго, Петръ „выбѣжалъ на улицу Преображенскаго, и здѣсь начались его знаменитыя военныя игры“. Изъ Оружейной Палаты ему въ Преображенское постоянно отправляли барабаны, порохъ, свинець, протазаны, алебарды, пальники, палаши, шпаги, пищали. Все это нужно было для „потѣшнаго“ войска Петра, которое возникло слѣдующимъ образомъ. Когда Петру исполнилось пять лѣтъ, къ нему, по обычаю при дворѣ, назначили нѣсколько челоувѣкъ сверстниковъ изъ семей придворныхъ въ слуги, стольники, спальники, сокольники и кречетники. Подъ вліяніемъ своей страсти къ военнымъ забавамъ, Петръ привлекъ къ участию въ нихъ этихъ „комнатныхъ людей“, которые и составили отрядъ такъ называемыхъ „потѣшныхъ“. Петръ охотно принималъ въ товарищи всѣхъ желающихъ, и скоро его отрядъ состоялъ уже изъ боо челоувѣкъ, раздѣленныхъ на два батальона. Но это не были, говорить проф. Ключевскій, „игрушечные, шуточные солдаты. Игралъ въ солдаты царь, а товарищи его играли служили и за свою потѣшную службу получали жалованье,

какъ настоящіе служилые люди“. Составъ потѣшнаго войска былъ очень пестрымъ: въ строю рядомъ съ княземъ М. М. Голицынымъ стоялъ А. Д. Меншиковъ, сынъ придворнаго конюха, „породы самой низкой, ниже шляхетства“. Петръ не считался съ „породой“, цѣня въ каждомъ только личныя заслуги. Самъ онъ въ потѣшномъ войскѣ проходилъ всѣ чины, начавъ съ барабанщика. Всѣ три рода оружія—пѣхота, конница и артиллерія—были представлены въ отрядѣ потѣшныхъ, обмундиро-

Инженеръ Францъ Тиммерманъ
указываетъ Петру на планъ Азова.

ванныхъ по иноземному образцу. Въ селѣ Преображенскомъ были построены: потѣшный дворъ, потѣшная съѣзжая изба для управленія командой, потѣшные артиллерійскіе склады и конюшни. Вообще это полудѣтское войско было миниатюрной копіей настоящей арміи. Обучали солдатъ иноземцы, еще при Алексѣѣ Михайловичѣ въ большомъ числѣ поселившіеся въ московской Нѣмецкой слободѣ. Въ потѣшномъ войскѣ они занимали офицерскія должности. Подъ ихъ командой отрядъ совершалъ походы въ окрестностяхъ Преображенскаго, строилъ и осаждалъ потѣшныя крѣпости. Такъ, на рѣкѣ Яузѣ была построена „регулярнымъ порядкомъ потѣшная фортеція“¹, горо-

1. Крѣпость.

докъ Плесбурхъ, который защищали и осаждали съ примѣненіемъ пушекъ и всѣхъ пріемовъ осаднаго искусства.

Военныя занятія заставили Петра снова засѣсть за книги и начать дальнѣйшее образованіе, такъ какъ знанія, полученныя отъ Зотова, не научили его ни обращаться съ астролябіей ни опредѣлять мѣсто паденія бомбы и т. д. Онъ съ жаромъ принялся за изученіе математическихъ наукъ и самъ рассказываетъ объ этомъ періодѣ своей жизни такъ:

„Передъ посылкою князя Якова Долгорукова во Францію [въ 1687 г.], между другими разговоры, сказывалъ вышеупомянутый князь Яковъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно было брать дистанціи, или разстоянія, не доходя до того мѣста. Я зѣло желалъ его видѣть. Но онъ мнѣ сказалъ, что его у него украли. И когда поѣхалъ онъ во Францію, тогда наказалъ я ему купить между другими вещами и сей инструментъ. И когда возвратился онъ изъ Франціи и привезъ, то я, получа оный, не умѣлъ его употреблять. Но потомъ объявилъ его дохтуру Захару фонъ-дерь-Гулсту, что не знаетъ ли онъ? Который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщеть такого, кто знаетъ; о чемъ я съ великою охотою велѣлъ его сыскать, и оный дохтуръ въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я вышеписанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ, сказалъ тѣ-жъ слова, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употребляетъ ихъ умѣть: къ чему я гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи. И тако сей Франць чрезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами“.

У Тиммермана Петръ сталъ брать уроки математики. Сохранившіяся до настоящаго времени учебныя тетради Петра показываютъ, что Тиммерманъ и самъ былъ настолько плохимъ математикомъ, что дѣлалъ грубыя ошибки въ простомъ умноженіи, а орѳографія въ этихъ тетрадяхъ свидѣтельствуесть, что Зотовъ не научилъ своего питомца даже правильно писать по-русски. Такъ, вмѣсто „втроемъ“ Петръ вездѣ пишетъ „втраіомъ“, вмѣсто „управленіе“—„упъравленіе“; латинское слово „аддиціо“—сложеніе онъ пишетъ то „адицео“, то „водицыя“, руководясь, по-видимому, при письмѣ больше слухомъ, чѣмъ грамматикой. Однако Тиммерманъ все-таки прошелъ съ Петромъ ариѳметику,

геометрію, артиллерію, фортификацію, научилъ его обращаться съ астролябіей, составлять планы крѣпостей, вычислять полетъ пушечнаго ядра. Онъ сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ своего ученика, и съ нимъ Петръ нашель въ селѣ Измайловѣ знаменитый ботикъ, „дѣдушку русскаго флота“, пробудившій въ юномъ царѣ любовь къ мореплаванію.

Объ этой находкѣ самъ Петръ рассказываетъ въ предисловіи къ Морскому Уставу такъ:

„Случилось намъ быть въ Измайловѣ на льняномъ дворѣ и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Ни-

минутъ вынимаю такъ (въ радусе 60 мину) і буде минуты которыя Соце покаже боше декълинациевы мину і і вынима прото (сустракциею) а буде декълинациевы минуты боше і тогда заня одинъ граду і прибави ктѣмъ минуто которыя сонце покаже и вынимать таж (супъстракциею)...

Изминути по прорече Соце поиме доше
 2 единациевы мину і вынима протко (супъ
 тракциею) а буде декълинациевы минуты
 боше і тогда заня одинъ граду і прибави
 ктѣмъ минуто которыя сонце покаже і
 вынима таж (супъстракциею)...

...Минуты вынимаюся такъ (въ радусе 60 мину) і буде минуты которыя Соце покаже боше декълинациевы мину і і вынима прото (сустракциею) а буде декълинациевы минуты боше і тогда заня одинъ граду і прибави ктѣмъ минуто которыя сонце покаже и вынимать таж (супъстракциею)...

Изъ учебной тетради Петра Великаго.

киты Ивановича Романова, между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ Франца Тиммермана, что это за судно? Онъ сказалъ, что то боть англійскій. Я спросилъ, гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣеть предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра, которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно. Потомъ я его паки спросилъ: есть ли такой человекъ, который бы его починилъ и сей ходъ мнѣ показалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что есть. То я съ великою радостью сіе услыша, велѣлъ его сыскать.

И вышерѣченный Францъ сыскалъ голландца Карштенъ Бранта, который призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море, который оный ботъ починилъ и сдѣлалъ маштъ и парусы и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало. Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ, для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я пе-

Евдокія Θεодоровна Лопухина,
первая супруга Петра Великаго.

реvezъ его на Просяной прудъ, но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъчасу быть болѣе. Того дня я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды. То мнѣ объявили Переяславское озеро яко наибольшее, куды я, подъ образомъ обѣщанія въ Троицкій монастырь, у матери выпросился. А потомъ уже сталъ ее просить и явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать.... И тамъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ. Но потомъ и то показалось мало; то ѣздилъ на Кубенское озеро. Но оно ради мелкости не показалось. Того ради уже положилъ намѣреніе прямо видѣть море....“

Страстно увлекшись плаваніемъ, Петръ сталъ рѣдко бывать въ Преображенскомъ и почти все время проводилъ на Переяславскомъ озерѣ. Тамъ онъ строилъ и спускалъ суда, ничего не желая знать, кромѣ математики, военно-морского дѣла и кораблестроенія. Софья была очень довольна такими занятіями брата, такъ какъ благодаря имъ онъ не вмѣшивался въ ея правленіе. Наоборотъ, Наталья Кирилловна была огорчена забавами сына, не соотвѣтствовавшими, по ея мнѣнію, его сану. Она рѣшила остепенить Петра женитьбой, и нашла ему невѣсту—дочь

Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

окольного Ларіона Лопухина, переименованнаго въ Θεодора—дѣвицу Евдокію. Петръ непрекословно подчинился волѣ матери, и 27 января 1689 года состоялось его бракосочетаніе съ Евдокіей Θεодоровной Лопухиной. Проживъ съ женой всего около мѣсяца, Петръ опять уѣхалъ въ любимый Переяславль строить корабли: женитьба не могла отвлечь его отъ страстно любимаго дѣла. Мать и жена много разъ писали ему, настойчиво прося вернуться въ Москву. Петръ отвѣчалъ матери:

— Изволила мнѣ приказывать быть въ Москвѣ. И я быть готовъ, только, ей-ей, дѣло есть...

Уступая просьбамъ матери и жены, называвшей его въ своихъ письмахъ „радостью“, „свѣтикомъ“, „лапушкой“, Петръ неохотно возвращался на короткое время домой, а затѣмъ опять скакалъ въ Переяславль. Оттуда онъ писалъ семьѣ довольно часто, но не столько о себѣ, сколько о корабляхъ. „У насъ все молитвами твоими“,—писалъ онъ, наприимѣръ, матери,—„здорово, и суды удались всѣ зѣло хорошо“.

Получивъ лѣтомъ 1689 года настойчивыя письма отъ матери и сильно скучавшей жены, Петръ пріѣхалъ для свиданія съ ними въ Москву. Какъ разъ въ это время натянутыя отношенія между дворами Софьи и Натальи Кирилловны обострились до крайней степени. Царица зорко слѣдила за всякой попыткой нелюбимой падчерицы укрѣпить свое верховное положеніе. Теперь она показала сыну портретъ Софьи въ царской порфирѣ, съ короной на головѣ, и стала убѣждать его взять управленіе государствомъ въ свои руки. Вскорѣ произошелъ описанный выше бунтъ стрѣльцовъ, во время котораго Петръ самъ ясно увидѣлъ необходимость отстранить отъ власти честолюбивую сестру. Онъ такъ и сдѣлалъ: безпощадно расправившись съ главарями мятежниковъ, заключилъ сестру въ монастырь. Но и послѣ этого онъ не взялъ управленія государствомъ въ свои руки, а предоставилъ его матери и нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ.

Всего черезъ мѣсяцъ послѣ сентябрьскихъ событій въ Москвѣ, Петръ уѣхалъ опять въ Переяславль и продолжалъ строить тамъ корабли. Современникъ Петра, князь Куракинъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ записалъ, что послѣ сверженія Софьи Петръ, „хотя самъ вступилъ или понужденъ былъ вступить въ правленіе, однако-жъ труда того не хотѣлъ понести и оставилъ все своего государства правленіе министрамъ своимъ“. Это правленіе „министровъ“ продолжалось почти десять лѣтъ. Во главѣ ихъ номинально стояла мать Петра, царица Наталья Кирилловна, а въ дѣйствительности всѣми дѣлами управлялъ ея братъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Куракинъ такъ характеризуетъ послѣдняго:

„Былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержный къ питью, также человѣкъ гордый, и хотя не злодѣй, токмо не

склончивой, и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизаріи своего гумору ¹“.

Второго „министра“, боярина Т. Н. Стрѣшнева, Куракинъ описываетъ на своемъ своеобразномъ языкѣ такъ:

— „Человѣкъ лукавый и злого нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошелъ до сего градусу такимъ образомъ, понеже былъ въ поддядькахъ у царя Петра Алексѣевича съ молодыхъ его лѣтъ и признался къ его нраву, и такимъ образомъ былъ интригантъ дворовой“.

Князь Б. И. Куракинъ.

Настоящимъ государственнымъ человѣкомъ Куракинъ считаетъ одного лишь князя Б. А. Голицына, принимавшаго участіе въ расправѣ Петра съ стрѣльцами.

„Это былъ человѣкъ ума великаго“,—говоритъ о немъ Куракинъ,—„а особливо остроты, но къ дѣламъ неприлежный, понеже любилъ забавы, а особливо склоненъ былъ къ питью“.

Вообще дѣятельность „министровъ“ Петра не ознаменовалась ничѣмъ выдающимся. Предоставивъ имъ управленіе госу-

1. Т.-е. по настроенію, по расположенію духа.

дарствомъ, самъ царь всецѣло отдался собственнымъ дѣламъ, пока совсѣмъ не интересуясь вопросами государственной жизни. Проф. Ключевскій говоритъ объ этомъ періодѣ жизни Петра: „Необходимая для каждаго мыслящаго человѣка область понятій объ обществѣ и общественныхъ обязанностяхъ, гражданская этика, долго, очень долго оставалась заброшеннымъ угломъ въ духовномъ хозяйствѣ Петра. Онъ пересталъ думать объ обществѣ раньше, чѣмъ успѣлъ сообразить, чѣмъ могъ быть для него“.

Теперь Петръ всецѣло занялся „Нептуновыми и Марсовыми потѣхами“. Лѣтомъ 1691 года онъ заложилъ въ Переяславлѣ первый русскій военный корабль. При спускѣ его на воду въ 1692 году присутствовали обѣ царицы и всѣ придворные. Корабельныя „потѣхи“ такъ увлекли Петра, что онъ почти не бывалъ въ Москвѣ. Когда туда прибыло персидское посольство, Льву Нарышкину пришлось съѣздить въ Переяславль, чтобы уговорить царя пріѣхать на пріемъ посольства, такъ какъ отсутствіе его могло обидѣть пословъ.

Въ томъ же году отъ усиленныхъ трудовъ и неводержной жизни Петръ такъ опасно заболѣлъ, что чуть было не умеръ. Его семья, ожидая его кончины, уже собралась бѣжать за границу, опасаясь, что верховная власть опять перейдетъ къ Софѣѣ. Но могучая натура Петра превозмогла болѣзнь. Онъ выздоровѣлъ и вскорѣ уѣхалъ въ Архангельскъ, чтобы увидѣть море, которое привело его въ восторгъ. Онъ безъ устали осматривалъ въ Архангельскѣ русскія и иностранныя суда, плавалъ на нихъ и заказалъ голландцу Витцену построить для него корабль. Осенью 1692 года Петръ вернулся въ Москву.

Въ январѣ 1694 года Наталья Кирилловна скончалась. Похоронивъ и горько оплакавъ ее, царь сталъ собираться опять въ Архангельскъ. 29 апрѣля Лефортъ давалъ Петру прощальный пиръ съ музыкой, но безъ танцевъ, по случаю траура по царицѣ. На слѣдующій же день Петръ, въ сопровожденіи свиты изъ 400 человѣкъ, выѣхалъ въ Архангельскъ. Во время продолжительнаго путешествія туда онъ придумалъ, между прочимъ, существующій до настоящаго времени трехцвѣтный флагъ для будущаго русскаго флота.

Прибывъ въ Архангельскъ, Петръ увидѣлъ на водѣ тотъ

самый корабль, который въ прошлый его прїѣздъ былъ только заложенъ. По поводу его 14 іюля онъ писалъ своему прїятелю, иноземцу артиллеристу Виніусу:

„А новый корабль 11 іюля совсѣмъ отдѣланъ и окрещенъ во имя апостола Павла и Марсовымъ ладономъ довольно окурень. Въ томъ же куреніи и Бахусъ припочтенъ былъ довольно“.

Когда же въ Архангельскъ пришелъ изъ Голландіи заказанный тамъ Петромъ корабль „Св. Пророчество“, царь писалъ Виніусу:

Францъ Яковлевичъ Лефорть.

„Ничто иное нынѣ мнѣ писать, только, что давно желали, нынѣ въ 21 день (іюля) совершилось: Янъ Фламъ въ цѣлости прїѣхалъ, на которомъ корабль 44 пушки и 40 матросовъ. Пожалуй, поклонись всѣмъ нашимъ. Пространнѣ буду писать въ настоящей [т.-е. слѣдующей] почтѣ. А нынѣ обвеселяся неудобно пространно писать, паче же и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писать...“

Въ августѣ Петръ уже выѣхалъ на новомъ кораблѣ въ море, и едва не погибъ во время бури. Но опасность только раз-

веселила Петра, укрѣпивъ въ немъ любовь къ сильнымъ ощущеніямъ. Незадолго до возвращенія изъ Архангельска въ Москву онъ назначилъ Лефорта адмираломъ будущаго русскаго флота.

Пріѣхавъ въ Москву, Петръ опять всецѣло отдался своимъ сухопутнымъ забавамъ, которыя теперь уже потеряли свой „потѣшный“ характеръ, и имѣли серіозное военно-учебное значеніе. Въ этихъ забавахъ Петръ создалъ новое войско, отличавшееся отъ прежняго не только обмундированіемъ, но и новыми приѣмами военнаго искусства. Описавъ кожуховскіе маневры „потѣшной“ арміи Петра, Куракинъ прибавляетъ отъ себя, что „оныя экзерциціи весьма содѣйствовали обученію солдатства, и едва-ли какой монархъ въ Европѣ можетъ учинить лучше того“. Дѣйствительно, въ маневрахъ подъ Кожуховымъ участвовало до 30.000 войска, раздѣленнаго на двѣ арміи: „русскую“, подъ начальствомъ Ѡ. Ромодановскаго, и „польскую“, подъ начальствомъ Бутурлина, „короля польскаго“. Маневры продолжались три недѣли и происходили по плану, составленному Гордономъ. Были примѣнены всѣ приѣмы настоящей войны: военные совѣты, переговоры, постройка мостовъ, засыпаніе рововъ, закладываніе минъ. Самъ Петръ участвовалъ въ маневрахъ подъ именемъ бомбардира Петра Алексѣева. Эта военная игра не для всѣхъ ея участниковъ окончилась вполне благополучно: по сообщенію Куракина, подъ Кожуховымъ было „убито съ 24 персоны пыжами и иными случаи и ранено съ 50“. Въ концѣ третьей недѣли маневровъ „польскій король“ былъ, наконецъ, взятъ въ плѣнъ, и побѣда „русской“ арміи была отпразднована грандіознымъ пиршествомъ на счетъ богатѣйшихъ купцовъ. Впослѣдствіи Петръ писалъ, что подъ Кожуховымъ у него на умѣ ничего, кромѣ игры, не было, но что эта игра была прообразомъ настоящаго дѣла, какимъ явились азовскіе походы 1695—96 гг.

Въ своемъ естественномъ движеніи съ сѣвера на югъ русское государство въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій должно было бороться съ крымскими и ногайскими татарами, грабившими южное окраинное населеніе Россіи. Начиная съ Іоанна Грознаго, всѣ московскіе цари старались быть въ мирныхъ отношеніяхъ съ крымскими ханами, задаривая ихъ такъ называемыми „помин-

ками“. Однако такая мирная политика рѣдко достигала желательныхъ результатовъ, потому что даже сами ханы часто были безсильны удержать своихъ хищныхъ подданныхъ отъ нападенія на русскія окраины; поэтому русское правительство всегда сознавало неизбежность вооруженнаго столкновенія съ Крымомъ и его покровительницей, Турціей, но долго не имѣло средствъ для этой борьбы, которая должна была доставить Россіи обладаніе Азовскимъ и Чернымъ морями. Когда же, при Софьѣ, оно сдѣлало, наконецъ, попытку укротить крымцевъ, то, вопреки

Графъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ.

ожиданіямъ, походъ не удался. Петръ рѣшилъ осуществить то, что не удалось его предшественникамъ, и въ началѣ 1695 года объявилъ походъ на Крымъ.

Ближайшей цѣлью похода было назначено взятіе города Азова, принадлежавшаго Турціи. Собираясь въ походъ, Петръ говорилъ: „шутили подъ Кожуховымъ, теперь подъ Азовъ идемъ играть“. Половину арміи, подъ начальствомъ Головина и Лефорта, Петръ отправилъ водой до Царицына; а другая половина, подъ начальствомъ Гордона, пошла сухимъ путемъ до Черкаска. Походъ былъ организованъ очень плохо, и арміи достигли Азова лишь съ большими затрудненіями. Хотя силы Петра

почти вчетверо превосходили гарнизонъ Азова, однако взятіе этой хорошо укрѣпленной крѣпости было нелегкимъ дѣломъ. Овладевъ штурмомъ двумя небольшими внѣшними укрѣпленіями, армія Петра начала осаду крѣпости. Петръ самъ заряжалъ пушки и стрѣлялъ изъ нихъ. Ежедневныя бомбардировки сильно вредили городу, и Петръ былъ увѣренъ въ неминуемой его сдачѣ. Но среди приближенныхъ Петра оказался измѣнникъ—инженеръ Яковъ Янсень, который перешелъ на сторону осажденныхъ и открылъ имъ всѣ секретные планы Петра. По его указанію, турки сдѣлали вылазку на ставку Лефорта и нанесли русскимъ войскамъ сильное поражение. 5 августа Петръ сдѣлалъ попытку взять крѣпость штурмомъ, но былъ отбитъ съ большими потерями. Послѣ неудачнаго штурма бомбардировка Азова еще продолжалась, но вяло, а 27 сентября было рѣшено снять осаду. Возвращеніе арміи въ Россію сопровождалось множествомъ бѣдствій: солдаты тонули въ разлившемся Дону, гибли отъ голода и холода. Испытанная неудача не заставила Петра упасть духомъ. Напротивъ, онъ съ еще большей энергіей принялся за приготовленія къ новому походу на Азовъ. Уѣхавъ въ Воронежъ, онъ всю зиму строилъ тамъ корабли для доставки войскъ и для дѣйствій противъ Азова съ моря. [Во время этихъ приготовленій, 29 января 1696 года, скончался старшій братъ Петра, Іоаннъ Алексѣевичъ, и Петръ сдѣлался единоличнымъ царемъ-самодержцемъ]. 3 мая русская армія двинулась во второй походъ подъ Азовъ. На этотъ разъ ея дѣйствія были гораздо успѣшнѣе, такъ какъ русскія суда не допустили турецкій флотъ оказать помощь осажденнымъ. 18 іюля крѣпость наконецъ сдалась. Петръ потребовалъ выдать ему измѣнника Янсена, что и было исполнено.

30 сентября состоялось торжественное вступленіе въ Москву возвратившихся изъ-подъ Азова побѣдителей. Войска проходили триумфальную арку, украшенную разными символическими изображеніями. Среди статуй выдѣлялось изображеніе морского бога Нептуна съ надписью:

„Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь!...“

Петръ отпраздновалъ побѣду длиннымъ рядомъ пиршествъ и увеселеній. Взятію Азова онъ особенно радовался: во-первыхъ, оно открыло Россіи выходъ къ морю, а во-вторыхъ, блестяще

оправдало „потѣшныя“ забавы, такъ какъ Азовъ былъ взятъ съ помощью артиллеріи, подготовленной потѣшными упражненіями, и при содѣйствіи флота, постройки котораго Петръ учился еще на Переяславской верфи.

Удачныя дѣйствія русскаго флота подъ Азовомъ дали новый толчекъ къ развитію кораблестроительной дѣятельности Петра. Царь хорошо понималъ, что безъ сильнаго флота трудно будетъ сохранить подъ властью Россіи только что приобретенную крѣпость и нельзя вести на югѣ наступательную политику. Поэтому 4 ноября 1696 года Петръ собралъ въ Преображенскомъ „думу“, которая и постановила, что всѣ жители московскаго государства должны участвовать въ созданіи русскаго флота. По разверсткѣ этой „думы“, вотчинники [т.-е. землевладѣльцы] духовные должны были поставить по одному кораблю съ 8.000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе съ 10.000 дворовъ. 12 кораблей обязались построить торговые люди; мелкопомѣстные дворяне, имѣвшіе меньше 100 дворовъ, участвовали въ созданіи флота вносомъ полтины съ cadaго двора. Всего предполагалось выстроить и снарядить 52 судна. Для сооруженія ихъ Тиммерманъ выписалъ изъ-за границы 50 мастеровъ шведовъ, голландцевъ и датчанъ, а венеціанскій сенатъ выслалъ, по просьбѣ Петра, тринадцать искусныхъ кораблестроителей-венеціанцевъ. Общее руководство и надзоръ надъ кораблестроеніемъ были поручены окольному Протасьеву, получившему званіе „адмиралтейца“. Одновременно съ началомъ постройки судовъ, на Азовскомъ морѣ была заложена пристань Таганрогъ.

Работа пошла довольно успѣшно. Но скорѣ Петръ увидѣлъ, что для Россіи гораздо выгоднѣе имѣть собственныхъ корабельныхъ мастеровъ, чтобы не зависѣть отъ иноземцевъ. Поэтому онъ рѣшилъ отправить въ Голландію, Италію и Англію пятьдесятъ стольниковъ для обученія тамъ корабельному искусству и архитектурѣ.

Отправка молодыхъ людей за границу вызвала глубокое недовольство среди боярства, уже давно питавшаго нерасположеніе къ Петру за его любовь къ иноземцамъ. Знатные русскіе люди смотрѣли на себя, какъ на избранный, единственно благочестивый народъ, хранящій истинную Христову вѣру, и считали для себя грѣхомъ имѣть какія-либо сношенія съ иноплеменни-

ками. Русское духовенство всегда внушало своей паствѣ, что всякое общеніе съ иноземцами „поганытъ“ чистоту православной вѣры. Поэтому любовь молодого царя къ „нѣмцамъ“, какъ тогда назывались безразлично всѣ иностранцы, и вся его дѣятельность, такъ не похожая на дѣятельность прежнихъ, „благочестивыхъ“, царей московскихъ, вызывали много неодобрительныхъ толковъ. Даже прорытіе канала между Волгой и Дономъ казалось поданнымъ Петра дѣломъ небогоуднымъ:

— Нельзя,—говорили они,—обращать потоки въ одну сторону, когда уже самъ Богъ обратилъ ихъ въ другую!..

Общественное недовольство Петромъ, сперва глухое, съ теченіемъ времени стало выливаться въ опредѣленные формы. Въ началѣ 1697 года монахъ Авраамій подалъ Петру письмо съ обличеніемъ поведенія царя и его отношенія къ православной вѣрѣ и къ своимъ поданнымъ. Въ письмѣ говорилось, что Петръ ведетъ себя „печально и плачевно, уклонился въ потѣхи, а государствомъ правятъ дяки-мздоимцы“. Петръ отвѣтилъ на это письмо назначеніемъ строгаго разслѣдованія, по окончаніи котораго Авраамій и его друзья были отправлены въ ссылку. Вскорѣ послѣ этого письма былъ открытъ уже настоящій заговоръ на жизнь царя. Самые главные заговорщики, бояре Соковнинъ и Пушкинъ и стрѣлецкій полковникъ Циклеръ, сознались въ застѣнкѣ, что мотивами для замышлявшагося цареубійства были новшества Петра. Кромѣ того, подъ кнутомъ палача Циклеръ оговорилъ и царевну Софью. Петръ посмотрѣлъ на этотъ заговоръ какъ на продолженіе прежнихъ происковъ Софьи и ея сторонника, Ив. Мих. Милославскаго; поэтому онъ отнесся къ заговорщикамъ безъ всякой пощады. Всѣ они были присуждены къ смертной казни; кромѣ того, гробъ съ тѣломъ Милославскаго, умершаго еще въ 1685 году, былъ вырытъ изъ могилы, привезенъ на свиньяхъ къ мѣсту казни и поставленъ подъ эшафотомъ такъ, что кровь казненныхъ заговорщиковъ стекала на истлѣвшій трупъ Милославскаго.

подавивъ явныя выраженія недовольства, Петръ сталъ готовиться къ отъѣзду за границу. Онъ созвалъ бояръ и объявилъ имъ, что считаетъ себя неспособнымъ управлять государствомъ на благо народа, такъ какъ не получилъ настоящаго образованія, а поэтому рѣшилъ поѣхать учиться въ просвѣщенные евро-

пейскія страны. Конечно, боярамъ ничего больше не оставалось, какъ молча выслушать эти слова о новомъ, по ихъ мнѣнію, „сумасбродствѣ“ молодого царя.

Путешествіе за границу было для Петра естественнымъ продолженіемъ всей его предыдущей дѣятельности. „Командируя десятки молодежи въ заграничную выучку“, — говоритъ проф. Ключевскій, — „Петръ естественно долженъ былъ командировать и себя самого туда же. Онъ ѣхалъ за границу не какъ любопытный и досужій путешественникъ, чтобы полюбоваться диковинами чужой культуры, а какъ рабочій, желавшій спѣшно ознакомиться съ недостававшими ему надобными мастерствами: онъ искалъ на западѣ техники, а не цивилизаціи“.

Передъ отъѣздомъ Петръ заказалъ себѣ печать съ такой многозначительной надписью:

„Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“.

Петръ ѣхалъ за границу, главнымъ образомъ, затѣмъ, чтобы учиться тамъ, а также увидѣть все то, о чемъ ему много рассказывали иностранцы, жители московской Нѣмецкой слободы. Первымъ, кто возбудилъ въ Петрѣ сильный интересъ къ западно-европейской жизни, былъ руководитель его дѣтскихъ военныхъ забавъ — Павелъ Мезеніусъ, шотландецъ по происхожденію и искатель приключеній по призванію. Во время войны Россіи съ Польшей Мезеніусъ, служившій въ польской арміи, былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Москву, гдѣ онъ сумѣлъ пріобрѣсти такое расположеніе царя Алексѣя Михайловича, что послѣдній нѣсколько разъ посылалъ его къ папѣ римскому съ очень важными дипломатическими порученіями. Благодаря общенію съ Мезеніусомъ Петръ съ любопытствомъ сталъ глядѣть на обитателей Нѣмецкой слободы, которыхъ патріархъ Іоакимъ называлъ не иначе, какъ „проклятыми еретиками“. А два другихъ иностранца, Тиммерманъ и Брантъ, скоро сдѣлали Петра частымъ гостемъ, а потомъ и своимъ человѣкомъ въ этой презираемой благочестивыми русскими людьми средѣ.

Въ концѣ XVII столѣтія жизнь обитателей Нѣмецкой слободы въ Москвѣ мало чѣмъ отличалась отъ ихъ жизни и времяпровожденія гдѣ-нибудь въ Бернѣ, Амстердамѣ или Женевѣ, откуда они пріѣхали въ Россію. По окончаніи трудового дня они старались провести досугъ какъ можно пріятнѣе: устраивали

танцевальные вечера и маскарады, на которыхъ молодежь безпечно веселилась, а старшіе, сидя за кружкой пива, вели разговоръ.

Когда Петръ ближе сошелся съ членами этой интернаціональной колоніи, онъ сталъ принимать самое дѣятельное участіе и въ ея развлеченіяхъ. Легко научившись танцамъ, онъ такъ увлекся ими, что никогда не могъ усидѣть на мѣстѣ, когда раздавались звуки его любимаго „гросфатертанца“. Кромѣ новыхъ удовольствій, Петру нравились въ Нѣмецкой слободѣ непринужденность, простота и веселость иноземцевъ, такъ подходившія къ его собственному характеру. Петръ „дневалъ и ночевалъ“ въ слободѣ, совершенно забывая мать, жену и всю придворную жизнь. Къ тому же скоро у него вспыхнуло нѣжное чувство къ одной изъ жительницъ слободы, дочери золотыхъ дѣлъ мастера, Аннѣ Монсъ, съ которой его познакомилъ Францъ Лефортъ. Эта, по опредѣленію кн. Куракина, „изрядная и умная“ дѣвица своимъ непринужденнымъ обращеніемъ, недостававшимъ русскимъ женщинамъ, сумѣла такъ плѣнить молодого царя, что онъ совершенно охладѣлъ къ своей супругѣ Евдокіи Феодоровнѣ.

Но Петра влекли въ Нѣмецкую слободу не только нѣжныя чувства къ Аннѣ Монсъ и жажда развлеченій, но еще больше и его природная любознательность.

Составъ иноземныхъ товарищей Петра отличался большою пестротой во всѣхъ отношеніяхъ: среди нихъ были французы, нѣмцы, голландцы, англичане, шотландцы; католики, лютеране, кальвинисты, реформаты; генералы и офицеры, художники, лѣкари, аптекари, купцы, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, часовщики и т. д. Большой частью это были люди, много видавшіе на своемъ вѣку, и бесѣда съ ними за шахматной доской или за трубкой и кружкой пива была для Петра величайшимъ наслажденіемъ. Они рассказывали ему много интереснаго о Западной Европѣ и обучали его разнымъ ремесламъ, какія только знали сами.

Наибольшимъ расположеніемъ царя пользовались иноземцы Гордонъ и Лефортъ. Гордонъ, къ которому Петръ относился всегда, какъ ученикъ къ любимому учителю, былъ, по опредѣленію проф. В. О. Ключевского, — „степенный шотландецъ, пожилой, аккуратный генералъ, наемная сабля, служившая въ семи

ордахъ семи царямъ, по выраженію нашей быliny“. Онъ постоянно получалъ изъ Англіи книги, карты, инструменты, и всегда что-нибудь показывалъ и объяснялъ молодому царю: то военныя упражненія, то новыя машины, то способы приготовленія фейерверка. Петръ часто посѣщалъ его запросто.

Если Гордонъ былъ для царя уважаемымъ учителемъ, то Лефортъ былъ его задушевымъ другомъ. Францъ Яковлевичъ Лефортъ пріѣхалъ въ Россію еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1675 году. Онъ поступилъ на военную службу, но въ ней ничѣмъ особенно не отличился. Петру онъ понравился съ перваго же знакомства. „Это былъ человекъ малосвѣдущій“,—говоритъ о Лефортѣ Н. Н. Костомаровъ,—„но зато умѣвшій обо всемъ хорошо говорить, человекъ веселаго нрава и необыкновенно пріятный собесѣдникъ. Если онъ имѣлъ мало основательныхъ свѣдѣній въ военномъ устройствѣ и въ кораблестроеніи, зато съ жаромъ и восторгомъ говорилъ объ этомъ передъ Петромъ и располагалъ Петра къ усвоенію наружныхъ признаковъ иноземнаго строя“.

Лефортъ принималъ самое живое участіе въ потѣшныхъ маневрахъ Петра. Чтобъ убѣдить царя въ преимуществахъ иноземной военной формы, онъ нѣсколько разъ являлся къ Петру въ разныхъ формахъ, и достигъ того, что Петръ самъ надѣлъ иноземный мундиръ и своихъ потѣшныхъ велѣлъ обмундировать въ иноземную форму. Лефортъ былъ произведенъ въ генер.-майоры и всегда сопровождалъ царя во время походовъ съ „потѣшными“, а также на всѣ пиры и попойки. Онъ же ввелъ Петра въ общество Нѣмецкой слободы. Только онъ одинъ и умѣлъ успокоить страшнаго въ гнѣвѣ царя. Князь Куракинъ въ своихъ запискахъ отзывался о Лефортѣ такъ:

„Лефортъ былъ человекъ забавной и роскошной или, называть, дебошанъ французской... денно и ночью былъ въ забавахъ, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебошъ съ дамами и питье непрестанное, оттого и умеръ во время своихъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Въ его домѣ царь научился съ дамами иноземскими обходиться, и амуръ первый началъ быть“. Смерть Лефорта крайне опечалила Петра. Передъ выносомъ его тѣла, царь приказалъ открыть гробъ и рыдая долго цѣловалъ холодный трупъ своего любимца.

Лефорта Петръ и поставилъ во главѣ торжественнаго посольства, съ которымъ поѣхалъ за границу, зачисливъ самого себя въ свиту „великихъ пословъ“ подѣ именемъ Петра Михайлова. Гласной цѣлью этого посольства, выѣхавшаго изъ Москвы въ мартѣ 1697 года и отправлявшагося въ Австрію, Голландію и Англію, было укрѣпленіе дружественныхъ отношеній Россіи съ этими державами; а тайной цѣлью было привлеченіе на службу въ Россію капитановъ, караблестроителей и мастеровъ всякихъ ремеслъ. Въ свитѣ пословъ поѣхало 35 русскихъ добровольцевъ, которые должны были остаться за границей и изучить тамъ морское дѣло.

Въ Либавѣ Петръ съ небольшою свитой сѣлъ на корабль, а посольство должно было ѣхать до Кенигсберга сухимъ путемъ. Въ этомъ городѣ царь встрѣтилъ радушный приѣмъ у бранденбургскаго курфюрста [т.-е. князя]. Здѣсь же онъ прежде всего началъ доучиваться артиллерійскому искусству у главнаго инженера прусскихъ крѣпостей фонъ-Штернфельда. По окончаніи занятій, этотъ инженеръ выдалъ Петру аттестатъ, въ которомъ говорится:

„Какъ въ Кенигсбергѣ, такъ и въ приморской крѣпости Пилау ежедневно благоупомянутаго господина Петра Михайлова не только въ теоріи науки, но и въ практикѣ, частыми работами собственныхъ рукъ его, я обучалъ и упражнялъ. Въ томъ и другомъ случаѣ въ непродолжительное время, къ общему изумленію, онъ такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ“.

Изъ Кенигсберга Петръ поѣхалъ въ сильно привлекавшую его Голландію. Инкогнито царя было раскрыто, кажется, какъ только онъ переѣхалъ русскую границу. Поэтому уже въ Германіи всѣ прямо говорили о молодомъ московскомъ царѣ, пріѣхавшемъ учиться корабельному и артиллерійскому дѣлу. Двѣ германскія принцессы—Софья ганноверская и ея дочь, Софія-Шарлотта бранденбургская—захотѣли непременно познакомиться съ необыкновеннымъ царемъ, и выѣхали навстрѣчу Петру въ мѣстечко Конненбургъ. Сначала Петръ отказался посѣтить принцессъ, даже, разговаривая съ ними, застѣнчиво закрывалъ

руками лицо,—но потомъ согласился отобѣдать у нихъ, только подѣ условіемъ, чтобы, кромѣ него, за столомъ не было никого изъ придворныхъ. Однако во время обѣда онъ такъ оживился, что просилъ позвать придворныхъ, сталъ предлагать имъ пить вино стаканами и, наконецъ, пустился въ русскую пляску. Лица свиты Петра послѣдовали примѣру своего государя, и тоже начали танцы съ нѣмецкими дамами, поражаясь, между прочимъ, ихъ худобой, такъ какъ приняли корсетныя кости за выступав-

Петръ въ костюмѣ голландскаго матроса.

шія ребра. Во время обѣда Петръ не обращалъ никакого вниманія на пѣніе италіанскихъ артистовъ, откровенно признавшись, что не понимаетъ и не любитъ музыки.

— Любите ли вы охоту?—спросила его одна изъ принцессъ.

— Мой отецъ очень любилъ ее,—отвѣчалъ Петръ.—Но я больше люблю плавать по морю и пускать фейерверки.

При этихъ словахъ онъ показалъ собесѣдницѣ свои огрубѣвшія отъ работы руки.

Впослѣдствіи германскія принцессы такъ описывали своего необыкновеннаго гостя:

„У него прекрасныя черты лица и благородная осанка. Онъ обладаетъ большою живостью ума; отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно бы видѣть въ немъ меньше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Если бы онъ получилъ хорошее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ“.

7 августа Петръ пріѣхалъ въ голландскій городъ Саардамъ, гдѣ была большая верфь. Онъ одѣлся въ костюмъ голландскаго плотника—красную фризскую куртку, бѣлыя парусинныя шаровары и лакированную шляпу—и пошелъ къ кузнецу Кисту, работавшему прежде въ Москвѣ и знавшему Петра лично. Кистъ сразу призналъ царя, несмотря на его странный костюмъ, но, по просьбѣ Петра, никому не сказалъ объ этомъ. Петръ поселился у него въ домѣ и сталъ ходить на работу. Но у Киста онъ прожилъ всего лишь недѣлю, такъ какъ жена хозяина скоро разболтала сосѣдкамъ тайну ихъ жильца, и за царемъ-плотникомъ стали ходить по улицамъ толпы зѣвакъ. Петра это любопытство очень сердило, такъ что одному слишкомъ назойливо пристававшему онъ далъ звонкую пощечину, но остальныхъ это все-таки не удержало. Раздраженный Петръ рѣшилъ уѣхать въ Амстердамъ, куда вскорѣ прибыло и оставшее отъ него въ пути посольство. Здѣсь царь и прожилъ четыре мѣсяца, работая на ость-индской верфи въ качествѣ простаго корабельнаго плотника. Однако голландское судостроеніе не удовлетворило Петра, такъ какъ голландцы строили свои корабли наглазъ, навыкомъ, не умѣя составить корабельныхъ чертежей. „Зѣло ему сіе стало противно“,—писалъ впоследствии Петръ о самомъ себѣ—„что такой далекій путь для сего воспріалъ, а желаемаго конца не достигъ... И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось ему быть на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо невеселъ, ради вышеписанной причины; но когда между разговоровъ спрошенъ былъ: для чего такъ печалень? Тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слышавъ сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ,

какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію и поѣхалъ и тамъ оную науку окончилъ“.

Во время своего четырехмѣсячнаго пребыванія въ Амстердамѣ Петръ не терялъ ни минуты безъ пользы. Прервавъ работу на верфи, онъ осматривалъ фабрики, заводы, кунсткамеры, больницы, воспитательные дома, военные и торговые суда, обсерваторію и т. д. Присутствуя однажды на лекціи профессора анатоміи Рюйша, Петръ увидалъ въ анатомическомъ кабинетѣ препарированный трупъ улыбающагося ребенка, и.... поцѣловалъ его. Замѣтивъ при осмотрѣ анатомическаго театра знаменитаго лейденскаго доктора Боэргава, что нѣкоторые лица свиты чувствуютъ отвращеніе къ трупамъ, Петръ заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы мертваго тѣла....

Пріѣхавъ въ Лондонъ, Петръ бѣгло осмотрѣлъ достопримѣчательности міроваго города и отправился въ Дептфордъ, королевскую верфь, гдѣ, подъ руководствомъ Эвелина, приступилъ къ изученію математики и теоріи кораблестроенія. Оттуда онъ ѣздилъ въ Лондонъ, въ Оксфордъ и Вульвичъ, гдѣ знакомился съ приготовленіемъ бомбъ. Больше всего его интересовали корабли, гавани, доки, верфи, фабрики, заводы и мастерскія. Англичане говорили, что не было, вѣроятно, ни одного прикладного искусства или ремесла, которымъ московскій царь не поинтересовался бы.

Побывавъ на засѣданіи въ парламентѣ, Петръ сказалъ:

— Весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему государю правду. Вотъ чему надо учиться у англичанъ!...

Но больше всего царь говорилъ и думалъ о кораблестроеніи.

— Англійскій адмиралъ, — воскликнулъ онъ однажды, — счастливѣе московскаго царя!

Кораблестроеніе въ Англіи показалось Петру неизмѣримо превосходящимъ голландское, и онъ рѣшилъ строить свои суда главнымъ образомъ по англійскимъ моделямъ. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ въ Россію нѣсколько англичанъ. Между другими дѣлами въ Англіи, Петръ заключилъ и договоръ о свободномъ ввозѣ въ Россію табаку; когда ему замѣтили относительно этого договора:

— Въдъ русскіе считаютъ куреніе табаку грѣхомъ!

Онъ не колеблясь отвѣчалъ:

— Я ихъ передѣлаю на свой ладъ, когда вернусь домой!...

18 апрѣля 1698 года, прощаясь съ англійскимъ королемъ Вильгельмомъ, Петръ сказалъ ему:

— Если бы я не поучился у англичанъ, то навсегда остался бы не болѣе, какъ плохимъ работникомъ.

На самихъ англичанъ московскій царь произвелъ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное впечатлѣніе, главнымъ образомъ своей односторонностью.

Вернувшись изъ Лондона опять въ Голландію, Петръ пробылъ тамъ до 17 мая, а затѣмъ выѣхалъ въ Вѣну, отдѣлившись отъ своего посольства. Но въ Вѣнѣ онъ оставался не долго, такъ какъ получилъ тамъ сообщенія о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ, и поторопился въ Москву.

„Можно себѣ представить“, — говоритъ проф. Ключевскій, — „съ какимъ запасомъ впечатлѣній, собранныхъ за пятнадцать мѣсяцевъ заграничнаго пребыванія, возвращался Петръ домой. Попавъ въ Западную Европу, онъ поспѣшилъ прежде всего забѣжать въ мастерскую ея культуры и не хотѣлъ, повидимому, итти никуда больше, по крайней мѣрѣ, оставался разсѣяннымъ, безучастнымъ зрителемъ, когда ему показывали другія стороны европейской жизни. Возвращаясь въ Россію, Петръ долженъ былъ представлять себѣ Европу въ видѣ шумной и дымной мастерской съ машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами“.

Узнавъ о новомъ мятежѣ стрѣльцовъ, Петръ отказался отъ предполагаемой поѣздки въ Венецію и тотчасъ же поскакалъ въ Москву. Съ дороги онъ писалъ князю Ромодановскому:

„Зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій... Сѣмя Ивана Михайловича Милославскаго растеть, въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ, а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла [т. - е. путешествія въ Венецію], однако сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете...“

На этотъ разъ возмущеніе стрѣльцовъ возникло такъ.

Софя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ
во время казни стрѣльцовъ въ 1698 г.

Колт. И. Е. Рюмина.

Стрѣльцы уже давно замѣтили, что царь относится къ нимъ и къ ихъ военному искусству съ пренебреженіемъ: на потѣшныхъ маневрахъ они изображали всегда „польское войско“ и всегда были биты солдатами новыхъ полковъ. Послѣ взятія Азова Петръ оставилъ тамъ много стрѣльцовъ для охраны крѣпости. Пребываніе въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ показалось стрѣльцамъ, привыкшимъ къ празднои и веселой жизни въ столицѣ, настоящимъ мученіемъ. Въ началѣ 1698 года Петръ приказалъ 4 стрѣлецкимъ полкамъ оставить Азовъ и итти въ Россію, но не въ Москву, какъ они мечтали, а въ городъ Великія Луки (Псковской губерніи). Среди недовольныхъ этимъ распоряженіемъ стрѣльцовъ поднялся ропотъ, и около двухсотъ чело-вѣкъ бѣжало изъ своихъ полковъ въ Москву. Здѣсь они узнали, что царь за границей:

— Государь залетѣлъ въ чужую сторону, къ нѣмцамъ!— говорили стрѣльцамъ,—о немъ ни слуху ни духу, невѣдомо живъ, невѣдомо померъ. Въ Москвѣ правятъ бояре, хотятъ задушить царевича....

А изъ Новодѣвичьяго монастыря опальная царевна Софья посылала имъ такія краснорѣчивыя „грамотки“:

„Вамъ бы быть въ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ и бить челомъ мнѣ итти къ Москвѣ противъ прежняго на державство. А кто бы не сталъ пускать—и вамъ бы чинить съ ними бой!“

Когда правительство, оставленное въ Москвѣ царемъ, выгнало бѣглецовъ изъ столицы, они вернулись съ этими „грамотками“ Софьи въ свои полки.

Вскорѣ отъ Петра пришелъ новый указъ: перевести стрѣлецкіе полки изъ Великихъ Лукъ въ Смоленскъ и Тверь, а бѣглыхъ сослать въ Малороссію на вѣчное житье. Стрѣльцы отказались выдать бѣглецовъ и пошли вмѣстѣ съ ними въ назначенные имъ города. По дорогѣ туда среди нихъ вспыхнулъ общій бунтъ; они рѣшили итти въ Москву, чтобы:

— Государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами.

Выбравъ себѣ новыхъ полковниковъ, стрѣльцы двинулись къ Москвѣ. Противъ нихъ выступилъ генералъ Гордонъ съ 4000-нымъ отрядомъ и 25 пушками. Встрѣча произошла 17 іюня.

Утро стрѣлцкой казни.

Карт. В. И. Сурикова.

Сначала Гордонъ пытался уговорить стрѣльцовъ подчиниться царскому указу, но они отвѣчали боевыми криками, готовясь къ сраженію. Нѣсколькими пушечными залпами Гордонъ разсѣялъ ихъ.

Петръ пріѣхалъ въ Москву 28 августа вечеромъ и на другой же день началъ строгое разслѣдованіе стрѣлецкаго бунта. До 1700 человекъ было подвергнуто пыткамъ. Главное руководство всѣмъ слѣдствіемъ о стрѣльцахъ было поручено начальнику Тайной Преображенской Канцеляріи, лютому кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому, котораго самъ Петръ брезгливо называлъ „звѣремъ“. Князь Куракинъ характеризуетъ этого стрѣлецкаго прокурора такими словами:

„Сей князь былъ характера партикулярнаго [т.-е. особеннаго]. Собою видомъ какъ монстра [т.-е. чудовище], нравомъ злой тиранъ. Превеликій нежелатель добра никому. Пьянъ по вся дни. Но его величеству вѣрной такой былъ, что никто другой“.

30 сентября начались казни виновныхъ стрѣльцовъ. Въ этотъ день на Красную площадь привезли на телѣгахъ 201 стрѣльца. Въ каждой телѣгѣ сидѣло по два преступника, съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Казни продолжались весь октябрь. Петръ былъ такъ раздраженъ бунтомъ стрѣльцовъ, что въ Преображенскомъ застѣнкѣ собственноручно рубилъ имъ головы и то же самое приказывалъ дѣлать своимъ приближеннымъ. Впослѣдствіи Меншиковъ хвалился тѣмъ, что отрубилъ 20 головъ. Всего было подвергнуто казни до 1000 человекъ.

195 стрѣльцовъ было повѣшено подъ окнами кельи Софьи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и трупы ихъ провисѣли тамъ пять мѣсяцевъ. А сама Софья была насильно пострижена въ монашество подъ именемъ Сусанны. Доступъ къ ней былъ затрудненъ даже для ея сестеръ. Петръ запретилъ пускать въ монастырь пѣвчихъ, подъ видомъ которыхъ къ царевнѣ могли проникнуть ея сторонники.

— Поютъ и старицы хорошо,—сказалъ онъ,—лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ „Спаси отъ бѣды“, а на паперти деньги на убійство даютъ.

Софья томилась въ заключеніи еще пять лѣтъ и скончалась въ 1704 году.

Послѣднія казни надъ стрѣльцами были совершены уже въ

февралѣ 1699 года. Тѣла казенныхъ лежали на площадяхъ до весны, а потомъ было приказано зарыть ихъ близъ дороги въ окрестностяхъ Москвы.

Такъ было подавлено послѣднее стрѣлцкое возстаніе, явившееся протестомъ противъ новшествъ и „поганой иноземщины“, проводимыхъ Петромъ въ жизнь московскаго государства.

На другой день по приѣздѣ въ Москву Петръ на торжественномъ приѣмѣ бояръ началъ собственноручно рѣзать имъ бороды и всѣмъ приказалъ одѣться въ европейское платье. Бо-

Князь О. Ю. Ромодановскій.

роды были оставлены только двумъ заслуженнымъ старикамъ Стрѣшневу и Черкасскому.

Трудно представить себѣ душевное состояніе бояръ, уѣзжавшихъ изъ царскаго дворца съ зажатыми въ кулакахъ клоками отрѣзанныхъ бородъ! Русскій челоуѣкъ XVII вѣка считалъ бороду не украшеніемъ, а признакомъ достоинства и даже благочестія. Въ древнерусской литературѣ бритье бороды называлось „эллинскимъ, блуднымъ, гнуснымъ дѣломъ“. Безбородый напоминалъ иноземца, т.-е. поганого еретика. Въ умахъ приверженцевъ старины указъ Петра о брѣдобрѣтіи только подтвердилъ предпо-

ложеніе, что царь отрекся отъ православной вѣры и подпалъ подъ власть Антихриста. Однако недовольство Петромъ не шло дальше разговоровъ, и лица, желавшія сохранить бороду, покорно уплачивали за нее ежегодную пошлину, получая „бородовой знакъ“, обезпечивавшій сохраненіе признака ихъ благочестія. Только крестьянству и духовенству предоставлено было право безошлинно носить бороду.

Другимъ новшествомъ Петра по приѣздѣ изъ-за границы было введеніе лѣтосчисленія отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра, какъ было въ древней Руси. Отпраздновавъ 1 сентября 1699 года наступленіе 7208 года по старому счету, Петръ приказалъ праздновать слѣдующаго 1 января новый 1700 годъ и впредь считать годы отъ Рождества Христова.

Знакъ въ уплатѣ пошлины за бороду.

Глубоко убѣжденный въ цѣлесообразности всѣхъ своихъ указовъ, имѣвшихъ цѣлью приблизить русскую жизнь къ порядкамъ, видѣннымъ имъ въ Западной Европѣ, Петръ совсѣмъ не считался съ тѣмъ, съ какой душевной болью подданные исполняли волю государя. Проф. Ключевскій мѣтко опредѣляетъ эту черту характера Петра такъ:

„Петръ зналъ людей, но не понималъ ихъ“.

А самъ Петръ въ послѣдствіи такъ оправдывалъ строгія наказанія, которыми онъ грозилъ ослушникамъ своихъ указовъ:

„Съ другими европейскими народами можно достигать цѣли человѣколюбивыми способами, а съ русскими не такъ: если бы я не употреблялъ строгости, то бы уже давно не владѣлъ русскимъ государствомъ и никогда не сдѣлалъ бы его таковымъ,

каково оно теперь. Я имѣю дѣло не съ людьми, а съ животными, которыхъ хочу передѣлать въ людей...”

Пребываніе Петра за границей отразилось и на его семейной жизни. Чуть ли не съ перваго дня женитьбы онъ сталъ тяготиться своей супругой Евдокіей Ѳеодоровной, суевѣрной, „старозавѣтной“ женщиной, по характеру и взглядамъ совершенно не подходившей къ его дѣятельной и живой натурѣ. Анна Монсъ, а впоследствии Екатерина были гораздо ближе Петру, нежели

Шведскій король Карлъ XII.

его первая супруга. По возвращеніи же изъ-за границы онъ особенно ясно почувствовалъ, какъ чужда его переродившейся душѣ Евдокія Ѳеодоровна. Поэтому еще съ дороги онъ послалъ Льву Нарышкину и духовнику Евдокіи письмо съ просьбой уговорить ее постричься въ монастырь. Но царица отвѣтила на это категорическимъ отказомъ. Приѣхавъ въ Москву, Петръ самъ сталъ уговаривать ее, но Евдокія была непреклонна. Тогда разгнѣванный царь приказалъ (23 сент. 1698 года) отправить ее въ Суздальскій Покровскій монастырь и тамъ насильно постричь въ монашество.

Очень трудно привести въ этомъ краткомъ изложеніи все, что было вынесено Петромъ изъ его путешествія за границу. Однимъ изъ самыхъ главныхъ слѣдствій поѣздки была, конечно, идея шведской войны, извѣстной въ исторіи подъ именемъ Великой Сѣверной войны. Это произошло такъ.

На обратномъ пути въ Россію Петръ познакомился съ новоизбраннымъ королемъ польскимъ Августомъ (онъ же былъ саксонскимъ курфюрстомъ). Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ нимъ, Петръ отъ мысли о союзѣ европейскихъ государствъ противъ Турціи легко перешелъ къ мысли приобрести для Россіи Балтійское побережье, естественное „окно въ Европу“.

О приобретеніи береговъ Балтійскаго моря думалъ еще Іоаннъ Грозный; а при Алексѣѣ Михайловичѣ А. Л. Ординъ-Нащокинъ особенно настойчиво указывалъ на необходимость занять побережье Рижскаго залива. Но Алексѣй Михайловичъ былъ слишкомъ связанъ борьбой съ Польшей и Турціей, чтобы думать о завоеваніи новыхъ областей. Напротивъ, Петру ничто не препятствовало взять на себя рѣшеніе задачи, поставленной русскому государству самой исторіей. Поэтому, заключивъ съ Турціей выгодный миръ съ уступкой Азова Россіи, онъ, вступивъ въ союзъ съ польскимъ королемъ Августомъ и датскимъ—Христианомъ, двинулъ войска къ Балтійскому морю. Началась война, продолжавшаяся 21 годъ.

Петръ надѣялся на быстрый успѣхъ, такъ какъ его противникъ, шведскій король Карлъ XII, былъ извѣстенъ больше ночными буйствами въ Стокгольмѣ, чѣмъ какими-либо талантами. Однако, къ удивленію Петра и всѣхъ современниковъ, Карлъ обнаружилъ качества настоящаго полководца. Прежде всего онъ напалъ на Копенгагенъ и заставилъ Данію подписать миръ. Затѣмъ, внезапно обрушившись на 40.000-ную армію Петра, осаждавшую Нарву, нанесъ ей пораженіе и захватилъ всю русскую артиллерію (19 ноября 1700 года). Русскія войска отступили отъ Нарвы, по словамъ самого Петра, „въ большой конфузій“. Но Карлъ не воспользовался своей побѣдой и, вмѣсто дальнѣйшихъ дѣйствій противъ обезсиленнаго Петра, бросился на третьяго своего врага, короля Августа, и надолго, по выраженію Петра, „увязъ въ Польшѣ“.

Нарвское пораженіе, какъ и первый Азовскій походъ, не

привело Петра въ отчаяніе. Въ теченіе зимы 1700—1701 года онъ собралъ новую армію и отлил изъ церковныхъ колоколовъ 300 новыхъ пушекъ. Въ то же время онъ дѣятельно помогаль своему союзнику Августу деньгами, хлѣбомъ и войсками. Въ Польшѣ противъ Карла довольно успѣшно дѣйствовалъ А. Д. Меншиковъ. А самъ Петръ, пользуясь тѣмъ, что главные силы Карла были заняты въ Польшѣ, предпринялъ завоеваніе Финскаго побережья. Въ теченіе 1701—1703 гг. ему удалось взять

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

города Ямъ, Копорье, Нотебургъ (теперешній Шлиссельбургъ) и Нѣншанць, при впаденіи р. Охты въ Неву. Ниже этого послѣдняго укрѣпленія Петръ основаль, въ маѣ 1703 года, будущую столицу государства, „Питербурхъ“ или „Санктпетербургъ“. Въ томъ же году онъ основаль на Котлинъ-островѣ крѣпость Кронштадтъ. Въ 1704 году были взяты сильныя шведскія крѣпости Дерптъ (нынѣшній Юрьевъ, Лифл. губ.) и Нарва.

Карль слишкомъ поздно поняль, каковую ошибку онъ сдѣлалъ, давъ Петру возможность собраться съ силами и завоевать цѣлый рядъ областей.

Въ началѣ войны шведскій король считаль Августа гораздо

болѣе опаснымъ врагомъ, нежели Петра, объ арміи котораго онъ отозвался послѣ Нарвской побѣды такъ презрительно:

„Нѣтъ никакого удовольствія биться съ русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ. Если бы рѣка Нарова была покрыта льдомъ, намъ едва ли бы удалось убить хотя одного человѣка“.

Скоро Петръ заставилъ Карла измѣнить такое мнѣніе о русскихъ войскахъ.

Въ Польшѣ Карлъ въ концѣ концовъ достигъ преслѣдуемой цѣли: изгналъ Августа изъ государства и настоялъ на избраніи королемъ Станислава Лещинскаго, а затѣмъ вторгся въ саксонскія владѣнія Августа и заставилъ его подписать миръ. Послѣ этого Карлъ двинулся въ Россію (въ концѣ 1707 года) и, разбивъ по дорогѣ отрядъ Шереметева, остановился въ Могилевѣ. Здѣсь онъ рѣшилъ подождать подкрѣпленій изъ Малороссіи, гетманъ которой, Мазепа, измѣнилъ Петру, а также изъ Лифляндіи, откуда къ королю шелъ съ большими запасами провіанта генералъ Левенгауптъ. Но при деревнѣ Лѣсной Петръ внезапно напалъ на Левенгаупта и, разбивъ наголову его отрядъ, овладѣлъ всѣмъ шведскимъ обозомъ, лишивъ такимъ образомъ армію Карла продовольствія и боевыхъ снарядовъ. Объ этой побѣдѣ надъ шведской арміей Петръ впослѣдствіи отзывался такъ:

„Побѣда подъ Лѣсной была виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи и матерью Полтавской баталіи“.

Наступилъ 1709 годъ. Зимой Карлъ нѣсколько разъ напалъ на русскія войска, стараясь занять дорогу къ Москвѣ, а весной направился въ Малороссію и осадилъ городъ Полтаву.

„Я не берусь судить“,—говоритъ проф. Ключевскій,—„о стратегическомъ достоинствѣ того крутого поворота, какимъ былъ походъ Карла отъ Могилева на юго-востокъ, къ Полтавѣ. Тогда толковали, что Украина манила къ себѣ Карла обиліемъ продовольствія, недостаткомъ укрѣпленій, близостью къ Крыму и Польшѣ, надеждой найти въ казакахъ сильное подкрѣпленіе и съ ихъ помощью безопасно пробраться къ Москвѣ, куда онъ не рѣшался пробиться сквозь царскія войска черезъ Смоленскъ. Трудно сказать, предчувствовалъ ли онъ на цѣлое столѣтіе впередъ роковой путь Наполеона. Во всякомъ случаѣ подъ Полтавой девятилѣтній камень свалился съ плечъ Петра: русское

войско, имъ созданное, уничтожило шведскую армію, т.-е. 30 тысячъ отощавшихъ, обносившихся, деморализованныхъ шведовъ, которыхъ затащилъ сюда 27-лѣтній скандинавскій бродяга“.

Полтавская битва была дана 27 іюня 1709 года. Петръ и Карлъ лично принимали участіе въ бою. На Петрѣ была пробита шведскими пулями шляпа и поврежденъ крестъ на груди. На сторонѣ русскихъ былъ численный перевѣсъ войска (40000) и артиллеріи, такъ какъ шведы, за недостаткомъ пороха, стрѣляли только изъ 4 пушекъ. Шведское войско было совершенно

Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа.

уничтожено, и Карлъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Мазепой въ турецкіе предѣлы.

По окончаніи сраженія Петръ устроилъ торжественный пиръ, на которомъ пилъ за здоровье „учителей-шведовъ“.

— Хорошо же отблагодарили ученики своихъ учителей!—замѣтилъ плѣнный шведскій генералъ Реншильдъ.

Въ погоню за Карломъ и Мазепой были посланы два драгунскихъ полка съ приказомъ:

„Если поймаютъ Карла, то обходиться съ нимъ честно и почтительно, а если поймаютъ Мазепу, то вести его за крѣпкимъ карауломъ и смотрѣть, чтобы онъ какимъ-нибудь способомъ не

умертвилъ себя“. Но погоня оказалась безуспѣшной: запорожцы помогли бѣглецамъ благополучно достигнуть Турецкой границы, за которой они были уже въ безопасности.

Полтавская побѣда имѣла громадное значеніе. Шведская армія была уничтожена, и теперь Петръ могъ спокойно продолжать войну на сѣверѣ. Въ теченіе 1709—1710 гг. онъ взялъ города: Ригу, Перновъ, Аренсбургъ, Ревель, Выборгъ, Кексгольмъ, т.-е. почти всю Лифляндію, Эстляндію и Карелію.

Петропавловская крѣпость при Петрѣ Великомъ.

Но въ слѣдующемъ 1711 году вспыхнула война съ Турціей, опасавшейся торговаго преобладанія Россіи на Черномъ морѣ. Кромѣ того, Карлъ XII горячо убѣждалъ султана объявить эту войну. Петръ потребовалъ выдать ему шведскаго короля, но получилъ отказъ. Хотя война была объявлена 20 ноября 1710 года, но военныя дѣйствія начались только въ 1711 году.

Турецкая война была для Петра неудачна: на р. Прутѣ 38.000-ное русское войско, съ царемъ во главѣ, было окружено почти 200.000-ной арміей турецкаго визиря. Петру предстояло

или со славой умереть или позорно сдаться. Но великій визирь, повидимому, плохо освѣдомленный о состояніи русскаго войска, а также подкупленный подарками Петра, согласился на довольно почетный для Россіи миръ: Петръ обязался возвратить Турціи Азовъ и скрыть крѣпость, построенную на границѣ съ Крымомъ.

Такія уступки были совершенно ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что Петръ готовъ былъ отдать ради спасенія себя и арміи. Но все-таки тяжело было терять плоды своихъ многолѣтнихъ заботъ и трудовъ. Петръ утѣшалъ себя надеждой на приоб-

Графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ.

рѣненіе областей по берегамъ Балтійскаго моря, такъ какъ война съ Швеціей была только прервана, но далеко еще не окончена. Второй періодъ ея начался весной 1712 года. Теперь Петръ дѣйствовалъ противъ Швеціи въ союзѣ съ Польшей, Даніей, Пруссіей и Ганноверомъ. Въ іюль 1714 года русская эскадра подъ командой самого Петра одержала первую побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Гангутѣ.

Такъ какъ въ этотъ періодъ Сѣверной войны, вслѣдствіе несогласій между союзниками, военныя дѣйствія шли вяло, то Петръ рѣшилъ найти новыхъ союзниковъ, и съ этой цѣлью поѣхалъ для переговоровъ во Францію. Но Франція отказалась

отъ вмѣшательства въ войну, и Петръ заключилъ со Швеціей миръ (30 авг. 1721 года). По этому такъ называемому нейштадскому миру Россія приобрѣла Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, Карелію (нынѣшняя Петербургская губернія) и часть Финляндіи.

Такимъ образомъ Петръ блестяще выполнилъ великую историческую задачу: далъ Россіи естественный выходъ къ морю. Направленіе русской торговли послѣ войны со Швеціей рѣзко измѣнилось, такъ какъ великій торговый путь теперь прошелъ на западъ, въ Петербургъ, и Архангельскъ на Бѣломъ морѣ скоро утратилъ прежнее первенствующее значеніе морского порта.

Сенатъ по достоинству оцѣнилъ неутомимую дѣятельность Петра, доставившую Россіи почетное мѣсто среди европейскихъ державъ, и 20 октября 1721 года постановилъ поднести царю титулъ „отца отечества“ и Императора Всероссийскаго. Грандіозность совершеннаго Петромъ переворота въ государственной и народной жизни Россіи признавали всѣ, даже его враги. Поэтому канцлеръ графъ Головкинъ имѣлъ полное основаніе сказать Петру при поднесеніи ему императорскаго титула, что подданные имъ „изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта и, тако рещи [т.-е. такъ сказать], изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены“.

Только что окончилась продолжительная Сѣверная война, какъ Петру пришлось начать новую войну—съ Персіей.

Стремясь на западъ, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ и о южныхъ областяхъ государства. Онъ хотѣлъ утвердиться на Каспійскомъ морѣ, которое служило средствомъ торговаго сообщенія съ Азіей. Имѣя въ виду такую цѣль, онъ отправилъ въ Персію Артемія Волинскаго съ инструкціей:

„Смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ краяхъ купечество російскихъ подданныхъ размножить“.

Волинскій долженъ былъ также узнать, „нельзя ли черезъ Персію учинить купечество въ Индію“.

Волинскій заключилъ съ Персіей выгодный торговый договоръ, но нашелъ положеніе русской торговли на Востокѣ неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ въ Персіи. Между прочимъ, онъ доносилъ Петру:

„Здѣсь такая нынѣ глава, что онъ не надъ подданными, но у своихъ подданныхъ поданный, и чаю, рѣдко такого ду-

рачка можно сыскать между простыми, не токмо изъ коронованныхъ. Того ради самъ ни въ какія дѣла вступать не изволилъ, но во всемъ положился на своего намѣстника Ехтма-Девлера, который всякаго скота глупѣе, однако у него такой фаворить, что шахъ у него изо рта смотритъ и что велитъ дѣлаеть...

„Всѣ дѣла у нихъ идутъ безпутно, какъ попалось на умъ, такъ и дѣлають безо всякаго разсужденія. Отъ этого такъ свое государство разорили, что, думаю, и Александръ Великій въ

Графъ Яковъ Брюсъ,
сотрудникъ Петра Великаго въ преобразованіяхъ.

бытность свою не могъ войной такъ разорить. Не только отъ неприятелей, и отъ своихъ бунтовщиковъ оборониться не могутъ, и уже мало мѣста осталось, гдѣ бы не было бунта“.

Такъ какъ русская торговля въ Персіи особенно страдала отъ такого государственнаго порядка, то Волынскій прямо совѣтовалъ Петру:

„Намъ безъ всякаго опасенія начать можно, ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть къ Россіи безъ труда присовокупить можно“.

Какъ предлогомъ для объявленія войны Персіи, Петръ во-

спользовался избіеніемъ русскихъ купцовъ въ Шемахѣ, и 24 іюля 1722 года высадился съ войсками на персидскую территорію. Всего черезъ полтора мѣсяца Персія уже просила мира.

12 сентября 1723 года миръ былъ заключенъ. По условіямъ его къ Россіи отошли города Дербентъ и Баку съ прилегающими къ нимъ областями, т.-е. западный берегъ Каспійскаго моря.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Петра Великаго Россія прочно утвердилась на берегахъ четырехъ морей: Азовскаго, Чернаго, Балтійскаго и Каспійскаго. Но это было достигнуто цѣной почти непрерывныхъ войнъ въ теченіе 28 лѣтъ, считая со времени перваго Азовскаго похода, т.-е. съ 1695 года. Война и вызываемыя ею потребности и послужили главной пружиной всѣхъ преобразованій Петра Великаго въ арміи, финансахъ, устройствѣ сословій и государственномъ управленіи.

„При первомъ взглядѣ на преобразовательную дѣятельность Петра“,—говоритъ проф. Ключевскій,—„она представляется лишенной всякаго плана и послѣдовательности. Постепенно расширяясь, она захватила всѣ части государственнаго строя, коснулась самыхъ различныхъ сторонъ народной жизни. Но ни одна часть не перестраивалась заразъ, въ одно время и во всемъ своемъ составѣ... Война указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые приемы. Преобразовательныя мѣры слѣдовали одна за другой въ томъ порядкѣ, въ какомъ вызывали ихъ потребности, навязанныя войной“.

Послѣ стрѣлецкаго бунта 1698 года Петръ, совершенно уничтоживъ стрѣлецкіе полки и дворянскія конныя ополченія, ввелъ новый способъ отбыванія населеніемъ воинской повинности. Дворяне должны были служить въ арміи почти поголовно (изъ троихъ сыновей дворянина только одинъ имѣлъ право поступить въ гражданскую службу), а податныя сословія поставляли рекрутъ, одного съ 20 дворовъ. Всѣ прежніе разряды служилыхъ людей (дворяне городовые и московскіе, дѣти боярскіе, служилые казаки, стрѣльцы, пушкарі и т. п.) были соединены въ одно „шляхетское“ сословіе. За свою службу государству дворяне стали получать только денежное жалованье, а не помѣстья, какъ было прежде. вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ было введено обязательное обученіе „грамотѣ, цыфири и геометріи“; не обучившіеся

этимъ предметамъ не имѣли права жениться и получать офицерскіе чины. Для городскихъ сословій („посадскихъ людей“, „торговыхъ людей“) въ 1720 году былъ учрежденъ „Главный магистратъ“, которому вмѣнялась въ обязанность забота о развитіи торговли и ремеслъ. Взиманіе податей съ крестьянскаго населенія тоже было измѣнено: вмѣсто прежняго оброка съ „дворовъ“, была введена подушная подать „съ головъ“, такъ какъ прежній способъ обложенія допускалъ много злоупотребленій со стороны плательщиковъ.

Графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ,
главный начальникъ флота Петра Великаго.

Важныя реформы были произведены и въ государственномъ управленіи. Вмѣсто старинной Боярской Думы, почти не засѣдавшей съ самаго начала царствованія Петра Великаго, для руководства всѣмъ управленіемъ и для высшаго суда, въ 1711 г. былъ учрежденъ Правительствующій Сенатъ. Въ 1718 году многочисленныя приказы прежнихъ царствованій были замѣнены 12 коллегіями, нѣчто въ родѣ теперешнихъ министерствъ. Въ 1708 году все государство было раздѣлено на губерніи, губерніи на провинціи, провинціи на уѣзды. Высшее управленіе церковью перешло отъ патріарха къ Святѣйшему Синоду, учрежденному въ 1721 году, а санъ патріарха былъ совершенно уничтоженъ.

Въ устройствѣ синодальнаго управления церковью Петру Великому особенно много услугъ оказалъ его любимецъ, псковскій епископъ Теофанъ Прокоповичъ.

Въ сущности, вся дѣятельность Петра Великаго во всѣхъ областяхъ государственной жизни преслѣдовала одну главнѣйшую цѣль—просвѣщеніе народа. Но наука цѣнилась, главнымъ образомъ, со стороны ея практическаго приложенія въ жизни. Поэтому открывались преимущественно „ навигацкія“, „ артиллерійскія“ и „цыфирныя“ школы, готовившія будущихъ моряковъ, инженеровъ, знатоковъ артиллерійскаго дѣла. Впрочемъ, были приложены заботы и къ поднятію общаго образованія, такъ какъ Петръ Великій смотрѣлъ на себя какъ на учителя своего народа; онъ говорилъ:

„Нашъ народъ, яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера [т.-е. учителя] не приневолены бываютъ, которымъ досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль невольню сдѣлано, а уже за многое благодареніе слышится“.

Въ царствованіе Петра Великаго въ Москвѣ стала выходить (съ 1703 г.) первая русская газета—„Вѣдомости“. Въ Москвѣ же, на Красной площади, была построена „комедіальная хоромина“, или „комедіальный анбаръ“—театръ, гдѣ „охотные смотрѣльщики“ [т.-е. любители зрѣлищъ] могли видѣть на сценѣ „Доктора принужденнаго“ Мольера, „Донъ-Яна“ и т. п. пьесы. Въ этомъ же театрѣ странствующая нѣмецкая труппа ставила отрывки изъ „поючихъ дѣйствъ“, т.-е. оперъ. По приказанію царя, нѣсколько подьячихъ поступило въ ученіе къ нѣмецкимъ актерамъ, которые и обязались учить русскихъ „комедіантскимъ наукамъ съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ“.

Огромное значеніе преобразовательной дѣятельности Петра Великаго сознавали уже его современники. Такъ, напримѣръ, Неплюевъ, получивъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ былъ посланникомъ, извѣстіе о кончинѣ государя, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ:

„Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы—люди. Однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть и что бы впредь ни дѣлалось, изъ сего источника черпать будетъ“.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Преобразователь все чаще и чаще задумывался надъ тѣмъ, кто же послѣ его смерти поведетъ Россію дальше по тому пути, на который онъ поставилъ ее.

Вопросъ о престолонаслѣдникѣ тревожилъ не только самого царя, но и преданныхъ его слугъ—сотрудниковъ по преобразовательной дѣятельности. Это видно, напримѣръ, изъ такой сцены.

Однажды на пиру въ Кронштадтѣ любимый царемъ лейте-

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

нантъ Мишуковъ, сидѣвшій рядомъ съ государемъ, вдругъ горько заплакалъ. Петръ съ участіемъ спросилъ его, что случилось. Мишуковъ, утирая слезы, отвѣчалъ:

— Все, что мы видимъ здѣсь — флотъ, Кронштадтъ, новая столица, великія дѣла — все это, государь, дѣло твоихъ рукъ. И какъ подумалъ я, что здоровье твое слабѣетъ, такъ и не могъ удержаться отъ слезъ. На кого ты насъ покинешь?

— Какъ на кого?—возразилъ Петръ.— У меня есть наслѣдникъ-царевичъ!

— Охъ, вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ, — сказалъ, опять зарыдавъ, Мишуковъ.

— Дуракъ!—крикнулъ ему Петръ, ударивъ лейтенанта кулакомъ по головѣ.—Этого при всѣхъ не говорятъ.

У Петра давно были непріязненные отношенія съ сыномъ, Алексѣемъ Петровичемъ, который представлялъ прямую противоположность отцу. Сынъ былъ приверженцемъ старинной московской жизни, ненавидѣлъ „еретиковъ-иноземцевъ“, порицалъ реформы и не любилъ самого отца. Рожденный первой супругой Петра, Евдокіей Ѳеодоровной, царевичъ Алексѣй получилъ, подъ надзоромъ матери, такое же воспитаніе, какъ его дѣдъ, Алексѣй Михайловичъ. Будучи взрослымъ, онъ самъ писалъ о себѣ:

„Къ отцу моему непослушанія и что не хотѣлъ того дѣлать, что ему угодно, причина та, что съ младенчества нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ ничему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а больше научился ханжить, къ чему я отъ природы склоненъ“.

Первый учитель Алексѣя Петровича, Никифоръ Вяземскій научилъ царевича только читать и писать и прошелъ съ нимъ часословъ. Вернувшійся изъ-за границы отецъ, навѣстивъ девятилѣтняго сына, рѣшилъ воспитать его такъ, какъ воспиталъ самъ себя, и назначилъ къ нему ученаго нѣмца, барона Гюйсена. Послѣдній началъ преподавать Алексѣю Петровичу иностранные языки, исторію, географію, „политику“, фортификацію, артиллерію, военную архитектуру, навигацію, „танцованье“, „штурмованіе“ [т.-е. веденіе судовъ въ морѣ] и верховую ѣзду. Царевичъ такъ описываетъ свои занятія съ Гюйсенемъ:

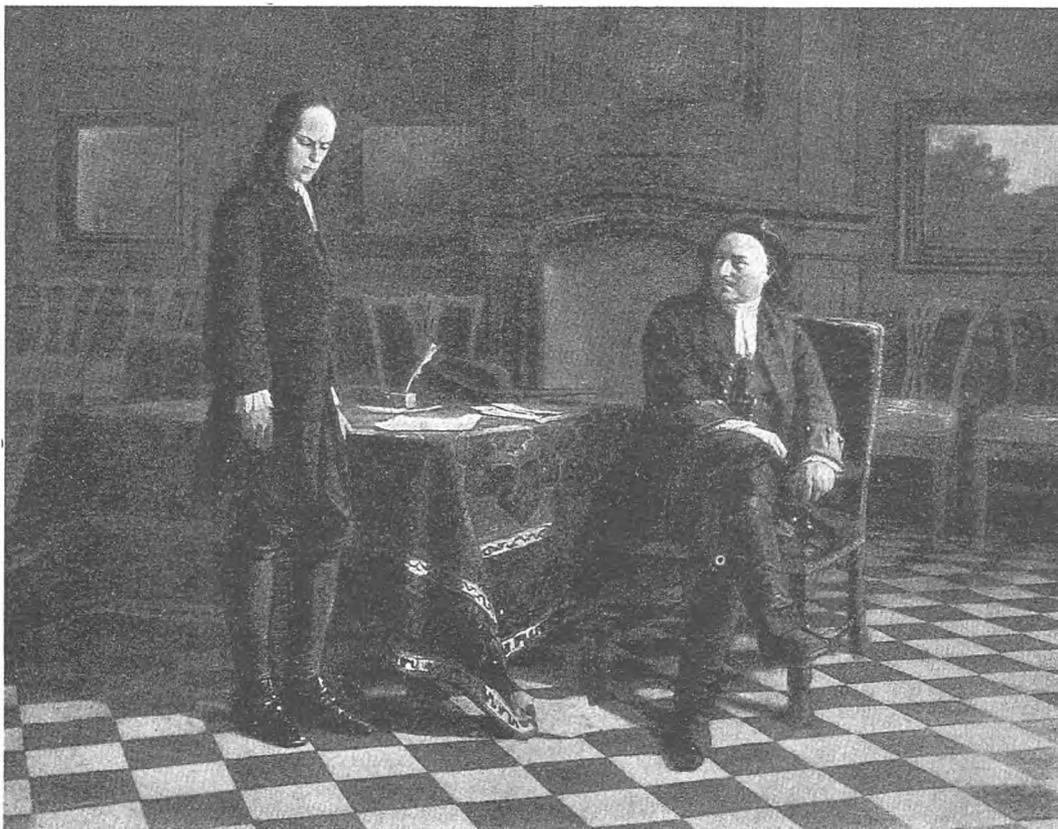
„А потомъ, когда меня отъ мамы взяли, отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобы я обучался тѣмъ дѣламъ, которыя пристойны къ царскому сыну, также велѣлъ мнѣ учиться нѣмецкаго языка и другимъ наукамъ, что мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣнностью, только чтобы время прошло, а охоты къ тому не имѣлъ“.

Уже въ это время Алексѣй Петровичъ, по собственному признанію, любилъ больше „конверсацію [т.-е. собесѣдованіе] имѣть съ попами и чернецами“.

Но отецъ не считался съ такими особенностями характера сына, и въ 1709 году написалъ ему слѣдующее письмо:

„Зоонъ!“ объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ госпо-

1. Зоонъ—сынъ.

Петръ I и царевичъ Алексѣй.

Жарт. Н. Н. Ге.

дина Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправить. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше къ ученью, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію кончишь, отпиши къ намъ. Засимъ, управи Богъ путь вашъ“.

Путешествіе за границу оставило въ Алексѣѣ Петровичѣ самое непріятное впечатлѣніе. Тамъ онъ и женился, по приказанію отца, на принцессѣ Шарлоттѣ Вольфенбюттельской, о которой въ разговорахъ съ друзьями отзывался такъ:

„Вотъ навязали мнѣ на шею жену-чертовку. Какъ къ ней ни приду, все сердитуеть, не хочетъ со мной говорить“.

Не менѣе рѣзко царевичъ отзывался и объ отцѣ:

„Не токмо дѣла воинскія и прочія отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла“.

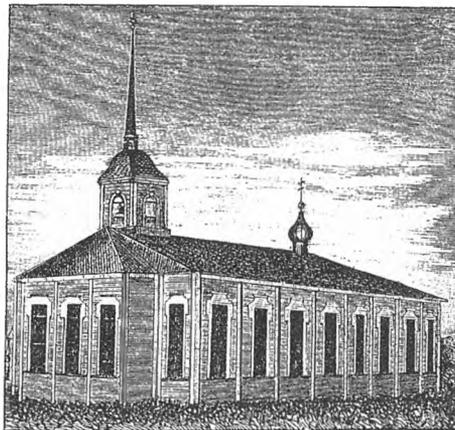
Онъ ненавидѣлъ и мачеху, Екатерину Алексѣевну; при встрѣчахъ же съ отцомъ такъ пугался, что не могъ говорить. Вернувшись изъ-за границы, онъ умышленно прострѣлилъ себѣ руку, чтобы только не итти къ отцу на экзамень по черченію.

Петръ скоро понялъ отношеніе къ нему сына и полную его неспособность продолжать преобразование государства. Свое безпокойство о будущемъ онъ ярко выразилъ въ письмѣ къ царевичу, озаглавленномъ „Объявленіе сыну моему“ и написанномъ въ 1715 году, когда царь тяжело заболѣлъ.

„Я есмь человекъ“,—писалъ Петръ сыну,—„и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощью Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю? Еще же и сіе вспомяну, какого злого нрава и упрямаго ты исполненъ. Ибо сколько много за сіе тебя бранивалъ, и не тоцію бранивалъ, но и бивалъ, къ тому же сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою. Но ничто сіе не успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону и ничего дѣлать не хочешь, только бы дома жить и веселиться... Что все я съ горестью размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ [т.-е. завѣщаніе] тебѣ написать и еще мало пождать, аще не лицемѣрно обра-

тишься, ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я тебя весьма наслѣдства лишу, яко удъ гангранный [т.-е. зараженный членъ тѣла], а не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устраску пишу. Воистину, Богу извольшу, исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный“.

Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо отца Алексѣй Петровичъ выразилъ желаніе отречься отъ престола. Но Петръ предложилъ ему выбрать одно изъ двухъ: или остаться наслѣдникомъ пре-

Исакиевскій Соборъ при Петрѣ I.

стола или же постричься въ монашество. Давъ сыну полгода на размысленіе, Петръ уѣхалъ за границу.

Воспользовавшись отсутствіемъ отца, Алексѣй спѣшно собрался и бѣжалъ, вмѣстѣ съ своей возлюбленной, дѣвицей Евфросиньей, въ Вѣну. Австрійскій императоръ сначала отнесся къ нему очень участливо, и помогалъ ему скрываться отъ разыскивавшихъ его по слѣдамъ агентовъ Петра. Тогда послѣдній сталъ угрожать Австріи войной, если сынъ не будетъ выданъ ему, и добился выдачи. Графъ Толстой привезъ царевича и Евфросинью въ Москву. Здѣсь, 3 февраля 1718 года, Алексѣй Петровичъ, въ присутствіи членовъ Сената и Синода, подписалъ отреченіе

отъ престола. Отецъ обѣщалъ ему полное прощеніе, если онъ чистосердечно сознается во всемъ и назоветъ лицъ, по совѣту которыхъ бѣжалъ. Царевичъ указалъ нѣсколько такихъ лицъ, и надъ ними было назначено слѣдствіе, раскрывшее, что у Алексѣя было много единомышленниковъ, съ которыми онъ мечталъ, сдѣлавшись царемъ, „перевести“ всѣхъ отцовскихъ любимцевъ и набрать новыхъ совѣтниковъ, жить въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, и т. д. Кромѣ того, разслѣдованіе выяснило, что приверженцы Алексѣя замыслили поднять войска противъ Петра, и что мать царевича, Евдокія Ѳеодоровна, была освѣдомлена объ этихъ замыслахъ. Раздраженный всѣмъ этимъ, Петръ казнилъ замѣшанныхъ въ заговорѣ лицъ, Евдокію сослалъ въ Новую Ладогу, а сыну объявилъ, что беретъ обратно свое прощеніе, такъ какъ прежній „пардонъ не въ пардонъ“, и предалъ его, какъ государственнаго преступника, суду высшихъ сановниковъ. Разслѣдовавъ дѣло, этотъ судъ приговорилъ царевича къ смерти. Но Алексѣй Петровичъ, измученный тяжелыми нравственными потрясеніями и физическими страданіями, скончался раньше дня, назначеннаго для казни, 27 іюня 1718 года.

Смерть Алексѣя лишила Петра единственнаго сына; у царя остались только двѣ дочери отъ Екатерины—Анна и Елисавета, внукъ Петръ Алексѣевичъ, сынъ умершаго царевича, и племянницы, дочери царя Іоанна V-го, Екатерина и Анна.

Самое дѣло Алексѣя вызвало въ 1722 г. изданіе закона о престолонаслѣдіи; согласно ему престолъ переходилъ не по старшинству, а по назначенію царствующаго государя, который можетъ назначить своимъ преемникомъ, кого угодно, а также можетъ во всякое время и лишить престола избранное лицо, если оно окажется недостойнымъ. Этотъ законъ имѣлъ въ исторіи одни лишь отрицательныя послѣдствія, и въ 1797 году былъ отмѣненъ императоромъ Павломъ. Самъ Петръ не воспользовался имъ, и умеръ, не назначивъ себѣ преемника. По многимъ соображеніямъ можно съ увѣренностью предполагать, что у царя было намѣреніе передать престолъ супругѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; за малолѣтствомъ внука, Петра Алексѣевича, больше и некому было передать его. Съ этой, повидимому, цѣлью Петръ въ 1724 году съ особой торжественностью короновалъ Екатерину императрицей, какъ бы желая подтвердить въ глазахъ на-

рода ея заслуги передъ государствомъ и царемъ-супругомъ, давашія ей право наслѣдовать верховную власть.

Прежде чѣмъ изложить обстоятельства, сопровождавшія кончину Петра, слѣдуетъ описать личность этого замѣчательнѣйшаго въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ государя, тѣмъ болѣе, что характеръ Петра наложилъ глубокой отпечатокъ и на произведенныя имъ реформы.

Одинъ современникъ-французъ, видѣвшій Петра Великаго въ 1717 году, описываетъ его наружность такъ:

„Онъ имѣетъ довольно красивыя черты лица. Онъ кажутся даже пріятными, и, глядя на него, совсѣмъ нельзя подумать, что онъ не разъ былъ въ состояніи снимать головы тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которыми былъ недоволенъ. Это очень интересный государь, когда онъ въ духѣ. Онъ ходитъ сгорбившись, гораздо хуже голландскаго матроса, походкѣ котораго онъ, кажется, подражаетъ. У него большіе глаза, красиво поставленные ротъ и носъ, пріятный, хотя нѣсколько блѣдный видъ, волосы каштановаго цвѣта и довольно короткіе. Иногда на его лицѣ появляются гримасы. Лица, близкія къ нему, предполагаютъ, что его поражаютъ такого рода судороги, когда онъ усиленно думаетъ о чемъ-нибудь“.

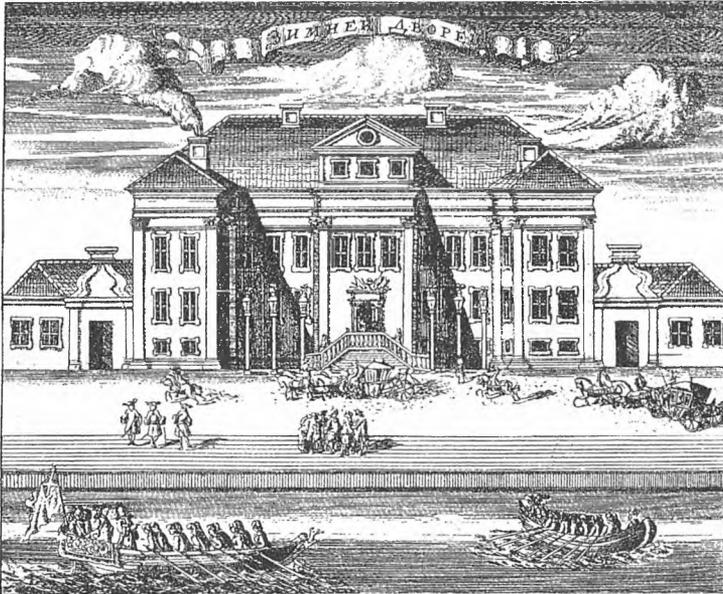
Петръ былъ почти саженнаго роста, и, христосуясь на Пасхѣ, очень часто долженъ былъ наклоняться до боли въ спинѣ. Такому росту соотвѣтствовала и физическая сила царя. Онъ легко гнулъ подковы, свертывалъ въ трубку серебряную тарелку и разрубалъ морскимъ кортикомъ кусокъ сукна, подброшенный въ воздухъ. Очень подвижный по характеру, онъ во время торжественныхъ обѣдовъ часто вскакивалъ съ мѣста и быстро выходилъ въ другую комнату, чтобы размяться или принять участіе въ танцахъ. Легко усваивая всякое новое ремесло, онъ не могъ оставаться празднымъ, когда другіе работали, и поэтому его руки постоянно что-нибудь строгали, выпиливали, рубили. Онъ собственноручно изготовилъ множество стульевъ, посуды, шляпокъ, табакерокъ и т. п. Кромѣ того, Петръ считалъ себя хорошимъ зубнымъ врачомъ и хирургомъ. „Бывало“, — говоритъ проф. Ключевскій, — „близкіе люди, заболѣвшіе какимъ-либо недугомъ, требовавшимъ хирургической помощи, приходили въ ужасъ при мысли, что царь провѣдаетъ

объ ихъ болѣзни и явится съ инструментами, предложить свои услуги“. Послѣ Петра остался цѣлый мѣшокъ съ выдернутыми имъ зубами. Но больше всего царь любилъ кораблестроеніе, и современники считали его лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Россіи. Онъ восхищался моремъ, приписывая морскому воздуху цѣлебное дѣйствіе на свое здоровье.

Петръ былъ врагомъ всякихъ церемоній, стѣсненій и формальностей. Онъ очень неохотно давалъ иностраннымъ посольствамъ торжественныя аудіенціи, краснѣлъ во время ихъ, тяжело дышалъ и судорожно сжималъ въ рукахъ части пышнаго царскаго облаченія. Въ личной жизни онъ былъ необыкновенно бережливъ и совершенно равнодушенъ къ своему костюму. Такъ, во время заграничнаго путешествія въ 1717 году онъ ходилъ въ простой зеленой шляпѣ, повязавъ шею чернымъ солдатскимъ галстукомъ и застегнувъ воротникъ рубахи большой серебряной запонкой, украшенной поддѣльными камнями, такой, какія носили его офицеры. Черный сюртукъ съ роговыми пуговицами, вязаный жилетъ, очень узкія черныя шаровары, штопаные чулки и грубые башмаки дополняли его костюмъ. На головѣ Петръ носилъ короткій парикъ, который удобно было прятать, въ случаѣ надобности, въ карманъ, а изъ-подъ парика пробивались его природные волосы, густые и длинные. Во время персидскаго похода онъ остригся, но, изъ экономіи, приказалъ сдѣлать изъ отрѣзанныхъ волосъ новый парикъ, который въ настоящее время украшаетъ голову воскового манекена Петра Великаго въ Зимнемъ дворцѣ. Дома царь носилъ простой нанковый халатъ, а выѣзжая куда-нибудь, надѣвалъ кафтанъ изъ грубаго сукна. Если ему нужно было пройти недалеко отъ его домика, то обыкновенно онъ не надѣвалъ шляпы. Ѣздилъ Петръ большей частью въ такомъ экипажѣ, въ которомъ, по словамъ одного иностранца, „не всякій московскій купецъ рѣшился бы выѣхать“. Только въ торжественныхъ случаяхъ онъ выѣзжалъ въ изящномъ экипажѣ, который бралъ у Меншикова или Ягужинскаго. Въ домахъ Петръ терпѣть не могъ просторныхъ комнатъ съ высокими потолками, и если ему приходилось жить въ такихъ помѣщеніяхъ, то приказывалъ дѣлать искусственный низкій потолокъ изъ полотна. Безстрашный мореплаватель и воинъ, онъ пугался, какъ ребенокъ, при видѣ таракана, заползшаго въ комнату. Въ Петербур-

гѣ онъ жилъ въ зимнемъ и лѣтнемъ дворцахъ, маленькихъ домикахъ, съ тѣсными низкими комнатками. На содержаніе всего своего двора онъ тратилъ не больше 60 тысячъ руб. въ годъ.

При устройствѣ торжествъ, особенно по случаю побѣдъ, Петръ принималъ самое дѣятельное участіе: самъ пускалъ фейерверки, руководилъ процессіями, игралъ на барабанѣ и танцевалъ. Его часто приглашали на свадьбы маршаломъ, т.-е. распорядителемъ пира, и онъ относился къ своимъ маршальскимъ

Зимній дворецъ при Петрѣ Великомъ.

обязанностямъ очень серьезно. Такъ, въ 1722 году онъ былъ приглашенъ маршаломъ на свадьбу Головина съ дочерью князя Ромодановскаго. Съ маршальскимъ жезломъ въ рукахъ онъ важно расхаживалъ по заламъ, слѣдилъ за прислугой, раскланивался передъ новобрачной и сѣлъ ужинать послѣ всѣхъ. Когда гости пожаловались на духоту, онъ приказалъ принести слесарные инструменты и въ нѣсколько минутъ выставилъ окно.

Такъ же просто Петръ держалъ себя и на введенныхъ имъ ассамблеяхъ — танцевальныхъ вечерахъ, устраивавшихся по-

очередно представителями высшего общества. На ассамблеи могли являться без приглашенія всѣ дворяне и „знатные горожане“ со своими семьями; хозяева дома обыкновенно даже не встрѣчали прїѣзжающихъ къ нимъ на ассамблею. Собравшіеся гости танцовали, бесѣдовали, играли въ шахматы, въ лото и т. п., пили и ѣли. Самъ Петръ очень любилъ бывать на ассамблеяхъ. Онъ садился за шахматы съ простыми матросами, пилъ съ ними пиво и курилъ махорку, не обращая вниманія на дамъ. Присутствовавшіе гости могли развлекаться безъ стѣсненія, только чтобъ не было между ними ссоръ и брани. Кто же „лишнее вралъ и задиралъ“, тотъ подвергался особому наказанію: его заставляли опорожнить „орла“—большой кубокъ вина, послѣ чего провинившійся обыкновенно оказывался неспособнымъ не только „задрать“ еще кого-нибудь, но и выговорить собственное имя. „Ассамблейныя увеселенія“ очень живо описаны Пушкинымъ въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“.

Петръ привыкъ во всемъ поступать прямо и просто; того же онъ требовалъ и отъ другихъ. Такъ, дворянинъ Неплюевъ, учившійся въ Венеціи кораблестроенію и по возвращеніи назначенный смотрителемъ верфи, однажды явился на службу послѣ прихода царя на верфь.

— А я уже, мой другъ, здѣсь,—встрѣтилъ его Петръ.

— Виноватъ, государь,—отвѣчалъ испуганный Неплюевъ,—вчера въ гостяхъ засидѣлся...

Петръ ласково потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Спасибо, малый, что говоришь правду. Богъ простить! Кто Богу не грѣшенъ, кто бабушкѣ не внукъ? А теперь поѣдемъ на родину.

Они поѣхали къ простому корабельному плотнику, у котораго родился сынъ. Петръ далъ роженицѣ пять гривенъ и поцѣловалъ ее, приказавъ сдѣлать то же и Неплюеву, который далъ гривну.

— Эй, братъ, вижу, ты даришь не по-заморски,—засмѣялся Петръ.

— Нечѣмъ мнѣ дарить много, государь: дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда бы не ваше царское жалованье, то живучи здѣсь, и ѣсть было бы нечего.

Въ это время плотникъ поднесъ гостямъ по рюмкѣ водки и

по куску пирога съ морковью. Петръ выпилъ и закусилъ, а Неплюевъ отказался.

— Выпей, сколько можешь, не обижай хозяина, — сказала Петръ и, протянувъ Неплюеву кусокъ пирога, добавилъ:

— На, закуси! Это родная, не итальянская пища!

Но „добрый по природѣ какъ человѣкъ“, — говоритъ проф. Ключевскій, — „Петръ былъ грубъ какъ царь, не привыкшій уважать человѣка ни въ себѣ, ни въ другихъ“. На одной ассамблеѣ, замѣтивъ, что Меншиковъ танцуетъ, не снявъ шпаги, Петръ по-

Балакиревъ,
любимый шутъ Петра Великаго.

дошелъ къ нему и съ такой силой ударилъ его по лицу, что у Меншикова пошла изъ носу кровь. На другомъ празднествѣ одинъ иностранный артиллеристъ расхвастался своими познаніями, не давая Петру выговорить слова. Петръ долго слушалъ его, наконецъ, не вытерпѣлъ и, плюнувъ ему въ лицо, молча вышелъ изъ комнаты. Царь былъ очень радушнымъ хозяиномъ, и на придворныхъ пирахъ всѣмъ было легко и весело, хотя дамы приходили въ ужасъ, когда гвардейцы вносили въ залы ушаты съ водкой, пить которую должны были всѣ гости, не исключая и дамъ.

Послѣ тяжелаго трудового дня Петръ любилъ повеселиться вволю. Еще въ ранней молодости онъ положилъ начало оригинальному учрежденію, извѣстному подъ именемъ „Всешутѣйшаго и Всепьянѣйшаго Собора“. Во главѣ этого Собора стоялъ „Всешутѣйшій и Всешумнѣйшій патріархъ московскій, Кокуйскій и всея Яузы“; при патріархѣ—конклавъ [т.е. тайный совѣтъ] изъ 12 кардиналовъ, а при нихъ множество епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и т. д. Соборъ, членами котораго были наиболѣе родовитые представители общества, существовалъ до самой смерти Петра, который самъ имѣлъ въ соборѣ санъ протодьякона. По уставу, сочиненному Петромъ, Соборъ имѣлъ цѣлю— „служеніе Бахусу и честное обхожденіе съ крѣпкими напитками“. Вообще, Соборъ представлялъ пародію настоящаго церковнаго Собора. Новаго члена спрашивали не „вѣруеши-ли?“, а „піеши-ли?“. Трезвыхъ отлучали „отъ всѣхъ кабаковъ въ государствѣ“, противниковъ пьянства предавали анаемѣ. На святкахъ члены Собора, числомъ до 300 человѣкъ, ѣздили по домамъ вельможъ „славить“ праздникъ, распѣвая непристойныя пѣсни, сопровождаемая такими же выходками.

Многіе историки объясняли созданіе этого собора желаніемъ Петра осмѣять все духовенство, большей частью непріязненно относившееся къ вводимымъ царемъ реформамъ. Но, кажется, проф. Ключевскій болѣе правъ, говоря: „Въ пародіи церковныхъ обрядовъ глумились не надъ церковью, даже не надъ церковной іерархіей, какъ учрежденіемъ: просто срывали досаду на классъ, среди котораго видѣли много досадныхъ людей“...

Петръ не былъ чуждъ и болѣе эстетическихъ развлеченій и наслажденій. Онъ съ любовью собиралъ статуи и картины, положивъ основаніе теперешнему Эрмитажу въ Петербургѣ. Кромѣ того, ему очень нравились красивыя архитектурныя сооруженія; его загородные дворцы были окружены фонтанами, бесѣдками, цвѣтниками и т. п.

Вообще, по опредѣленію проф. Ключевскаго, „Петръ былъ честный и искренній человѣкъ, строгій и взыскательный къ себѣ, справедливый и доброжелательный къ другимъ; но по направленію своей дѣятельности онъ больше привыкъ обращаться съ вещами, съ рабочими орудіями, чѣмъ съ людьми, а потому и съ людьми обращался, какъ съ рабочими орудіями, умѣлъ пользо-

ваться ими, быстро угадывалъ, кто на что годенъ, но не умѣлъ и не любилъ входить въ ихъ положеніе, беречь ихъ силы, не отличался нравственной отзывчивостью своего отца“.

Отсутствіе душевной мягкости, такъ отличавшей въ сношеніяхъ съ людьми „тишайшаго“ царя, не мѣшало Петру безъ размысленій жертвовать собой, когда это было нужно, для спасенія другихъ. Возвращаясь, въ концѣ октября 1724 года, съ Ладожскаго озера въ Петербургъ, онъ увидѣлъ недалеко отъ устья Невы, около селенія Лахта, сѣвшее на мель судно съ солдатами и матросами. Петръ не проѣхалъ мимо, но спрыгнулъ въ воду и сталъ помогать снять судно съ мели, отъ чего зависѣло спасеніе людей. Онъ проработалъ въ водѣ всю ночь, до разсвѣта, и спасъ жизнь двадцати человѣкамъ. Но этотъ подвигъ имѣлъ вредныя послѣдствія для здоровья царя. На слѣдующій же день его стала трясти лихорадка, и онъ слегъ. Болѣзнь продолжалась почти три мѣсяца, въ теченіе которыхъ Петръ, однако, не переставалъ заниматься своими обычными дѣлами. Но 19 января 1725 года онъ слегъ окончательно; 22 января его причастили и соборовали. Положеніе царя было признано безнадежнымъ. Чувствуя приближеніе смерти, Петръ, по обычаю прежнихъ царей, подписалъ манифестъ, освобождавшій всѣхъ сосланныхъ въ каторжныя работы и объявлявшій прощеніе осужденнымъ за разныя преступленія, кромѣ убійства.

28 января Петръ Великій скончался.

1725—1727.

Екатерина I Алексѣевна

(царствовала съ 1725 г. до 1727 г).

Когда стало извѣстнымъ, что на благополучный исходъ болѣзни Петра I уже нѣтъ никакой надежды, во дворцѣ поднялась большая тревога—возникаль очень важный вопросъ: кому быть послѣ Великаго Императора на всероссійскомъ престолѣ?

Среди вліятельныхъ придворныхъ и въ высшемъ обществѣ столицы неизбѣжно должна была начаться борьба партій, стремившихся передать верховную власть каждая своему кандидату.

Холодѣющей рукой Петръ успѣлъ написать только:

„Отдайте все...“

Не стремясь угадать преемника, желательнаго угасающему императору, партіи стали дѣйствовать въ пользу своихъ кандидатовъ, руководясь преимущественно личными, а не государственными соображеніями.

Всего больше шансовъ занять престолъ имѣла супруга Петра, Екатерина I. Ее поддерживали могущественный князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, Девьеръ, Ягужинскій—все ближайшіе сотрудники Петра, и гвардія, которая обожала ласковую и веселую царицу, дѣлившую съ войсками опасности и труды походовъ и осыпавшую ихъ знаками милости въ мирное время.

Кромѣ Екатерины, имѣли право на престолъ дочери старшаго брата Петра, царя Іоанна, и внукъ Петра, малолѣтній Петръ Алексѣевичъ.

28 января 1725 года, въ 5 часовъ дня, Петръ Великій скончался. А въ 8 часовъ во дворцѣ уже собрались Сенатъ, Синодъ и весь генералитетъ. Тотчасъ же начались споры о престолонаслѣдіи. Князь Голицынъ предложилъ объявить государемъ малолѣтняго Петра Алексѣевича. Графъ Толстой горячо возражалъ ему, доказывая, что только Екатерина имѣетъ неоспоримое право на престолъ, по своимъ способностямъ, добродѣтели и по желанію самого Петра, который несомнѣнно хотѣлъ передать корону ей: именно съ этой цѣлью онъ короновалъ ее императрицей, а дочерей отъ нея—цесаревнами.

Среди рѣчи Толстого раздалась одобрительные возгласы изъ группы гвардейскихъ офицеровъ, незамѣтно пробравшихся въ залъ. Князь Репнинъ вскочилъ и закричалъ на нихъ. Но въ то же время Бутурлинъ подбѣжалъ къ окну и сдѣлалъ знакъ рукой. На улицѣ раздался барабанный бой, и въ одно мгновеніе дворецъ былъ окруженъ войсками, кричавшими:

— Да здравствуетъ матушка-императрица Екатерина Алексѣевна!..

— Кто осмѣлился?.... безъ моего приказа?—началъ было возмущенный Репнинъ. Но Бутурлинъ спокойно отвѣтилъ ему:

— У меня приказъ императрицы!..

Между тѣмъ крики войска все усиливались. Собравшіеся вельможи рѣшили прекратить споры, и графъ Апраксинъ спросилъ статсъ-секретаря Макарова, есть ли завѣщаніе Петра Великаго.—„Ничего нѣтъ“—отвѣтилъ Макаровъ. Послѣ этого отвѣта всѣ отправились въ покои супруги Петра, чтобы „заявить вѣрнопоподанническія чувства царствующей императрицѣ“. Такимъ образомъ, на престолъ взошла императрица Екатерина I.

Простой народъ отнесся къ преемницѣ Петра Великаго вполне сочувственно. Только два какихъ-то раскольника не могли примириться съ тѣмъ, что государствомъ будетъ править лицо женскаго пола, чего никогда въ старину на Руси не бывало. Они отказались присягнуть Екатеринѣ, говоря: „разъ баба стала царемъ, пусть ей бабы и крестъ цѣлуютъ“.

Нѣкоторые колебанія среди придворныхъ при избраніи на

царство Екатерины вполне объясняются тѣмъ, что эта государыня была „низкаго“ происхожденія. Петръ въ первый разъ увидалъ ее въ 1702 году. Незадолго до того она служила въ домѣ пастора Глюка, а потомъ жила у Меншикова, который и обратилъ на нее вниманіе царя. Екатерина была дочерью простаго лифляндца, Самуила Скавронскаго, и до принятія православія носила имя Марты Василевской.

Еще до бракосочетанія съ Мартой-Екатериной Петръ имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, Анну и Елисавету. Въ 1712 году онъ

Князь Никита Репнинъ.

вступилъ съ Екатериной въ бракъ и уже не разставался съ ней до конца жизни.

Для Петра въ этой простой и неграмотной женщинѣ была какая-то притягательная сила. Она одна обладала искусствомъ успокаивать своего вспыльчиваго супруга, страшнаго въ гнѣвѣ. Однажды она оказала громадную услугу государству, о которой Петръ часто любилъ вспоминать. Это было во время неудачнаго турецкаго похода Петра, когда на Прутѣ русская армія оказалась окруженной турецкими войсками. Передъ Петромъ тогда было два выхода: или сдаться визирю со всей арміей или по-

гибнуть. Когда царь сидѣлъ въ палаткѣ и раздумывалъ, что предпринять, къ нему вошла Екатерина и предложила попробовать соблазнить визиря на выгодный для Россіи миръ дорогими подарками. Для этого она готова была отдать всѣ свои драгоценности. Планъ оказался очень удачнымъ. Визирь не устоялъ передъ подарками, и согласился на довольно легкія для Россіи мирныя условія.

Такое же присутствіе духа Екатерина обнаружила однажды на гвардейскомъ парадѣ. Во время залпа она даже не вздрогнула, когда пуля, шальная, а, можетъ быть, и нѣтъ, убила стоявшаго рядомъ съ ней придворнаго.

— Пуля была не для того бѣдняка! — хладнокровно сказала она, подозвавъ къ себѣ командующаго парадомъ и отнимая у него шпагу.

Подпись Екатерины I.

Въ 1722 году, отправляясь въ персидскій походъ, Петръ, на случай смерти, назначилъ Екатерину своей преемницей, но впоследствии, разгнѣвавшись однажды на супругу, уничтожилъ это завѣщаніе. Составленіе Петромъ завѣщанія въ пользу Екатерины, а также коронованіе ея, имѣвшее цѣлью, по мысли царя, заставить народъ забыть о низкомъ происхожденіи его супруги, служатъ довольно убѣдительными доказательствомъ, что у Петра были серьезныя намѣренія передать престолъ Екатеринѣ.

По словамъ одного иностраннаго посла, Екатерина при вступленіи на престолъ не умѣла ни читать ни писать. Но черезъ три мѣсяца она научилась подписывать государственныя бумаги. Впрочемъ, въ управленіи она не принимала почти никакого участія. Фактическимъ правителемъ Россіи сдѣлался „Данилыч“, Меншиковъ — человекъ самовластный и нечестный, не разъ въ свое время испытавшій удары знаменитой дубинки Петра. Императрица же окружила себя любимцами и проводила время въ пышныхъ пирахъ и празднествахъ. Она любила бывать

на полковыхъ ученьяхъ и парадахъ, и вновь зажила той веселой лагерной жизнью, къ которой привыкла при Петрѣ. Нерѣдко она сама руководила морскими маневрами.

Екатерина была сострадательна къ несчастнымъ и охотно помогала имъ. Въ ея переднихъ постоянно толпились солдаты, матросы, ремесленники: одни искали помощи, другіе просили царицу быть у нихъ кумой. По примѣру Петра, она никогда не отказывала и обыкновенно дарила каждому своему крестнику нѣсколько червонцевъ. Она давала приданое сиротамъ-дѣвушкамъ, щедро одѣляла всѣхъ, кто просилъ ее о помощи, назначала пенсіи раненымъ. Эта доступность и простота въ обращеніи снискали ей любовь у народа и, безъ сомнѣнія, составляютъ одну изъ ея привлекательныхъ чертъ.

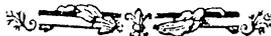
Но состояніе государственныхъ дѣлъ въ царствованіе Екатерины I было очень плачевнымъ. Всюду процвѣтали казнокрадство, произволъ и злоупотребленія.

Одинъ современникъ записалъ тогда въ своемъ дневникѣ: „15 марта 1727 года. — Казна пуста; денегъ не поступаетъ, никому не платятъ... Однимъ словомъ, не нахожу красокъ, чтобы описать этотъ хаосъ...“

Крупнѣйшимъ событіемъ царствованія Екатерины I было учрежденіе (8 февр. 1726 года) Верховнаго Тайнаго Совѣта для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ.

Правленіе преемницы Петра Великаго было очень кратковременнымъ. Сама Екатерина неосторожно относилась къ своему здоровью. Французъ Кампредонъ писалъ въ своихъ „Мемуарахъ“: „Царица продолжаетъ съ нѣкоторымъ излишествомъ предаваться удовольствіямъ, до такой степени, что это отзывается на ея здоровьи“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Кровопусканіе принесло ей (Екатеринѣ I) облегченіе; но такъ какъ она чрезвычайно полна и ведетъ жизнь очень неправильную, то думаютъ, что какой-нибудь непредвидѣнный случай сократитъ ея дни“.

Всего черезъ 2 года и 3 мѣсяца по вступленіи на престолъ Екатерина скончалась (6 мая 1727 года). Умирая, она назначила своимъ преемникомъ Петра Алексѣевича и дала согласіе на его бракъ съ дочерью Меншикова—княжной Маріей Александровной.

1727—1730.

Петръ II Алексѣвичъ

(царствовалъ съ 1727 до 1730 г.).

Петру Алексѣвичу было всего 3 года, когда умерла его мать, супруга Алексѣя, урожденная принцесса Шарлотта Вольфенбюттельская. Воспитаніе ребенка было поручено двумъ грубымъ и необразованнымъ женщинамъ. Одна изъ нихъ была вдовой портного, а другая вдовой кабатчика. Преподаватель танцевъ научилъ будущаго императора читать и писать.

Въ 1719 году къ Петру были назначены два учителя—русскій Мавринъ и венгерецъ Зейкинъ. Но никакого надзора за воспитаніемъ и обученіемъ ребенка не было. Дѣдъ его, Петръ Великій, совершенно не интересовался занятіями внука, и когда Зейкинъ предложилъ царю присутствовать на экзаменѣ великаго князя, Петръ даже разсердился на венгерца и прогналъ его.

11-ти лѣтъ Петръ II вступилъ на престолъ. Юный царь на всѣхъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Ничто не обнаруживало въ немъ происхожденія отъ Петра Великаго. Зато онъ былъ очень похожъ на свою покойную мать. По словамъ одного историка, нѣжная душа Шарлотты какъ бы отражалась въ его большихъ глазахъ и красивомъ лицѣ, а ея грація въ стройной

фигурѣ юнаго царя. Иностранцы и русскіе одинаково восхищались его привѣтливостью, великодушіемъ, добротой и умомъ.

Въ высшемъ обществѣ столицы было распространено письмо государя къ его сестрѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ. Въ этомъ письмѣ Петръ II обѣщалъ подражать римскому императору Веспасіану, который старался поступать такъ, чтобы никто не уходилъ отъ него съ грустнымъ лицомъ. Въ томъ же духѣ Петръ высказывался однажды и въ Верховномъ Совѣтѣ.

Естественно, что первое время малолѣтній царь всецѣло

Генераль-фельдмаршалъ князь
Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

подчинился вліянію князя Меншикова, котораго даже сталъ называть „батьюшкой“. Меншиковъ перевезъ Петра въ свой дворецъ и назначилъ его воспитателемъ Остермана. Послѣдній оказался не только великимъ дипломатомъ, но и превосходнымъ наставникомъ. Онъ давалъ своему ученику короткіе, разнообразныя и остроумныя уроки, болѣе похожіе на дружескія собесѣдованія. Занятія съ Остерманомъ такъ увлекали Петра, что послѣдній, вскочивъ рано утромъ съ постели, тотчасъ же, еще не одѣтый, бѣжалъ къ Остерману.

Между тѣмъ Меншиковъ всѣми средствами стремился къ достиженію своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Вся полнота импера-

торской власти была сосредоточена теперь въ его рукахъ, и Петръ доврчиво подписывалъ все, что ни подавалъ ему „батюшка“.

Впрочемъ, иногда Петръ проявлялъ и самостоятельность по отношенію къ Меншикову, но сначала лишь въ шутиливой формѣ. Такъ, 12 мая весь дворъ былъ приглашенъ царемъ на новоселье въ домъ на Васильевскомъ островѣ. Среди шумнаго веселья Петръ вдругъ выступилъ на средину зала и, сдѣлавъ строгое

Княжна Марія Александровна Меншикова.

лицо, съ самымъ рѣшительнымъ видомъ произнесъ, обращаясь къ собравшимся:

— Сегодня я хочу уничтожить фельдмаршала!..

Всѣ замерли, такъ какъ фельдмаршаломъ былъ одинъ Меншиковъ. Но императоръ улыбнулся и, подозвавъ къ себѣ Меншикова, подалъ ему грамоту на еще болѣе высокое, нежели фельдмаршалъ, званіе генералиссимуса¹. При Екатеринѣ I Меншиковъ никакъ не могъ добиться этого званія.

24 мая, т.-е. черезъ 18 дней послѣ смерти Екатерины I, состоялось торжественное обрученіе Петра II съ дочерью Менши-

1. Генералиссимусъ—главнокомандующій всѣми военными силами государства.

кова, Маріей Александровной. Невѣста государя получила титулъ Императорскаго Высочества, дворъ и ренту въ 34,000 рублей. Будущій тестъ царя находился на верху могущества. Опасныхъ враговъ онъ отправилъ въ ссылку, а нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вельможъ, которыхъ нельзя было устранить, подкупилъ деньгами, орденами и выгодными должностями. Но скоро этому величію было суждено пасть.

Въ началѣ іюля Меншиковъ настолькоъ опасно заболѣлъ, что врачи приговорили его къ смерти. Но сильный организмъ упорно боролся съ недугомъ, и черезъ нѣсколько недѣль Меншиковъ сталъ поправляться. Болѣзнь, не сломивъ организма Меншикова, разрушила все его вліяніе: во время ея и Верховный Совѣтъ и самъ Петръ привыкли обходиться безъ Меншикова. Императоръ въ особенности почувствовалъ себя совершенно независимымъ отъ нареченнаго тестя. Сначала онъ близко сошелся съ Остерманомъ, а затѣмъ быстро подпалъ подъ вліяніе другихъ лицъ, которыхъ выздоровѣвшій Меншиковъ уже не могъ устранить.

Петръ II горячо любилъ сестру Наталью Алексѣвну, красивую дѣвушку, со слѣдами оспы на лицѣ, но очень умную и съ чуткимъ сердцемъ. Она не разъ уговаривала брата серьезно учиться и работать, избѣгать дурного общества, быть великодушнымъ и добрымъ. Но благотворное вліяніе сестры на юнаго царя оказалось непрочнымъ, такъ какъ Петръ вскорѣ увлекся своей теткой, цесаревной Елисаветой Петровной.

Въ обществѣ Елисаветы мальчикъ-императоръ совершенно забылъ объ ученіи и наставленіяхъ Остермана и сестры. Впрочемъ, и самъ Остерманъ не препятствовалъ сближенію Петра съ цесаревной, имѣя планъ сочетать ихъ бракомъ. Петръ и Елисавета ежедневно уѣзжали верхомъ на прогулки и охоту. Вернувшись съ охоты, императоръ вздыхалъ по теткѣ и сочинялъ въ честь ея стихи.

Увлечшись теткой, Петръ сталъ забывать о своей невѣстѣ, Маріи Меншиковой; онъ называлъ ее „статуей“, прямо заявляя, что она ему непріятна. Онъ даже обѣщалъ сестрѣ Натальѣ подарить свои часы, если она избавитъ его отъ невѣсты.

Какъ только Меншиковъ, оправившись отъ болѣзни, появился при дворѣ, онъ сразу почувствовалъ что-то новое въ

отношеніяхъ къ нему императора и всего двора. Было замѣтно, что государь явно избѣгаетъ его.

Чтобы подавить это „возмущеніе“, Меншиковъ сталъ обращаться съ Петромъ еще строже, чѣмъ прежде, и позволилъ себѣ по отношенію къ нему нѣсколько крайне безтактныхъ поступковъ.

Петербургскіе рабочіе-каменщики поднесли императору въ подарокъ 9;000 червонцевъ. Петръ послалъ эти деньги Елисаветѣ. Встрѣтивъ во дворцѣ солдата, которому императоръ при-

Андрей Ивановичъ Остерманъ.

казалъ отнести червонцы теткѣ, Меншиковъ вернулъ его обратно. Узнавъ объ этомъ, Петръ сильно вспылилъ и крикнулъ Меншикову:

— Я тебѣ покажу, кто изъ насъ двухъ императоръ!..

Въ слѣдующій разъ, когда Петръ потребовалъ себѣ 500 червонцевъ, Меншиковъ спросилъ его:

— Для кого?

— Мнѣ нужно!—гордо отвѣтилъ Петръ.

Меншиковъ выдалъ деньги, но узнавъ, что онѣ отправлены Елисаветѣ, приказалъ отобрать ихъ у нея. Оскорбленная этимъ, Елисавета тоже примкнула къ врагамъ Меншикова, и въ раз-

говорахъ съ Петромъ возстановляла государя противъ зазнавагося временщика.

Въ сентябрѣ Меншиковъ, по случаю освященія часовни, устроилъ въ своемъ помѣстьѣ, въ Ораніенбаумѣ, пышное празднество. Петръ обѣщалъ быть на этомъ торжествѣ, но узнавъ, что Елисавета не приглашена, въ послѣднюю минуту прислалъ сказать, что не пріѣдетъ. Меншиковъ былъ очень огорченъ этимъ, но не показалъ вида. Празднество прошло съ необыкновеннымъ блескомъ. Однако и здѣсь Меншиковъ не удержался отъ безтактности: во время богослуженія въ часовнѣ онъ сталъ на царское мѣсто. Объ этомъ, конечно, сказали Петру.

На слѣдующій день Меншиковъ поѣхалъ къ императору, чтобы поговорить съ нимъ и возстановить прежнія отношенія, но, желая избѣгнуть встрѣчи во дворцѣ съ Елисаветой, умышленно пріѣхалъ съ опозданіемъ, и не былъ принятъ: Петръ собирался на охоту. Тогда Меншиковъ поѣхалъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ, но она тоже не вышла къ нему. Елисавета приняла Меншикова, но очень холодно. Раздраженный временщикъ сталъ грозить, что броситъ всѣ дѣла и уѣдетъ въ украинскую армію. Елисавета отнеслась къ этой угрозѣ равнодушно, и Меншиковъ ни съ чѣмъ уѣхалъ изъ дворца.

Въ тотъ же день Петръ, вернувшись съ охоты, приказалъ перевезти свои вещи изъ дома Меншикова во дворецъ, а затѣмъ предупредилъ гвардію и Верховный Совѣтъ, что впредь они должны повиноваться только его личнымъ приказаніямъ. 8 сентября Меншиковъ былъ уже арестованъ.

Указомъ императора отъ 9 сентября Меншиковъ былъ лишенъ должностей, чиновъ, орденовъ и сосланъ въ свое имѣніе въ Рязанской губерніи. По церквамъ было разослано запрещеніе поминать въ ектеніяхъ бывшую невѣсту государя. На слѣдующій же день семья Меншикова покинула Петербургъ. Поѣздъ опальнаго вельможи состоялъ изъ 4 каретъ, 150 повозокъ, 11 фургоновъ и 147 слугъ. Но съ дороги, по распоряженію императора, были возвращены экипажи и слуги, признанные лишними. Въ Клину, близъ Москвы, Меншиковъ получилъ приказъ выдать обручальное кольцо дочери Маріи. Вскорѣ послѣ этого и все колоссальное состояніе Меншикова было конфисковано.

Съ паденіемъ Меншикова Петръ почувствовалъ себя совер-

шенно независимымъ. Онъ пересталъ учиться и заниматься дѣлами. Уже въ декабрѣ одинъ изъ современниковъ писалъ въ своемъ дневникѣ такъ: „Императоръ занимается только тѣмъ, что цѣлыми днями и ночами рыскаетъ по улицамъ съ царевной Елисаветой и сестрой, посѣщаетъ камергера (Ивана Долгорукаго), пажей, поваровъ и Богъ вѣсть еще кого“.

Характеръ Петра тоже сильно измѣнился къ худшему: сдѣлался вспыльчивымъ, настойчивымъ и рѣзкимъ. Если сестра пробовала уговаривать брата, онъ молча вставалъ и уходилъ.

Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая,
обрученная невѣста Императора Петра II.

Остерманъ, получившій теперь первенствующее вліяніе во всемъ, сталъ дѣлать приготовленія къ коронаціи императора. 9 января 1728 года Петръ съ огромнымъ штатомъ придворныхъ, сановниковъ и свиты выѣхалъ въ Москву. Но въ Твери онъ заболѣлъ корью и пролежалъ двѣ недѣли, а затѣмъ продолжалъ путь. Москва встрѣтила императора восторженно, и 24 февраля 1728 года былъ совершенъ обрядъ коронаванія.

Вернувшись въ Петербургъ, Петръ продолжалъ вести прежнюю разсѣянную жизнь. Опять вмѣстѣ съ Елисаветой и въ сопровожденіи большой свиты, онъ проводилъ цѣлыя недѣли на

охотѣ. Въ ноябрѣ скончалась любимая сестра императора, Наталья Алексѣевна. Ея преждевременная смерть была огромной потерей для Петра, всей важности которой онъ не сознавалъ.

Вскорѣ послѣ смерти сестры Петръ подпалъ подъ вліяніе Долгорукихъ, и у этой честолюбивой семьи возникъ планъ породниться съ императоромъ, тѣмъ болѣе что послѣдній уже охладѣлъ къ Елисаветѣ и почувствовалъ влеченіе къ Екатеринѣ Долгорукой. Это была 18-тилѣтняя красавица, изящнаго сложенія, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, густыми черными волосами и необыкновенно выразительными глазами. Она имѣла смѣлый, энергичный характеръ и, по тому времени, была хорошо образована. Побуждаемая фамильнымъ и личнымъ честолюбіемъ, она вся отдалась мысли увлечь императора своими чарами.

При дворѣ и въ высшемъ обществѣ стали говорить о бракѣ Петра съ Екатериной Долгорукой. Но онъ скоро разочаровался и въ ней. Однако, интриги со стороны Долгорукихъ велись такъ искусно, что имъ все-таки удалось склонить императора на бракъ съ княжной. 19 ноября 1729 года Петръ, собравъ въ Лефортовскомъ дворцѣ Верховный Совѣтъ и генералитетъ, сдѣлалъ торжественное заявленіе о предстоящемъ своемъ бракосочетаніи съ Екатериной Долгорукой. Тотчасъ же начались приготовленія къ царской свадьбѣ, съ которой Долгорукіе очень торопились. 30 ноября было совершено обрученіе императора съ невѣстой. Къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ на балу, данномъ послѣ обрученія, Петръ имѣлъ недовольный видъ и почти не обращалъ вниманія на невѣсту. Въ такомъ же настроеніи была, повидимому, и сама невѣста.

Бракосочетаніе было назначено на 19 января. Въ ожиданіи его Петръ не проявлялъ ни особаго нетерпѣнія ни особой радости. Онъ былъ грустенъ, жаловался на простуду, говорилъ, что ему скучно жить и что скоро онъ умретъ. Вполнѣ вѣроятно, что подъ впечатлѣніемъ свиданій съ Остерманомъ и Елисаветой, ненавидѣвшими Долгорукихъ, императоръ сталъ уже раскаиваться въ своемъ рѣшеніи относительно брака. Въ концѣ декабря онъ заболѣлъ настолько серіозно, что, по словамъ англійскаго консула Уарда, въ Москвѣ распространились слухи о близкой его кончинѣ. Но, несмотря на болѣзнь, онъ все-таки рѣшилъ присутствовать 6 января на крещенскомъ водосвятіи.

День былъ очень морозный. Петръ опоздалъ на водосвятіе, но пріѣхалъ на парадъ, послѣ котораго вернулся во дворецъ вмѣстѣ съ невѣстой, стоя на запяткахъ ея саней. Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ почувствовалъ сильный ознобъ, а на другой день врачи опредѣлили у него оспу.

Во дворцѣ опять, какъ и во время предсмертной болѣзни Петра I, началось волненіе изъ-за того, кто наслѣдуетъ верховную власть, если императоръ умретъ. Въ семьѣ Долгорукихъ составили смѣлый планъ объявить императрицей Екатерину Долгорукую, невѣсту умирающаго государя. На семейномъ совѣщаніи князь Василій Долгорукій, выслушавъ этотъ планъ, воскликнулъ:

— Кто захочетъ ей подданнымъ быть? Княжна Катерина съ государемъ не вѣнчались!..

— Хоть не вѣнчались, но обручались!— возразилъ отецъ невѣсты.

— Вѣнчаніе— иное, а обрученіе— иное!— отвѣтилъ ему Василій Долгорукій.

Начался споръ, послѣ котораго Василій и Михаилъ Долгорукіе покинули семейный совѣтъ. Оставшіеся рѣшили составить завѣщаніе о передачѣ верховной власти княжнѣ Екатеринѣ и представить его Петру для подписи. Но этотъ замыселъ не удалось осуществить, во-первыхъ, потому, что ни Верховный Совѣтъ ни гвардія не желали видѣть на престолѣ Долгорукую, а во-вторыхъ, и потому, что Остерманъ, постоянно находившійся у постели больного царя, не далъ Долгорукимъ привести въ исполненіе ихъ дерзкій планъ.

18 января 1730 года, вечеромъ, врачи объявили, что положеніе императора безнадежно. Петръ былъ уже въ безпамятствѣ. Во второмъ часу ночи онъ приказалъ подать лошадей, чтобы ѣхать къ сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а черезъ нѣсколько минутъ скончался.

Такимъ образомъ, императоръ умеръ на зарѣ того самаго дня, на который была назначена его свадьба съ Долгорукой.

1730—1740 г.

Анна I Юанновна

(царствовала съ 1730 г. до 1740 г.).

По смерти Петра II, не оставившаго потомства и не назначившаго себѣ преемника, вопросъ о престолонаслѣдїи вновь вызвалъ большія осложненія. Верховный Тайный Совѣтъ въ день смерти императора собрался на засѣданіе для обсужденія того, кому теперь занять всероссійскій престоль. Члены Совѣта долго молчали. Наконецъ первымъ рѣшился заговорить князь Д. М. Голицынъ. Онъ сказалъ:

— Наслѣдника престола не было. Завѣщаніе Екатерины I не могло имѣть значенія. Она не имѣла права дѣлать его. Дѣвушка, взятая изъ подонковъ общества! Другое завѣщаніе...

Голицынъ на мгновеніе умолкъ, затѣмъ, повисивъ голосъ, произнесъ:

— Другое завѣщаніе, приписываемое Петру II,—подложное! Василий Лукичъ Долгорукій хотѣлъ было что-то возразить, но Голицынъ пристально поглядѣлъ на него и повторилъ:

— Безъ всякаго сомнѣнія, подложное!..

Присутствовавшіе на засѣданіи Долгорукіе поняли, что ихъ замыселъ окончательно разрушенъ. Голицынъ же продолжалъ говорить. Назвавъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ право на престоль—

первую супругу Петра Великаго, Евдокію Ѳеодоровну, дочь царя Іоанна V Екаторину и ея сестру, герцогиню курляндскую Анну, онъ остановился на послѣдней и сказалъ:

— Анна Ивановна свободна и одарена всѣми способностями, нужными для трона.

Всѣ присутствовавшіе выразили согласіе съ мнѣніемъ Голицына, который закончилъ рѣчь такой фразой.

— Воля ваша, кого изволите, только надобно намъ себя полегчить!

— Какъ себя полегчить?—спросилъ Головинъ.

— Такъ полегчить: воли себѣ прибавить.

Это неожиданное предложеніе совпадало съ общимъ тайнымъ желаніемъ собравшихся вельможъ взять съ будущаго государя или государыни обѣщаніе ограничить самодержавную власть въ пользу Верховнаго Совѣта. Только В. Л. Долгорукій высказалъ сомнѣніе:

— Намъ не удастся эта попытка!

— Неправда! Удастся, — убѣжденно возразилъ князь Голицынъ.

Такимъ образомъ, Верховный Совѣтъ рѣшилъ призвать на всероссійскій престолъ племянницу Петра Великаго, Анну Іоанновну, но съ ограниченіемъ ея власти; она должна была подписать обязательство не рѣшать важнѣйшихъ дѣлъ безъ согласія Верховнаго Совѣта и руководиться въ управленіи государствомъ такъ называемыми „Пунктами“, излагавшими предѣлы ея власти.

По окончаніи засѣданія члены Совѣта вышли въ большой залъ дворца и объявили свое рѣшеніе. Въ залѣ собралось много народа. Ѳеофанъ Прокоповичъ сталъ возражать противъ выбора Совѣта, ссылаясь на завѣщаніе Екаторины I, которое назначало престолъ, по смерти Петра II, Елисаветѣ и Аннѣ, дочерямъ Петра Великаго. Голицынъ отвѣтилъ Прокоповичу.

— Мы не хотимъ незаконнорожденныхъ.

Кромѣ Ѳеофана, ничьихъ другихъ протестовъ выборъ Анны Іоанновны не вызвалъ, и члены Совѣта сѣли сочинять „Пункты“. Остермана съ трудомъ уговорили диктовать эти „Пункты“, но онъ запинался и не могъ связно сказать двухъ фразъ. Тогда вмѣшался В. Л. Долгорукій и сталъ самъ диктовать.

На другой день, въ 10 часовъ утра, во дворцѣ собрались въ полномъ составѣ Сенатъ, Синодъ и весь генералитетъ. Голицынъ предложилъ собранію избрать на русскій престолъ герцогиню курляндскую Анну Іоанновну. Всѣ отвѣтили единогласнымъ одобреніемъ. Но Верховный Совѣтъ не объявилъ еще содержанія сочиненныхъ имъ „Пунктовъ“, продолжая передѣлывать и дополнять ихъ.

Согласно замысламъ Совѣта, Анна Іоанновна должна была обѣщать:

„Имѣть наиглавнѣйшее попеченіе и стараніе не токмо о сохраненіи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православнаго исповѣданія нашей вѣры Греческой.

„Въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника себѣ не опредѣлять.

„Еще обѣщаемся нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія:

„Ни съ кѣмъ войны не вчинать.

„Миру не заключать.

„Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податями не отягощать.

„Въ знатные чины, выше полковничья ранга, не жаловать, ниже къ знатымъ дѣламъ не опредѣлять.

„У шляхетства [т.-е. дворянства] живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать.

„Вотчины и деревни не жаловать.

„Въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ не производить.

„Государственные доходы въ расходъ не употреблять“.

Впослѣдствіи члены Совѣта внесли въ эти „Пункты“ еще два важныхъ дополненія: подчиненіе гвардіи Совѣту и формулу: „А буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской“.

Такимъ образомъ, Верховный Совѣтъ стремился ввести въ Россіи такъ называемое олигархическое правленіе, т.-е. раздѣленіе верховной власти между государемъ и высшей аристократіей. Но этотъ проектъ члены Совѣта представили Аннѣ Іоанновнѣ не отъ своего имени, а отъ лица „всѣхъ духовныхъ

и свѣтскихъ чиновъ“. Они допустили явный и сознательный обманъ, скоро обнаруженный Анной.

Съ изложенными выше „Пунктами“ были посланы въ Митаву, гдѣ жила Анна, три лица, по одному отъ Верховнаго Совѣта, Сената и генералитета. Стали ждать отвѣта Анны. Это ожиданіе носило крайне тревожный характеръ, такъ какъ „Пункты“ верховниковъ вызвали всеобщее возбужденіе и порицаніе. Мелкое, не титулованное дворянство волновалось и по ночамъ собиралось на тайныя совѣщанія, гдѣ произносились горячія рѣчи противъ членовъ Верховнаго Совѣта и въ защиту Анны, которую желали видѣть на престолѣ самодержицей.

1 февраля былъ полученъ отвѣтъ Анны. Она выразила согласіе принять російскую корону на тѣхъ ограничивающихъ ея власть условіяхъ, которыя были изложены въ „Пунктахъ“.

2 февраля было созвано торжественное собраніе всѣхъ „духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ“, и ему былъ прочитанъ отвѣтъ государыни. По словамъ Теофана Прокоповича, продолжительное мертвое молчаніе было отвѣтомъ собранія. Наконецъ, раздался чей-то негодующій голосъ:

— Не вѣдаю, да и весьма дивлюся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать?...

Никто ничего не сказалъ на это замѣчаніе.

Начали подписывать протоколъ засѣданія, а затѣмъ безмолвно разошлись. Но за стѣнами дворца негодованіе всѣхъ недовольныхъ ограниченіемъ самодержавія въ пользу членовъ Верховнаго Совѣта нашло себѣ выраженіе въ рѣшеніи обратиться къ государынѣ съ просьбой быть „самодержицей по старинѣ“. Среди самихъ членовъ Совѣта возникло разногласіе: опубликовать ли во всеобщее свѣдѣніе подписанные „Пункты“ теперь же или ждать приѣзда государыни? Рѣшили подождать, а императрицѣ послали сообщеніе, что ея отвѣтъ былъ принятъ всѣми съ восторгомъ. Это было новой ложью.

10 февраля 1730 года Анна приѣхала въ село Всесвятское подъ Москвой. До нея уже дошли слухи о броженіи, возникшемъ въ связи съ „Пунктами“, и объ отказѣ многихъ принять ихъ. Поэтому она заняла выжидательное положеніе. Больше недѣли прошло въ борьбѣ Анны и ея сторонниковъ съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. 20 февраля въ Успенскомъ соборѣ

состоялось торжественное принесение присяги новой государынѣ. Встревоженные всеобщимъ недовольствомъ, члены Совѣта исключили изъ первоначально предположеннаго текста присяги всѣ свои „Пункты“, оставивъ только выраженіе о присягѣ „Ея Императорскому Величеству и отечеству“.

Тѣмъ не менѣе, Совѣтъ не терялъ надежды добиться своего.

Дворецъ государыни тщательно охранялся, чтобы въ него не проникли противники замысловъ Совѣта и сторонники неограниченной власти Анны. Однако они все-таки находили средства сноситься съ императрицей. Такъ, Прокоповичъ, ставшій горячимъ приверженцемъ Анны, отправилъ ей свое письмо въ часахъ. Въ одеждѣ маленькаго сына Бирона, котораго ежедневно приносили къ Аннѣ, всегда была спрятана корреспонденція для императрицы.

Чтобы устранить сопротивленіе своимъ планамъ, члены Верховнаго Совѣта рѣшили арестовать Остермана, Черкаскаго, Барятинскаго, Головиныхъ и нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ сторонниковъ самодержавія Анны. Тогда Анна и ея друзья рѣшили дѣйствовать энергичнѣе.

25 февраля во дворецъ явилась толпа дворянъ. Во главѣ ихъ былъ князь А. М. Черкасскій, подавшій Аннѣ петицію [т.-е. прошеніе] отъ группы дворянъ, просившихъ государыню созвать генералитетъ, офицеровъ и представителей дворянства для обсужденія вопроса о формѣ верховнаго правленія въ Россіи. Въ то же время гвардейскіе офицеры стали кричать о необходимости возстановить самодержавіе. Часть дворянъ возражала имъ, а князь Долгорукій обратился къ Черкасскому:

— Кто позволилъ вамъ, князь, присвоить себѣ право законодателя?

Черкасскій отвѣчалъ:

— Вы вовлекли государыню въ обманъ. Вы увѣрили Ея Величество, что кондиціи, подписанныя ею въ Митавѣ, составлены съ согласія всѣхъ чиновъ государства. Это неправда! Онѣ составлены безъ нашего вѣдома и участія!

Долгорукій посовѣтовалъ императрицѣ уйти къ себѣ и наединѣ обдумать петицію, на что Анна сперва согласилась. Но стоявшая рядомъ съ ней ея сестра подала ей перо и сказала:

— Нѣтъ, государыня! Нечего теперь рассуждать! Вотъ перо—извольте подписать!

Анна взяла перо и написала на петиціи: „Быть по сему“. Затѣмъ она приказала собравшимся дворянамъ немедленно приступить къ совѣщанію о новой формѣ государственнаго правленія и вечеромъ сообщить ей результаты совѣщанія. Она хорошо понимала, что въ нѣсколько часовъ дворяне не могутъ ничего рѣшить.

Между тѣмъ гвардейцы продолжали кричать:

— Мы не позволимъ, чтобы государынѣ предписывались законы! Она должна быть такой же самодержавной, какъ были ея предки!..

Императрица сдѣлала видъ, что недовольна этими криками, но гвардейцы не умолкали. Тогда она отдала имъ приказаніе:

— Повинуйтесь генералу Салтыкову, ему одному только и повинуйтесь!

Этими словами она отнимала у фельдмаршала Василя Владимировича Долгорукаго власть надъ гвардіей.

Между тѣмъ, пока дворяне совѣщались въ сосѣднемъ залѣ, дворецъ наполнился гвардейцами, которые не переставали кричать, что не позволяютъ лишить государыню самодержавія. Въ 4 часа дня дворяне вышли въ пріемный залъ. Кантемиръ прочелъ отъ имени ихъ новую петицію, въ которой дворянство умоляло императрицу принять самодержавную власть предковъ-царей.

Выслушавъ петицію, Анна отвѣтила:

— Мое постоянное желаніе было управлять моими подданными мирно и справедливо, но я подписала „Пункты“ и желала бы знать: согласны ли члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобы я приняла то, что теперь предлагается мнѣ народомъ?

Молчаливымъ поклономъ члены Совѣта выразили свое согласіе. Императрица продолжала:

— Стало быть, „Пункты“, поднесенные мнѣ въ Митавѣ, были составлены не по желанію народа?

— Нѣтъ! нѣтъ!—раздались многочисленныя возгласы.

— Стало быть, ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ?—обратилась Анна къ Долгорукому.

Затѣмъ она приказала принести подписанные ею „Пункты“ и ея письмо къ Верховному Тайному Совѣту. Головкинъ подалъ

ей эти документы, и Анна разорвала ихъ пополамъ. Такимъ образомъ, задуманное Верховнымъ Совѣтомъ ограниченіе власти монарха было уничтожено, и Анна стала самодержицей, подобно прежнимъ государямъ.

Дворяне и члены Совѣта безпрекословно стали подходить цѣловать руку императрицы.

Куски разорванныхъ государыней документовъ, скрѣпленные булавкой, до сихъ поръ хранятся въ одномъ изъ государственныхъ архивовъ.

Анна Іоанновна, вступленіе которой на престолъ сопровождалось столь необычными въ русской исторіи обстоятельствами, родилась 28 января 1693 года, такъ что при воцареніи ей было уже 37 лѣтъ. Она была дочерью старшаго брата Петра Великаго, царя Іоанна V. Нелюбимая матерью, Анна была всецѣло предоставлена попеченію гувернантокъ и учителей, изъ уроковъ которыхъ царевна ничего не вынесла. Въ возрастѣ 17 лѣтъ ее выдали замужъ за курляндскаго герцога, но она скоро овдовѣла.

Герцогъ Лирія описываетъ наружность Анны Іоанновны такъ: „Царевна Анна очень высока ростомъ и смугла. У нея красивые глаза, прелестныя руки и величественная фигура. Она очень полна, но не отяжелѣла. Нельзя сказать, что она красива, но, вообще, пріятна“. По словамъ Натальи Долгорукой, Анна была такого роста, что на цѣлую голову превышала почти любого мужчину.

На престолъ Анна Іоанновна вступила совершенно неподготовленной, и при ней все управленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ ея любимца, герцога Бирона, сама же императрица предпочитала всякаго рода увеселенія. Любимымъ ея развлеченіемъ была охота, и въ газетахъ того времени часто сообщалось объ охотничьихъ трофеяхъ государыни: то она убила дикаго кабана, то медвѣдя, то какую-нибудь птицу.

Анна очень любила одѣваться, предпочитая всегда яркія краски; при ней было даже запрещено являться во дворецъ въ черномъ платьѣ. Сама она въ будніе дни носила длинное широкое платьѣ зеленаго или голубого цвѣта, а голову повязывала краснымъ платкомъ.

Въ 1736 году Анна ввела въ Россіи италіанскую оперу, имѣвшую большой успѣхъ въ высшемъ обществѣ столицы. Но сама императрица предпочитала другія забавы; она держала большой штатъ шутовъ, шутихъ, скомороховъ, рассказчицъ, а также всевозможныхъ калѣкъ и уродовъ. Наиболѣе извѣстные ея шуты: Балакиревъ, забавлявшій еще Петра Великаго, еврей Лякоста, италіанецъ Педрилло, князь М. А. Голицынъ, князь Н. Ѳ. Волконскій и А. П. Апраксинъ. Въ 1740 году Анна женила шута Голицына на безобразной карлицѣ-калмычкѣ Аннѣ Бужениновой. Эта шутовская свадьба превосходно описана Ложечниковымъ въ его романѣ „Ледяной домъ“. Свадебный пиръ справлялся въ домѣ, въ которомъ рѣшительно все—стѣны, окна, двери, мебель, посуда, канделябры и даже брачное ложе молодыхъ—было сдѣлано изъ льда. Къ этой комической свадьбѣ готовились долго, такъ какъ въ ней должны были принять участіе представители всѣхъ народностей, населявшихъ въ то время Россійскую имперію.

Родственникъ Анны Іоанновны, генераль-губернаторъ Москвы С. А. Салтыковъ, былъ исполнителемъ всевозможныхъ порученій императрицы. Онъ разыскивалъ и посылалъ въ Петербургъ карлицъ, рассказчицъ, персидскихъ лошадей, до которыхъ Анна была большая охотница, чернобурыхъ лисицъ, гусли, поэмы и т. п.

Государыня очень любила птицъ, въ особенности попугаевъ. Кѣтки съ ними висѣли во всѣхъ комнатахъ дворца.

Въ одномъ изъ внутреннихъ дворцовыхъ садовъ Анна развлекалась стрѣльбой по дичи, выпускаемой на волю. Во всѣхъ углахъ дворца у императрицы были подъ рукой заряженныя ружья. Она стрѣляла изъ оконъ въ пролетающихъ птицъ и требовала, чтобы и придворныя дамы дѣлали то же самое. Однажды она такъ увлеклась голландскими волчками, что изъ Амстердама для дворца выписывались цѣлые ящики бечевковъ, употреблявшихся для пусканія такихъ волчковъ.

Указанныя черты характера Анны не могутъ, однако, служить основаніемъ для отрицательной оцѣнки всего ея царствованія. Напротивъ, историкъ кн. Щербатовъ совершенно справедливо говоритъ объ Аннѣ Іоанновнѣ слѣдующее: „Ограниченный умъ, никакого образованія, но ясность взгляда и вѣрность су-

Шуты при дворѣ Анны Иоанновны.

Карт. В. И. Якоби.

жденія; постоянное исканіе правды; никакой любви къ похвалѣ, никакого высшаго честолюбія, поэтому никакого стремленія создавать великое, сочинять новые законы; но извѣстный методическій складъ ума, любовь къ порядку, забота о томъ, чтобы не сдѣлать что-нибудь слишкомъ поспѣшно, не посовѣтовавшись съ знающими людьми; желаніе принять самыя разумныя мѣры... любовь къ представительству, но безъ преувеличенія“.

Впослѣдствіи императрица Екатерина Великая говорила, что Анна правила государствомъ лучше, чѣмъ Елисавета. Въ ея царствованіе въ Россіи поднялось просвѣщеніе, выдвинулись Тредьяковскій и Ломоносовъ, стали издаваться научные журналы, появились русскіе ученые, была организована вторая экспедиція Беринга къ берегамъ Аляски. Нѣкоторые историки справедливо указываютъ, впрочемъ, что правленіе Анны было эпохой господ-

Анна

Подпись Анны Иоанновны.

ства въ Россіи иноземцевъ. Въ оправданіе этого историкъ Ва-лишевскій приводитъ такія соображенія: „Иностранцы не были ни геніями ни образцами добродѣтели, но среди неурядицы, въ которую бросило страну неоконченное дѣло Петра, они одни, приблизительно угадывая ея судьбы, имѣли достаточно способности и хладнокровія, чтобы, насколько возможно, охранить ея интересъ въ этотъ критическій періодъ“.

Нѣмецкое вліяніе особенно сильно сказалось при назначеніи императрицей преемника себѣ. Совершенно минуя дочь Петра Великаго, цесаревну Елисавету, Анна Иоанновна еще въ 1731 году назначила наслѣдникомъ русскаго престола будущаго сына своей племянницы, дочери старшей сестры, Екатерины Иоанновны, герцогини мекленбургской. Въ то время этой племянницѣ было всего 13 лѣтъ, и она даже еще не была замужемъ. Только въ 1733 г. она приняла православіе и стала называться Анной Леопольдовой. Императрица остановила свой выборъ именно на ней потому, что хотѣла устранить отъ престола нелюбимую Елисавету. Анну Леопольдовну выдали замужъ за приглашеннаго въ Россію принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго, и отъ

этого брака въ 1740 году родился сынъ, будущій императоръ Іоаннъ VI.

Во время болѣзни Анны Іоанновны возникъ вопросъ: кто будетъ править государствомъ до совершеннолѣтія младенца-императора? Наиболѣе вліятельныя при дворѣ Анны лица, Остерманъ, Левенвольдъ и Биронъ, предполагали назначить правительницей мать Іоанна, Анну Леопольдовну, но императрица и слышать не хотѣла объ этомъ назначеніи. Тогда Минихъ, Остерманъ, Левенвольдъ, Ушаковъ, Трубецкой и Куракинъ указали на Бирона, какъ на регента малолѣтняго императора. Самъ Биронъ при этомъ дипломатично не высказывался, хотя Анна хорошо понимала, чего онъ добивается. Она упорно отказывалась назначить регентомъ и его, опасаясь оскорбить такимъ назначеніемъ національное чувство русскихъ: она знала, какъ ненавидѣлъ народъ Бирона и нѣмцевъ вообще. Тѣмъ не менѣе, 16 октября 1740 г. императрица все-таки вручила Бирону подписанный указъ о назначеніи его регентомъ. Говорятъ, что, передавая ему этотъ указъ, она сказала: „Я подписала твою погибель“. Впрочемъ, по другой версіи, она при этомъ сказала: „Не бойся!“

На слѣдующій же день императрица скончалась. Передъ смертью она позвала духовника и велѣла читать отходную. Въ числѣ окружавшихъ ее лицъ она узнала Миниха и обратилась къ нему со словами:

— Прощай, фельдмаршалъ!... Простите всѣ!

Это были ея послѣднія слова.

1740—1741.

Юаннъ VI Антоновичъ

(царствовалъ съ 1740 до 1741 г.).

По смерти Анны Юанновны комната, гдѣ лежало тѣло усопшей государыни, наполнилась придворными. Прибыли и родители младенца-императора, принцъ Антонъ Ульрихъ и принцесса Анна Леопольдовна. Всѣ молчали. Биронъ взволнованно ходилъ изъ угла въ уголъ. Наконецъ, немного успокоившись, онъ обратился къ присутствовавшимъ съ предложениемъ выслушать послѣднюю волю покойной императрицы.

Князь Трубецкой взялъ переданную ему фрейлиной Юшковой духовную Анны Юанновны и приготовился читать ее. Содержаніе этой духовной было извѣстно только Бирону и Остерману, а другія лица ничего не знали о послѣдней волѣ императрицы. Князь Куракинъ, войдя въ опочивальню, спросилъ Остермана:

— Кто жъ послѣ государыни будетъ ея преемникомъ на престолѣ?

— Принцъ Иванъ Антоновичъ!—кратко отвѣтилъ ему Остерманъ и отвернулся.

Совершенно успокоившійся Биронъ съ полунасмѣшливымъ поклономъ обратился къ отцу новаго государя, принцу Антону:

— Не угодно ли, принцъ, слушать послѣднюю волю усопшей императрицы?..

Принцъ молча придвинулся къ группѣ, окружившей князя Трубецкого. Выслушавъ духовное завѣщаніе Анны, онъ и принцесса, не сказавъ ни слова, удалились въ свои покои.

На другой день во дворцѣ происходило собраніе всѣхъ высшихъ сановниковъ. Имъ было прочитано завѣщаніе императрицы, назначавшее Бирона правителемъ государства до совершеннолѣтія новаго государя, Иоанна VI-го. Всѣ присягнули на вѣрность Иоанну и поздравляли Бирона съ высокимъ саномъ.

Сенатъ поднесъ регенту титулъ Высочества и назначилъ ему 500,000 рублей жалованья въ годъ. А самъ Биронъ успѣшилъ назначить родителямъ императора 200,000 руб. въ годъ и цесаревнѣ Елисаветѣ, постоянно нуждавшейся въ деньгахъ, 50,000 рублей. На ектеніяхъ при богослуженіи былъ принятъ такой порядокъ: поминали императора, принцессу-мать, цесаревну Елисавету и регента.

Младенца Иоанна съ большимъ торжествомъ перевезли въ Зимній дворецъ. Процессію открывалъ эскадронъ гвардіи. За нимъ регентъ шелъ впереди кресла, въ которомъ несли кормилицу съ ребенкомъ на рукахъ. Анна Леопольдовна съ своей любимой фрейлиной Юліей Менгденъ ѣхала въ парадной каретѣ. По словамъ англійскаго посла, бывшаго въ то время при русскомъ дворѣ, „гусарскій полкъ, проѣзжая въ Лондонѣ по Гайдъ-парку, возбуждаетъ больше шума, чѣмъ эта перемѣна правительства“. А нѣмецкій посланникъ Мардефельдъ писалъ объ этомъ днѣ такъ: „Всѣ русскіе отправились въ Зимній дворецъ и поздравляли регента, цѣлуя у него руку или полу мантии. Онъ заливался слезами и не могъ произнести ни слова. Спокойствіе полное...“

Биронъ началъ свое правленіе милостями. Онъ отмѣнилъ нѣсколько смертныхъ приговоровъ, уменьшилъ подати (на 17 коп. съ души), смягчалъ судебныя кары, приказалъ выдавать часовымъ шубы, „ибо въ морозное время они безъ шубы претерпѣваютъ великую нужду“.

Однако эти мѣры не доставили Бирону той народной любви, которой онъ добивался, потому что всѣмъ было хорошо извѣстно и памятно прошлое этого высококомѣрнаго курляндца, обя-

заннаго своимъ высокимъ положеніемъ не таланту и заслугамъ, а исключительно личному расположенію къ нему Анны Іоанновны.

Биронъ былъ сыномъ отставнаго польскаго офицера. Въ молодости онъ учился въ Кенигсбергѣ, гдѣ два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ за кражу. Въ 1714 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ цѣлью устроиться при дворѣ принцессы Софьи-Шарлотты, супруги царевича Алексѣя, но потерпѣлъ неудачу. Зато въ Митавѣ онъ былъ замѣченъ Анной Іоанновной, которая прибли-

Анна Леопольдовна.

зила его къ себѣ и не разставалась съ нимъ до самой смерти. Въ царствованіе Анны фактическимъ правителемъ государства былъ онъ, а не императрица, и потому это царствованіе обыкновенно называется „бионовщиной“.

Биронъ со всѣми обращался очень дерзко и высокомерно, стараясь во всемъ подчеркнуть свое нѣмецкое презрѣніе къ русскимъ. Такъ, однажды, когда его сильно трясло при проѣздѣ, по дорогѣ въ Сенатъ, черезъ какой-то мостъ, онъ пріѣхавъ крикнулъ сенаторамъ, что положить ихъ подъ колеса своего экипажа. Его старшій сынъ Карлъ развлекался тѣмъ, что бѣгалъ

по заламъ дворца съ бичемъ въ рукахъ и хлесталь по ногамъ тѣхъ придворныхъ, которые ему почему-либо не нравились. Когда же старый князь Барятинскій пожаловался на Карла отцу, послѣдній отвѣтилъ князю:

— Можете не являться больше ко двору. Подайте въ отставку, она будетъ принята!..

Поэтому вполне понятна всеобщая ненависть къ регенту. Вотъ что писалъ, на примѣръ, Мардефельдъ послѣ смерти Анны прусскому королю Фридриху: „Всѣ умы возстановлены противъ узурпатора [т.-е. захватившаго власть временщика], и гвардейскіе офицеры открыто заявляютъ, что будутъ сносить регентство только до похоронъ ихъ „матушки“, а многіе говорятъ, что лучше передать власть въ руки оставшихся потомковъ Петра I. Всѣ простые стоятъ за Елисавету“.

Биронъ высокомерно обращался не только съ придворными, но даже и съ родителями государя, отъ имени котораго онъ правилъ Россіей. Въ своей дерзости онъ дошелъ до того, что однажды посадилъ принца Антона-Ульриха подъ домашній арестъ и, по слухамъ, собирался выслать его и принцессу за границу.

Но у родителей императора было много преданныхъ сторонниковъ въ войскахъ, ненавидѣвшихъ Бирона, въ томъ числѣ и энергичный фельдмаршалъ Минихъ. 8 ноября Минихъ былъ у Анны Леопольдовны. Она казалась очень разстроенной и печальной.

— Если бы Вашему Высочеству было угодно,—сказалъ ей Минихъ,—я избавилъ бы васъ отъ этого зловреднаго человѣка...

— Какимъ образомъ?—воскликнула принцесса.

Минихъ изложилъ ей свой планъ. Съ помощью надежныхъ преобращенцевъ, которыми онъ командуетъ, онъ готовъ арестовать ночью Бирона и объявить правительницей государства ее, принцессу.

Выслушавъ горячую рѣчь фельдмаршала, Анна Леопольдовна нѣсколько минутъ колебалась, но потомъ дала согласіе на арестъ регента.

Въ ту же ночь Минихъ, взявъ съ собой любимаго адъютанта, полковника Манштейна, отправился вмѣстѣ съ Анной Леопольдовной въ Зимній дворецъ и созвалъ тамъ караульныхъ офицеровъ, къ которымъ Анна обратилась съ рѣчью:

— Господа офицеры! Я надѣюсь на васъ, какъ на честныхъ и вѣрныхъ людей. Не отрекитесь оказать услугу малолѣтнему императору и его родителямъ. Всѣмъ извѣстны насильства, чинимыя надъ мною и надъ моимъ супругомъ отъ герцога курляндскаго [т.-е. Бирона]. Мнѣ нельзя, мнѣ стыдно терпѣть отъ него оскорбленія. Я поручила фельдмаршалу арестовать его. Храбрые офицеры, повинуйтесь вашему генералу!..

Эрнстъ Юганнъ Биронъ.

Офицеры закричали, что они готовы слушаться приказаній своего командира.

Послѣ этого Минихъ спустился въ караульную комнату Зимняго дворца, отобралъ 80 самыхъ надежныхъ преображенцевъ и отправился съ ними къ Лѣтнему дворцу, въ которомъ жилъ регентъ. Остановившись шаговъ за 200 отъ дворца Бирона, Минихъ послалъ Манштейна объявить караульнымъ офицерамъ приказъ Анны Леопольдовны и позвать къ нему капитана и двухъ другихъ офицеровъ. Послѣдніе немедленно явились.

— Вы меня знаете, — обратился къ нимъ фельдмаршалъ, — я много разъ несъ жизнь свою въ жертву за отечество, и вы славно слѣдовали за мною. Теперь послужимъ нашему государю, и уничтожимъ, въ особѣ регента, вора, измѣнника, похитившаго верховную власть!..

Офицеры отвѣтили, что они готовы помогать своему командиру. Тогда, по приказанію Миниха, Манштейнъ отправился въ самый дворецъ Бирона. Часовые нигдѣ не оказали ему противодѣйствія. Пройдя нѣсколько покоевъ, Манштейнъ вошелъ въ большую комнату, съ кроватью посрединѣ. На кровати лежали супруги Бироны. Они такъ крѣпко спали, что не слышали шаговъ Манштейна. Онъ подошелъ къ кровати и крикнулъ имъ:

— Проснитесь!

Биронъ проснулся и сердито спросилъ:

— Что? Что тебѣ здѣсь нужно? Какъ ты смѣешь?..

Но увидѣвъ входившихъ въ комнату офицеровъ, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, закричалъ отъ страха и полѣзъ подъ кровать. Его схватили, всунули ему въ ротъ платокъ, связали и понесли въ стоящую у подъѣзда карету, въ которой и отвезли въ Зимній дворецъ на гауптвахту.

Въ ту же ночь арестовали брата Бирона и его друга, Бестужева, а на утро обнародовали манифестъ о происшедшемъ. Правительницей государства, впредь до совершеннолѣтія императора Іоанна VI, была объявлена Анна Леопольдовна. Биронъ былъ отданъ подъ судъ. Слѣдствіе тянулось долго. Наконецъ, 8-го апрѣля 1741 года, Биронъ былъ приговоренъ къ смертной казни четвертованіемъ. Но манифестомъ 15 апрѣля казнь была замѣнена ему вѣчной ссылкой въ Пелымъ, за 3.000 верстъ отъ Петербурга.

Такъ окончилась „эпоха бироновщины“.

Главный организаторъ переворота, фельдмаршалъ Минихъ, былъ щедро награжденъ деньгами, деревнями и титуломъ „командующаго генераль-фельдмаршала Россійской имперіи“. Онъ слѣдался первымъ челоуѣкомъ въ государствѣ, и безъ него Анна Леопольдовна ничего не предпринимала. Но могущество Миниха оказалось непродолжительнымъ.

Своимъ дерзкимъ обращеніемъ съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ фельдмаршалъ самъ повредилъ себѣ больше всѣхъ вра-

говъ. Онъ добился того, что Анна Леопольдовна указомъ повелѣла принцу сложить всѣ обязанности и „безвыходно пребывать въ своихъ покояхъ“. Причиной такого указа была клевета Миниха на принца, будто послѣдній замышляетъ государственный переворотъ въ свою пользу. Путемъ обмана Минихъ вынудилъ принца просить себѣ отставку. Но Остерманъ, заклятый врагъ Миниха, рассказалъ Аннѣ, что фельдмаршалъ поддѣлалъ подпись доктора на документѣ, обвинявшемъ Антона-Ульриха въ намѣ-

Цесаревна Елисавета Петровна.

реніи отравить Іоанна VI-го. Анна сразу охладѣла къ Миниху и стала приглашать супруга во дворецъ на совѣщанія. Это разсердило фельдмаршала. Однажды, во время засѣданія во дворцѣ, когда принцъ высказалъ по какому-то вопросу свое мнѣніе, Минихъ рѣзко замѣтилъ ему:

— Вы, ваше высочество, нарушаете волю императора, который указалъ вамъ безвыходно пребывать въ вашихъ покояхъ!

— А вы, фельдмаршалъ Минихъ,—сурово произнесла Анна,—поддѣлываете подписи, за что, по указу императора, полагается ссылка и наказаніе плетью!..

Минихъ не сказалъ ни слова въ отвѣтъ на это и молчалъ до самаго конца засѣданія. На слѣдующій же день онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которая, вопреки его ожиданіямъ, была принята. Звѣзда его померкла, и загорѣлась вновь очень нескоро, только при императорѣ Петрѣ III.

Правленіе Анны Леопольдовны, сначала сочувственно принятое народомъ и высшимъ обществомъ, вскорѣ однако стало вызывать общее осужденіе, такъ какъ во главѣ всѣхъ дѣлъ и при дворѣ попрежнему оставались исключительно нѣмцы. Самыми вліятельными лицами при Аннѣ были Остерманъ, Левенвольдъ, фрейлина Менгденъ, саксонскій посланникъ Линарь и принцъ Антонъ-Ульрихъ. Въ обществѣ заговорили о томъ, что русскій престолъ должно занимать лицо русскаго происхожденія, имѣющее на него больше законныхъ правъ, чѣмъ Іоаннъ VI.

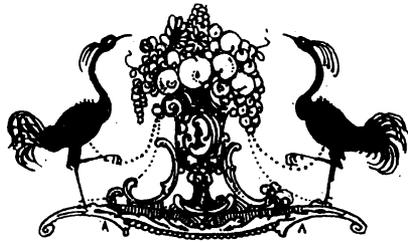
Дѣйствительно, Іоаннъ имѣлъ на престолъ очень мало правъ. Онъ былъ сыномъ брауншвейгскаго принца Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны. Послѣдняя была дочерью мекленбургскаго герцога Карла-Леопольда и Екатерины Іоанновны, дочери царя Іоанна V-го, брата Петра Великаго. Слѣдовательно, Іоаннъ VI-й приходился только внукомъ царю Іоанну V-му. А между тѣмъ была жива дочь Петра Великаго, Елисавета Петровна, которая оставалась какъ-то въ тѣни во всѣ царствованія, слѣдовавшія послѣ кончины ея отца.

Народъ и гвардія любили Елисавету, и вокругъ нея незамѣтно сгруппировались всѣ, недовольные „нѣмецкимъ засильемъ“. Заговоръ противъ Іоанна VI и Анны Леопольдовны постепенно разрастался. Хотя свѣдѣнія о немъ и доходили до правительницы, но послѣдняя не придавала имъ значенія. Скоро ей пришлось поплатиться за это.

Характерно, между прочимъ, что, кромѣ Елисаветы, претендентомъ на русскій престолъ являлся и принцъ Антонъ-Ульрихъ. Онъ мечталъ устранить свою супругу и объявить правителемъ себя. Но такъ какъ онъ не могъ разсчитывать на поддержку войскъ, то замышлялъ прибѣгнуть къ такому средству: онъ и Остерманъ похитятъ младенца-императора и объявятъ народу, что его убила мать. Тогда, безъ сомнѣнія, произойдетъ народный бунтъ и низложеніе Анны Леопольдовны, а затѣмъ они „най-

дуть“ ребенка, и благодарный народъ поручить регентство принцу, какъ „спасителю“ государя.

Этотъ столь же наивный, какъ и дерзкій планъ не пришлось даже приводить въ исполненіе, такъ какъ уже 21 ноября 1741 года Іоаннъ VI былъ низложенъ, и на всероссійскій престолъ взошла дочь Петра Великаго, Елисавета I Петровна.

1741—1761.

Елисавета Петровна

(царствовала съ 1741 г. до 1761 г.).

Елисавета родилась 19 декабря 1709 года. О ея рожденіи Петру I было сообщено во время его торжественнаго вѣзда въ Москву, послѣ пораженія шведовъ подъ Полтавой. Обрадованный полученнымъ извѣстіемъ, государь сказалъ: „Господь удвоилъ мою радость и послалъ мнѣ дочь, а потому отложимъ торжество здѣсь и поспѣшимъ поздравить Екатерину Алексѣевну“. Помолившись въ Успенскомъ соборѣ, Петръ отправился въ село Коломенское, гдѣ въ честь новорожденной и ея матери далъ нѣсколько роскошныхъ пировъ.

Отъ Екатерины Алексѣевны у Петра было девять человѣкъ дѣтей, но достигли зрѣлаго возраста только двѣ дочери, Анна и Елисавета. Петръ очень любилъ своихъ дочерей и выражалъ это во всемъ; такъ, напримѣръ, когда ему приходилось уѣзжать, онъ въ письмахъ къ государынѣ часто спрашивалъ: „Какъ здоровье Лизаньки, хорошо ли она поживаетъ, часто ли беретъ ванночку?..“

Елисавета росла красивымъ и крѣпкимъ ребенкомъ, напоминавшимъ Амура. Еще въ дѣтскіе годы дочери Петръ заказалъ художнику Караваку ея портретъ въ образѣ Венеры.

Дѣтство цесаревны Елисаветы протекло въ Петербургѣ, въ только что выстроенномъ тогда Зимнемъ дворцѣ. Каждая изъ дочерей Петра имѣла свои комнаты и свой довольно многочисленный штатъ прислуги. За воспитаніемъ царевенъ слѣдила сама государыня, и только въ то время, когда, по желанію супруга, Екатерина Алексѣевна уѣзжала съ нимъ въ походъ или въ заграничное путешествіе, главный надзоръ за воспитаніемъ Анны и Елисаветы поручался сестрѣ государя, Натальѣ Алексѣевнѣ. Отецъ окружалъ дочерей блескомъ и роскошью, какъ будущихъ невѣстъ иностранныхъ принцевъ.

Въ образованіи дѣтей Петръ встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны Екатерины, которая, сама не будучи образованной, тѣмъ не менѣе всей душой раздѣляла желаніе царя дать дѣтямъ всестороннее образованіе. Къ цесаревнамъ были приставлены: учитель нѣмецкаго языка Глюкъ, жена французскаго дворянина Лутарь-Лануа, обучавшая ихъ французскому языку, и италіанка, графиня Маріана Моніани, выписанная для преподаванія италіанскаго языка. Кромѣ того, цесаревны знали и шведскій языкъ, которому научились у боннъ-шведокъ. За здоровьемъ и вообще физическимъ уходомъ наблюдала докторша Пеликана. Много заботъ было приложено къ развитію у дѣвушекъ граціи и изящества: особый учитель обучалъ ихъ всѣмъ требовавшимся въ то время въ высшемъ обществѣ танцамъ, напимѣръ менуэту и испанскимъ танцамъ, наиболѣе любимымъ Елисаветой.

Хотя самъ Петръ Великій избѣгалъ всякой роскоши, предпочитая простоту, но по отношенію къ своимъ дочерямъ онъ поступалъ совершенно иначе: не жалѣлъ средствъ и окружалъ царевенъ всѣми благами жизни. Въ свою очередь, обѣ дочери радовали любящихъ родителей своими способностями къ ученью, здоровьемъ и красотой. Елисавета уже шести лѣтъ вполнѣ хорошо говорила по-французски; а когда ей минуло 10 лѣтъ, видѣвшій ее французскій посланникъ Лави отозвался о ней такъ: „Княжна эта прелестна, и могла бы считаться совершенной красавицей, если бъ цвѣтъ ея волосъ не былъ рыжеватъ... Она добра, умна и сострадательна“.

Въ тотъ вѣкъ программа образованія женщинъ была очень ограничена. Отъ нихъ требовалось, главнымъ образомъ, чтобы, входя въ залъ, онѣ умѣли граціозно поклониться, дѣлая реве-

рансъ, знали наиболѣе распространенные танцы—церемоніальные и характерные—и говорили на двухъ иностранныхъ языкахъ—нѣмецкомъ и французскомъ. Дѣвушки, знавшія это, уже считались образованными и воспитанными. Но дочери Петра Великаго безусловно превосходили своихъ сверстницъ образованіемъ и общимъ умственнымъ развитіемъ. Мать ихъ, Екатерина Алексѣевна, часто говорила Елисаветѣ, что отъ принцессы ничто такъ не требуется, какъ знаніе французскаго языка. Впрочемъ, на это особое вниманіе къ французскому языку были и свои причины: еще въ дѣтствѣ Елисаветы Петровны въ женихи ей намѣчался французскій дофинъ [т.-е. наслѣдникъ престола] Людовикъ XV. Внушенія матери не пропали даромъ: Елисавета сдѣлала большіе успѣхи, прекрасно изучила языкъ, приохотилась къ чтенію книгъ на немъ и даже могла писать недурные французскіе стихи.

Екатерина Алексѣевна очень заботилась о нарядахъ дочерей. На гуляньяхъ и ассамблеяхъ онѣ появлялись въ разнообразныхъ костюмахъ: то въ испанскихъ платьяхъ, которыя особенно шли Елисаветѣ, то въ платьяхъ изъ дорогихъ матерій, отдѣланныхъ золотыми и серебряными вышивками. Особое вниманіе было обращено на прически: цесаревенъ причесывалъ лучшій въ столицѣ парикмахеръ и, слѣдуя модѣ того вѣка, украшалъ ихъ волосы множествомъ драгоценныхъ камней. Въ то время было принято, чтобы до восемнадцатилѣтняго возраста дѣвушки носили костюмы италіанскихъ рыбацекъ: короткую красную юбку, черный бархатный лифъ, маленькую шапочку на головѣ, а за плечами пару крыльевъ Амура. Елисавета была очаровательна въ такомъ нарядѣ. Въ январѣ 1722 г., на многочисленномъ балу, отецъ цесаревны объявилъ выросшую дочь совершеннолѣтней и собственноручно обрѣзалъ ей крылья Амура... Ангелъ превратился въ женщину.

Заботы о раннемъ бракѣ дочерей побуждали родителей приучать дѣтей къ обществу и параднымъ выходамъ. Екатерина Алексѣевна съ обѣими цесаревнами очень аккуратно посѣщала всѣ пиры, вечеринки, гулянья и ассамблеи, гдѣ Елисавета танцевала съ веселыми кавалерами до утомленія. Она привлекала всеобщее вниманіе граціей, легкостью и искусствомъ въ танцахъ, отдавалась веселью всей душой, выдумывала новыя фигуры, и

всегда была царицей бала. Кромѣ того, цесаревна часто принимала участіе въ любимыхъ Петромъ Великимъ катаньяхъ по Невѣ; на эти прогулки она являлась обыкновенно въ костюмѣ жены саардамскаго плотника—въ юбкѣ изъ грубой красной матеріи, канифасовой кофточкѣ и круглой шляпѣ. Иногда Елисавета участвовала и въ торжественныхъ царскихъ выходахъ. Такъ, когда Петръ въ 1717 году вернулся изъ-за границы въ Петербургъ, обѣ дочери-царевны встрѣчали его, а когда государь вступилъ въ Зимній дворецъ, Елисавета на славянскомъ языкѣ произнесла отцу привѣтствіе, составленное Теофаномъ Прокоповичемъ.

Въ возрастѣ 20 лѣтъ Елисавета была такъ очаровательна, что восхищала не только русскихъ, но и многихъ иностранцевъ. Испанскій посоль Дукъ-де-Лиріа говорилъ о ней: „Принцесса такая красавица, какихъ мало встрѣчается. У нея удивительный цвѣтъ лица, прекрасные глаза и ротъ, замѣчательной красоты шея и несравненная фигура. Она высокаго роста, чрезвычайно жива, хорошо танцуетъ и увѣренно, безъ малѣйшаго страха, ѣздитъ верхомъ. Умна, граціозна и очень кокетлива, честолюбива и имѣетъ слишкомъ нѣжное сердце“.

Когда Петръ Великій скончался, и на престолъ взошла Екатерина I, Елисаветѣ было всего 16 лѣтъ. Ея старшая сестра, Анна, уже была замужемъ за герцогомъ голштинскимъ, такъ что у Екатерины оставалась лишь забота о бракѣ младшей дочери. Жениховъ у Елисаветы было довольно много еще съ юныхъ лѣтъ; какъ указывалось выше, одно время ее хотѣли выдать за французскаго дофина Людовика XV, потомъ предполагался ея бракъ съ герцогомъ Орлеанскимъ; но по разнымъ причинамъ ни тотъ ни другой бракъ не состоялся. Затѣмъ Елисавета согласилась на бракъ съ голштинскимъ принцемъ Карломъ-Августомъ; однако и этому бракосочетанію не суждено было совершиться: женихъ внезапно скончался по дорогѣ къ алтарю. Елисавета была очень опечалена и поражена такой роковой смертью принца.

Руководясь политическими соображеніями, Остерманъ хотѣлъ устроить бракъ Елисаветы съ Петромъ II, племянникомъ цесаревны, несмотря на отроческій возрастъ жениха. Планъ Остермана не удался, такъ какъ Петръ, сперва горячо влюблен-

ный въ красавицу-тетку, скоро охладѣлъ къ ней, и увлекся княжной Екатериной Долгорукой.

По смерти Петра II, когда на престолъ вступила Анна Иоанновна, условія жизни Елисаветы значительно измѣнились. Видя въ цесаревнѣ опасную соперницу, императрица всѣми силами старалась отдалить ее отъ двора и государственныхъ дѣлъ. Какъ дочь Петра Великаго, Елисавета имѣла гораздо больше Анны правъ на русскій престолъ. Кромѣ того, уже немолодая и некрасивая государыня завидовала обаятельности цесаревны и тому расположенію, которое вызывала къ себѣ Елисавета. Поэтому Анна Иоанновна сильно сократила содержаніе, выдававшееся на дворъ Елисаветы, была съ ней холодна и надменна. Хотя послѣдняя чувствовала себя обиженной и даже оскорбленной такимъ несправедливымъ отношеніемъ, однако терпѣливо переносила его и подчинялась всѣмъ распоряженіямъ императрицы. Цесаревну тревожили только слухи о томъ, что Минихъ совѣтовалъ Бирону заточить ее въ монастырь.

Переѣхавъ изъ Митавы въ Петербургъ, Анна Иоанновна приказала и Елисаветѣ жить въ столицѣ. Цесаревна поселилась на окраинѣ города и, по недостатку-средствъ, должна была сама вести хозяйство, соблюдая во всемъ крайнюю экономію, чтобы только не дѣлать долговъ. Она считала, что неисправныхъ должниковъ въ будущей жизни ожидаетъ суровое возмездіе.

Получая очень ограниченныя средства отъ императрицы, Елисавета испытывала стѣсненіе въ деньгахъ еще и потому, что старалась помогать своимъ бѣднымъ родственникамъ по матери, Скавронскимъ; послѣдніе были возведены въ графское достоинство, но не имѣли помѣстій, и жили въ большой нуждѣ, встрѣчая со стороны Анны Иоанновны самое презрительное отношеніе. Семья графовъ Скавронскихъ состояла изъ двухъ сестеръ Екатерины I, тетокъ Елисаветы, и трехъ дѣтей, оставшихся послѣ ихъ брата и дяди Елисаветы, Карла Скавронскаго. Двухъ дочерей Карла Елисавета воспитывала на свой счетъ и впоследствии выдала ихъ замужъ.

Живя на окраинѣ Петербурга, въ Александровской слободѣ, Елисавета Петровна вращалась среди простого народа. Съ крестьянскими дѣвушками она держала себя почти какъ съ равными, водила хороводы, пѣла пѣсни, каталась съ горъ, принимала уча-

стіе въ пляскахъ и играхъ, угощала дѣвушекъ изюмомъ, пряниками и орѣхами. Здѣсь она узнала народъ, его жизнь и нравы, полюбила его и сама снискала его любовь.

Подъ Петербургомъ у цесаревны былъ загородный домъ, или, какъ его называли, „Смоляной дворъ“, расположенный недалеко отъ казармъ Преображенскаго гвардейскаго полка. Елисавета часто прїѣзжала сюда и встрѣчала на прогулкахъ гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ. Она любила преображенцевъ, устраивала имъ ассамблеи, охотно крестила ихъ дѣтей, радушно принимала у себя въ домѣ отцовъ и матерей своихъ крестниковъ. Они тоже платили цесаревнѣ горячей любовью и искренней преданностью, часто повторяя: „Въ тебѣ, царевна, течетъ кровь Петра Великаго“. Такія рѣчи всегда доставляли Елисаветѣ величайшее наслажденіе, напоминая ей о томъ счастливомъ времени, когда были живы отецъ и мать.

Однажды цесаревна, уже послѣ смерти Анны Іоанновны, посѣтила епископа Лопатинскаго, освобожденнаго Анной Леопольдовной изъ заточенія.

— Узнаешь ли ты меня?—спросила она его.

Измученный старикъ долго смотрѣлъ Елисаветѣ въ глаза, какъ бы стараясь найти отвѣтъ въ своей памяти, потомъ встрепенулся и радостно воскликнулъ:

„Ты—искра Петра Великаго“.

Эти слова произвели на цесаревну очень сильное впечатлѣніе. Скоро молва объ этомъ случаѣ съ Елисаветой разнеслась повсюду.

Несмотря на скудость своихъ средствъ, Елисавета не отпускала, не оказавъ помощи, никого, кто бы ни обратился къ ней. Она много работала, ведя хозяйство и стараясь безъ долговъ покрыть свои расходы тѣми незначительными суммами, которыя получались съ принадлежащихъ лично ей имѣній.

Многое пережила и передумала опальная Елисавета въ годы царствованія Анны Іоанновны; но это принесло ей не одни огорченія, но и пользу. Въ прежнее время красивая, молодая, безпечная цесаревна была далека отъ дѣйствительной жизни со всѣми ея печалями и заботами. За это же время уединенія и трудовой жизни Елисавета, сохранивъ прежнюю красоту и обаятельность, приобрѣла богатый жизненный опытъ. Лишь изрѣдка,

въ торжественныхъ случаяхъ, она являлась передъ народомъ, всегда прекрасная, ласковая, но печальная. Видя ее и понимая ея душевное состояніе, народъ начиналъ чувствовать раздраженіе противъ лицъ, особенно изъ нѣмцевъ, захватившихъ управленіе государствомъ и отстранившихъ дочь Петра Великаго, хотя она имѣла гораздо больше правъ наследовать верховную власть. А слухи, доходившіе отъ преобразенцевъ, что „нѣтъ добрѣе и ласковѣе матушки Елисаветы Петровны“, еще больше располагали народъ къ цесаревнѣ.

Докторъ Германъ Лестокъ.

Послѣ смерти Анны Іоанновны и назначенія Бирона правителемъ государства за малолѣтствомъ Іоанна Антоновича, въ войскахъ началось броженіе въ пользу Елисаветы, и если бы послѣдняя воспользовалась имъ, то была бы провозглашена императрицей. Но Елисавета чувствовала себя одинокой. Несмотря на общую народную любовь, цесаревна не имѣла надежнаго лица, которое могло бы повести дѣло въ ея пользу, а сама не рѣшалась начинать рискованное предпріятіе. Вслѣдствіе этого, удобный моментъ былъ пропущенъ, и престолъ перешелъ къ сыну племянницы покойной императрицы, малолѣтнему Іоанну VI.

Послѣ провозглашенія императоромъ Іоанна Антоновича,

условія жизни цесаревны Елисаветы сдѣлались гораздо лучше: за ней не слѣдили, она чаще могла бывать при дворѣ, встрѣчаться тамъ съ русскими сановниками и иностранными послами. Среди придворныхъ Елисавета скоро нашла много друзей, впоследствии содѣйствовавшихъ переходу престола къ ней. Особенно выдѣлялся докторъ Лестоукъ, веселый, дѣятельный, любившій все разузнать и обо всемъ разсказать. Онъ былъ для цесаревны необходимымъ и преданнымъ человѣкомъ, на котораго можно было вполне положиться. Когда Минихъ предложилъ ему наблюдать за Елисаветой и обо всемъ докладывать, Лестоукъ отказался, хотя зналъ, что своимъ отказомъ можетъ навлечь на себя подозрѣніе и даже гнѣвъ всеильнаго фельдмаршала. Лестоукъ вполне раздѣлялъ желаніе народа и высшаго общества видѣть Елисавету на тронѣ, и убѣждалъ ее дѣйствовать въ этомъ направленіи. Разсказываютъ, что однажды онъ набросалъ рисунокъ, изображавшій цесаревну въ двухъ видахъ: на тронѣ, съ царской короной на головѣ, и въ монашескомъ одѣяніи, окруженную орудіями пытки. Онъ показалъ этотъ рисунокъ Елисаветѣ, и подъ нимъ она прочла: „Выбирайте!“

Биронъ зналъ о броженіи въ пользу Елисаветы, но не принималъ никакихъ мѣръ противъ него, задумавъ бракъ цесаревны со своимъ сыномъ, герцогомъ Петромъ. Передаютъ, между прочимъ, такой случай. Одинъ солдатъ, встрѣтивъ товарища, сказалъ ему: „Вотъ присягали мы нынѣ Ея Императорскаго Величества внуку, а государыни-принцессы сыну“, и, посмотрѣвъ на домъ Елисаветы, добавилъ: „Не обидно ли ей! Орелъ леталъ, обезпечивая своихъ дѣтей, а теперь его дочь оставлена“. Этими мыслями солдатъ подѣлился и съ другими своими товарищами. На него донесли, и, вмѣстѣ съ товарищами, онъ былъ арестованъ; однако вскорѣ, по распоряженію Бирона, всѣ были отпущены „для многолѣтняго Его Величества здравія“...

Не только отдѣльныя лица, но и вся гвардія, идя отъ присяги Іоанну Антоновичу, высказывала приблизительно такія же мысли.

До Анны Леопольдовны дошли слухи о частыхъ свиданіяхъ Елисаветы съ французскимъ посломъ, маркизомъ Шетарди, который старался о сближеніи Россіи, Франціи и Шве-

ці, но не находилъ сочувствія своимъ планамъ у тогдашняго русскаго правительства, и поэтому былъ готовъ содѣйствовать переходу престола къ Елисаветѣ. Анна призвала цесаревну къ себѣ и стала обвинять ее въ заговорѣ. Елисавета пала къ ногамъ правительницы, отрицая справедливость слуховъ и обѣщая никогда больше не встрѣчаться съ Шетарди. Анна Леопольдовна вполнѣ повѣрила Елисаветѣ, расцѣловала ее и успокоилась. Въ дѣйствительности же Шетарди попрежнему подго-

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

товлялъ почву къ государственному перевороту, склоняя Елисавету сдѣлать рѣшительный шагъ и помогая ей деньгами.

Въ высшемъ обществѣ столицы и въ войскахъ чувствовалось волненіе. Всѣ были проникнуты одной мыслью: „Довольно царствовать и править государствомъ иностранцамъ, хотимъ русскую царицу, дочь Петра Великаго!“ Несмотря на это, Елисавета все еще колебалась, опасаясь отвѣтственности, хотя знавала, что болѣе удобнаго момента трудно ожидать: сановники - нѣмцы всѣ перессорились, и это давало легкую возможность побѣдить ихъ сопротивленіе и свергнуть Юанна

Антоновича и его мать. Рассказываютъ, что незадолго до переворота къ Елисаветѣ явился Минихъ; припавъ къ ея ногамъ, онъ сказалъ: „Повели только, государыня, и я исполню все“. На это Елисавета гордо отвѣтила фельдмаршалу: „Ты—не тотъ, кто даетъ корону, кому захочетъ. Я ее получу, если пожелаю, отъ своего народа“.

Вскорѣ послѣ этого разговора съ Минихомъ, Елисавета, гуляя въ Лѣтнемъ саду, встрѣтила солдата, который при видѣ ея заплакалъ.

— Что ты плачешь?—спросила его цесаревна.

— Намъ сказали, что ты, матушка, собираешься уступить престолъ своему племяннику.

Слова солдата сильно подѣйствовали на Елисавету. Она увидѣла, что дольше ждать нельзя, а надо теперь же дѣйствовать. Вернувшись съ прогулки, она написала Шетарди: „Я стремлюсь къ славѣ и надѣюсь на успѣхъ“, и поручила своимъ друзьямъ узнать о настроеніи въ казармахъ. Они явились къ царевнѣ съ хорошими вѣстями: гвардейцы рады дѣйствовать. Въ домъ Елисаветы собрались всѣ ея приближенные и родственники, какъ бы благословляя ее на путь къ престолу... Приѣхалъ и Лестокъ. Войдя въ домъ и не видя цесаревны среди родственниковъ и друзей, онъ прошелъ въ ея комнату и здѣсь увидалъ Елисавету за колѣнопреклоненной молитвой. Прося успѣха въ предстоящемъ дѣлѣ, цесаревна дала передъ образомъ обѣтъ никогда не допускать смертной казни, если получить верховную власть. Выйдя затѣмъ къ собравшимся друзьямъ, она сильно взволновалась и все еще была въ нерѣшительности. Всѣ успокаивали ее и высказывали надежду на успѣхъ. Лестокъ, надѣвъ царевнѣ шейный орденъ св. Екатерины, вложилъ ей въ руки серебряный крестъ и вывелъ на крыльцо, около котораго стояли приготовленныя заранѣе сани. Елисавета сѣла въ нихъ вмѣстѣ съ Лестокомъ, а Воронцовъ и Шуваловъ стали на запятки.

Они помчались къ казармамъ Преображенскаго полка и остановились у сѣзжей избы. Караульный, заранѣе предупрежденный о приѣздѣ цесаревны, вызвалъ гвардейцевъ, посвященныхъ въ дѣло; ихъ было всего человекъ тридцать. Но въ нѣсколько минутъ собралось уже много сторонниковъ переворота. Елисавета вышла изъ саней.

— Узнаете ли вы меня?—спросила она.—Знаете ли вы, чья дочь я?

— Знаемъ, матушка!—закричали преображенцы.

— Меня хотягъ заточить въ монастырь. Готовы ли вы пойти меня защищать?—продолжала Елисавета.

— Готовы, матушка, всѣхъ ихъ перебьемъ!

— Не говорите объ убійствѣ, слышать не могу этого. Я не хочу ничьей смерти.

Солдаты были удивлены и смущены, но все-таки заявили, что согласны на все, и будутъ повиноваться ей.

Елисавета подняла крестъ и сказала:

— Клянусь въ томъ, что готова за васъ умереть. Цѣлуйте и мнѣ крестъ, но не проливайте напрасно крови.

Всѣ присягнули цесаревнѣ, а затѣмъ отправились къ дворцу. На Адмиралтейской площади Елисавета вышла изъ саней и пошла пѣшкомъ. Но скоро гренадеры замѣтили:

— Мы что-то тихо идемъ, матушка! Твои маленькія ножки плохо справляются со снѣгомъ. Давай, мы тебя понесемъ!—Елисавета согласилась; два солдата взяли ее на руки и быстро понесли къ дворцу. Придя туда, арестовали Анну Леопольдовну и ея супруга, принца Антона. Елисавета запретила будить младенца-императора Іоанна VI, а когда онъ самъ проснулся отъ шума, она взяла его на руки и сказала:

— Бѣдный, невинный младенецъ! Твои родители одни виноваты во всемъ.

Затѣмъ она взяла его къ себѣ въ сани и увезла.

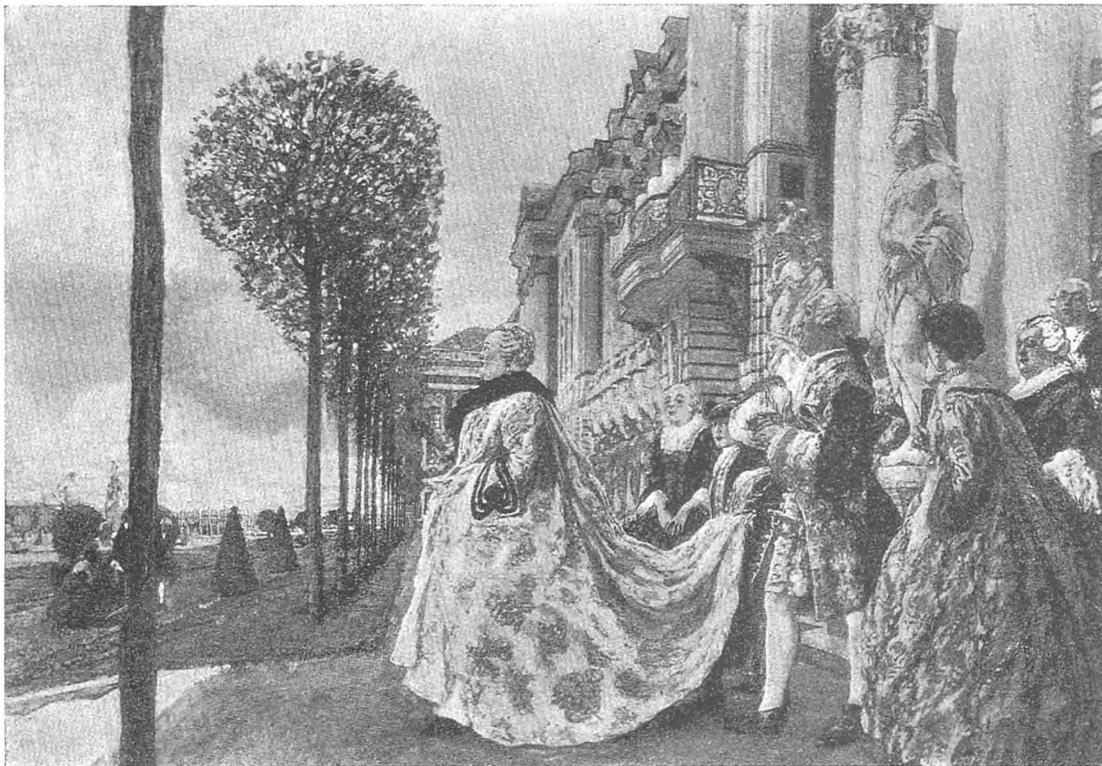
Когда Елисавета возвращалась въ свой дворецъ, весь Невскій проспектъ уже былъ усѣянъ народомъ, который оглашалъ воздухъ несмолкаемыми кликами „ура“. Елисавета ликовала и вмѣстѣ съ ней ликовалъ весь дворъ и народъ. Послѣ долгихъ тяжелыхъ лѣтъ господства нѣмцевъ всѣ облегченно вздохнули. Въ теченіе XVIII вѣка въ Россіи никогда, вѣроятно, не проявлялось больше радости, нежели при воцареніи Елисаветы. Коронація императрицы сопровождалась небывалыми торжествами; одинъ балъ смѣнялся другимъ, еще болѣе блестящимъ. Сама царица страстно любила французскіе спектакли, и для нихъ въ Москвѣ былъ построенъ особый театръ на 5000 зрителей. Какъ бы вознаграждая себя за прежніе печальные годы, Елисавета

Петровна ничего не жалѣла для устройства развлеченій и роскошныхъ пиршествъ.

Но самая утонченная роскошь сосредоточилась въ Царскомъ Селѣ. Во дворцѣ императрицы была устроена особая подъемная машина, которая поднимала гостей, сидѣвшихъ на мягкихъ диванахъ, во второй этажъ; обѣды подавались на „волшебныхъ“ столахъ: безъ всякой прислуги на нихъ появлялись разныя кушанья, вина и фрукты. Роскошь русскаго двора не уступала роскоши французскаго, самаго блестящаго въ Европѣ въ то время.

И въ продолженіе всего своего царствованія Елисавета Петровна поддерживала блескъ придворной жизни. Гардеробъ императрицы былъ очень обширенъ; онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ самыхъ разнообразныхъ платьевъ. Всѣ привозимыя въ столицу иностранныя матеріи тотчасъ же приобрѣтались для Елисаветы, которая не позволяла придворнымъ дамамъ надѣть раньше ея какое-нибудь новое модное платье или даже сдѣлать новую прическу. Въ этомъ отношеніи государыня была очень строга, и сурово наказывала тѣхъ, кто не подчинялся ея требованіямъ. Такъ, однажды фрейлина Лопухина, славившаяся своей красотой, явилась на придворный балъ съ такой же розой въ прическѣ, какаю была у императрицы. Замѣтивъ это, Елисавета Петровна разгнѣвалась, подозвала къ себѣ Лопухину, приказала ей стать на колѣни и собственноручно срѣзала запрещенную розу вмѣстѣ съ прядью волосъ. Когда же вскорѣ послѣ этого императрицѣ сообщили, что униженная Лопухина впала въ глубокій обморокъ, Елисавета отнеслась къ этому совершенно равнодушно и продолжала танцовать.

Въ своихъ привычкахъ и образѣ жизни Елисавета Петровна переходила отъ одной крайности къ другой. Будучи очень религіозной и глубоко почитая святыни православной церкви, она часто проводила въ храмѣ много часовъ, стоя на колѣняхъ до изнеможенія, до обморока. Въ 1757 году она такъ долго оставалась въ церкви, что придворные стали опасаться, не скончалась ли государыня. Всѣ посты соблюдались Елисаветой очень строго: во время ихъ она питалась только хлѣбомъ, квасомъ и вареньемъ. Нерѣдко прямо съ бала, затянувшись до утра, императрица ѣхала въ церковь и молилась тамъ нѣсколько часовъ подѣ

Императрица Елисавета Петровна въ Царскомъ Селѣ.

Журт. Е. Е. Лансере

рядъ. Поѣздки на богомолье чередовались съ шумными балами, продолжавшимися иногда двое сутокъ непрерывно.

Охота, балы, приемы и пиры составляли самое любимое времяпровожденіе государыни. Часто во дворцѣ назначались и дѣтскіе вечера, на которые привозили малолѣтнихъ сыновей и дочерей придворныхъ. Елисавета устраивала для нихъ танцы, игры и другія развлеченія, любовалась весельемъ дѣтей, а затѣмъ приглашала ихъ родителей къ себѣ на ужинъ, оставаясь съ ними до поздняго часа. Будучи очень гостепріимной и въ совершенствѣ зная всѣ секреты русской кухни, императрица иногда сама приготовляла любимыя блюда и угощала ими наиболѣе близкихъ ко двору лицъ.

Продолжительныя поѣздки тоже доставляли большое удовольствіе Елисаветѣ Петровнѣ, любившей очень быструю ѣзду. Иногда переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ императрица дѣлала всего въ 24 часа. Для поѣздокъ въ зимнее время былъ сдѣланъ особый возокъ, устроенный такъ, что въ холода его можно было отапливать. Въ него запрягали 12 лошадей.

Елисавета не любила жить въ Петербургѣ, предпочитая сѣверной столицѣ старинную Москву. Здѣсь она подолгу гостила въ подмосковной усадьбѣ Горенки, имѣнни своего сердечнаго друга, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Послѣдній былъ по происхожденію сыномъ простаго казака и возвысился благодаря исключительному покровительству императрицы. Еще будучи цесаревной, Елисавета, посѣщая придворную церковь, обратила вниманіе на красиваго пѣвчаго изъ малороссовъ, Алексѣя Разумовскаго. Это былъ высокій стройный брюнетъ съ очень привлекательными чертами лица, добрыми черными глазами и густой красивой бородой. Цесаревна скоро увлеклась Разумовскимъ, и съ теченіемъ времени увлеченіе перешло въ горячее чувство. Есть указанія, что въ 1742 году, уже будучи императрицей, Елисавета Петровна вступила съ Разумовскимъ въ такъ называемый морганатическій¹ бракъ.

Несмотря на исключительную близость къ государынѣ и ея щедрія милости, Разумовскій остался такимъ же скромнымъ,

1. Морганатическими называются браки лицъ, очень далеко стоящихъ другъ отъ друга по происхожденію и общественному положенію, напр. бракъ члена царствующаго дома съ подданной. Такіе браки не даютъ правъ, приобретаемыхъ въ брачномъ союзѣ въ другихъ случаяхъ

какимъ былъ служа пѣвчимъ въ придворной церкви. И послѣ возвышенія онъ нисколько не измѣнилъ отношеній къ своимъ старымъ друзьямъ и знакомымъ. Съ Разумовскимъ былъ однажды такой случай. Однажды онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ государыней, осматривать только что выстроенный дворецъ. Одинъ изъ старыхъ друзей Разумовскаго оказался среди простыхъ служителей этого дворца. Увидѣвъ его, Разумовскій, въ присутствіи императрицы, сердечно привѣтствовалъ его и даже поцѣловалъ. Когда же Елисавета Петровна выразила свое недоумѣніе и неудовольствіе по поводу такого поведенія, Разумовскій просто и спокой-

Первый русскій ученый М. В. Ломоносовъ.

но отвѣчалъ ей: „Ты, Лизочка, изъ меня можешь сдѣлать, что хочешь, а для нихъ я всегда останусь тѣмъ, кѣмъ былъ прежде“.

Несмотря на свое огромное вліяніе при дворѣ, Разумовскій не вмѣшивался въ дѣла управленія, никому не вредилъ и не извлекалъ никакихъ выгодъ изъ своего высокаго положенія. За эту скромность онъ пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ, даже у враговъ и завистниковъ. Единственнымъ недостаткомъ, въ которомъ кто-либо могъ упрекнуть графа, было его неспокойство во хмелю, которое, впрочемъ, испытывали только лица, принимавшія участіе въ пирахъ Разумовскаго.

Послѣ 20-лѣтняго царствованія Елисавета Петровна сконча-

лась (25 декабря 1761 года) на 53-емъ году жизни. Она встрѣтила смерть въ полномъ сознаніи и спокойно, призвала священника, приказала ему читать отходную, а сама повторяла за нимъ слова молитвы.

Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны отмѣчено двумя основными чертами: гуманностью и русскимъ правленіемъ. До конца жизни государыня не нарушала торжественнаго обѣщанія, даннаго при вступленіи на престолъ: никого не подвергать смертной казни. Не примѣнялись также и пытки. Всѣ нѣмцы были устранены отъ государственныхъ дѣлъ, и на ихъ мѣста были назначены русскіе.

Елисавета въ самомъ началѣ царствованія объявила, что въ управленіи государствомъ она будетъ слѣдовать завѣтамъ отца—Петра Великаго. Сознавая, что сама она мало подготовлена къ

A handwritten signature in cursive script, reading 'Елисавета' (Elizabeth).

Подпись императрицы Елисаветы.

государственной дѣятельности, императрица передала всѣ дѣла Сенату, составленному изъ самыхъ довѣренныхъ и приближенныхъ къ Елисаветѣ лицъ. Многія изъ этихъ лицъ окружали ее еще до вступленія на престолъ, когда она была отстраненной отъ двора цесаревной. Среди нихъ выдѣлялись: графы братья Разумовскіе, графы Шуваловы, Воронцовы и графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, ученикъ Петра Великаго. При Елисаветѣ онъ управлялъ дипломатической частью и руководилъ внѣшней политикой Россіи.

Хотя въ царствованіе Елисаветы не было произведено никакихъ коренныхъ государственныхъ реформъ, но зато было издано нѣсколько довольно важныхъ по своему значенію отдѣльныхъ законовъ. Такъ, было облегчено исполненіе населеніемъ воинской повинности; по указу императрицы, рекрутовъ стали брать ежегодно только съ одной пятой части государства. Были учреждены заемные банки, для дворянъ и купцовъ, съ дешевымъ кредитомъ (6% годовыхъ). Всего больше было сдѣлано для народнаго просвѣщенія. Графъ Иванъ Ивановичъ Шу-

валовъ основалъ въ 1755 году первый русскій университетъ — Московскій, съ двумя гимназіями при немъ (для дворянъ и разночинцевъ). Въ этомъ дѣлѣ Шувалову огромныя услуги оказалъ первый русскій ученый — знаменитый М. В. Ломоносовъ. Академія Наукъ была преобразована и расширена. При ней тоже былъ открытъ университетъ, просуществовавшій, впрочемъ, не долго. Въ столицахъ и крупнѣйшихъ городахъ были учреждены общеобразовательныя и спеціальныя учебныя заведенія.

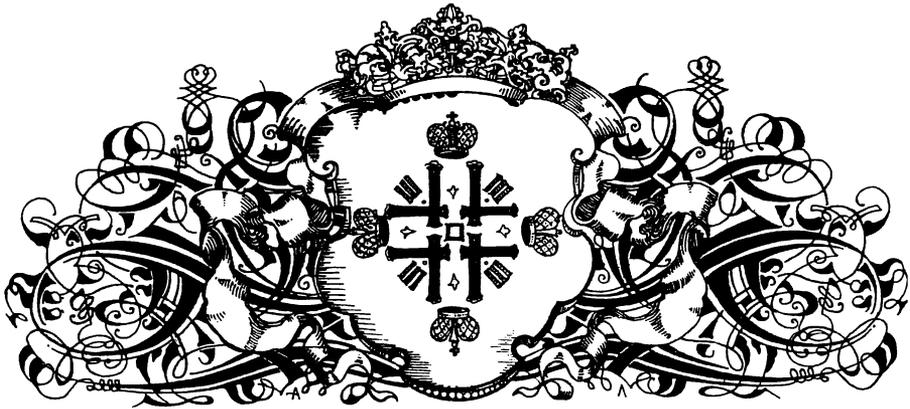
Въ царствованіе Елисаветы русское дворянство окончательно превратилось въ замкнутое привилегированное сословіе. Сенатъ разъяснилъ, что дворянство пріобрѣтается только происхожденіемъ, а не выслугой, какъ это было при Петрѣ Великомъ, и только потомственные дворяне могутъ владѣть населенными имѣніями, т.-е. крѣпостными крестьянами.

Изъ событій внѣшней политики въ царствованіе Елисаветы важнѣйшими были двѣ войны—съ Швеціей и Пруссіей. Первая война окончилась миромъ въ 1743 году, по которому Россія получила нѣкоторыя области Финляндіи. Война съ Пруссіей, или такъ называемая Семилѣтняя война, была вызвана стремленіемъ европейскихъ державъ остановить дальнѣйшее возвышеніе этого государства, достигшаго большихъ успѣховъ подъ управленіемъ короля Фридриха II Великаго. Россія примкнула къ образовавшемуся въ Европѣ союзу государствъ противъ Пруссіи и послала войска на западную границу. Въ 1760 г. русская армія дошла до Берлина и заняла его. Пруссія была на краю гибели. Но смерть императрицы Елисаветы прекратила борьбу Россіи съ Пруссіей. Преемникъ Елисаветы, императоръ Петръ III, былъ горячимъ поклонникомъ прусскаго короля Фридриха II. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ онъ прекратилъ военныя дѣйствія противъ Пруссіи и даже заключилъ съ этимъ государствомъ союзъ. Такимъ образомъ, своимъ участіемъ въ Семилѣтней войнѣ Россія понесла много жертвъ людьми и деньгами, но ничего за это не пріобрѣла, кромѣ военной славы.

1761—1762.

Петръ III Ѳеодоровичъ

(царствовалъ съ 25 декабря 1761 г до 28 июня 1762 г.).

Вступивъ на престолъ, Елисавета объявила наслѣдникомъ сына своей старшей сестры, Анны Петровны, герцога шлезвигъ-голштинскаго Карла-Петра-Ульриха. Въ возрастѣ 14 лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, принялъ православіе и сталъ брать уроки у русскихъ учителей. 25 августа 1745 г. 17-тилѣтній Петръ Ѳеодоровичъ вступилъ въ бракъ съ Ангальтъ-Цербстской принцессой Софьей-Августой-Фредерикой, перешедшей въ православіе подъ именемъ Екатерины Алексѣевны.

Будучи въ родствѣ одновременно съ шведскимъ и русскимъ царствующими домами, Петръ имѣлъ право и на шведскій и на русскій престолы. Сперва его готовили для Швеции. Но занятія герцога шли плохо, такъ какъ онъ былъ мало способенъ, и, кромѣ того, его воспитатель, гофмаршалъ Брюммеръ, не умѣлъ вести преподаванія. Поэтому, хотя Петръ изучалъ нѣсколько языковъ и другихъ предметовъ, но изъ нихъ почти ничего не усвоилъ. Мало того, онъ даже получилъ отвращеніе къ занятіямъ. Брюммеръ не считался съ малыми способностями своего воспитанника, и заставлялъ его учиться одними лишь наказаніями: стояніемъ на колѣняхъ, ударами хлыста и т. под. Поэтому,

пріѣхавъ въ Россію, Петръ удивилъ ограниченностью своихъ познаній хотя малообразованную, но умную императрицу Елисавету, которая и назначила къ нему лучшихъ русскихъ учителей. Но частыя болѣзни, а затѣмъ и бракъ помѣшали Петру получить достаточное образованіе. Онъ проявлялъ интересъ только къ военному дѣлу, и съ увлеченіемъ изучалъ тактику, фортификацію и т. п. предметы. Это увлеченіе вызывалось стремленіемъ молодого герцога во всемъ походить на знаменитаго въ то время

Графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій.

полководца, прусскаго короля Фридриха Великаго, передъ которымъ Петръ благоговѣлъ. Но къ Россіи Петръ не могъ привыкнуть, не любилъ ея и думалъ только о своихъ голштинскихъ офицерахъ и солдатахъ, которыхъ въ 1755 г. ему разрѣшили привезти въ Россію. Съ супругой наслѣдникъ престола скоро разошелся, а къ сыну Павлу, родившемуся въ 1754 году, былъ совершенно равнодушенъ.

Елисавета скоро поняла неспособность племянника къ правленію, но ничего не могла измѣнить, такъ какъ онъ былъ единственнымъ прямымъ потомкомъ Петра I.

25 декабря 1761 г. Петр III вступил на престол, и через несколько месяцев последовали две важные реформы: уничтожение Тайной Канцелярии, вдовавшей политическим преступлениям, и издание, 18 февр. 1762 г., манифеста „о вольности дворянской“.

Екатерина II въ мундирѣ Преображенскаго полка.

До Петра III население Россіи дѣлилось на три главныхъ класса: духовенство, дворянство и тяглыхъ людей. Первое служило государству совершеніемъ религиозныхъ обрядовъ и дѣлами духовнаго просвѣщенія, дворянство обязано было нести службу въ войскахъ и въ управленіи, а тяглые люди содержали государство

податями. По манифесту 1762 г., дворяне освобождались от личной обязательной службы, и могли, по своему желанію, или продолжать ее или выйти въ отставку, имѣли даже право уѣхать за границу и служить тамъ, получивъ только совѣтъ, „чтобы никто не дерзалъ безъ обученія наукъ дѣтей своихъ воспитывать“.

Но ни уничтоженіе Тайной Канцеляріи ни манифестъ дворянству не доставили Петру расположенія народа и высшаго общества. Императоръ раздражалъ русское національное чувство своей любовью къ Пруссіи и Голштиніи. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ онъ прекратилъ побѣдоносную для Россіи войну съ Пруссіей, начатую Елисаветой, возвратилъ прусскому королю всѣ сдѣланныя русскими войсками завоеванія и даже заключилъ съ нимъ союзъ. Такое примиреніе съ разбитымъ врагомъ вызвало общее недовольство Петромъ III. Впрочемъ, и отдѣльные классы народа считали себя обиженными. Духовенство было недовольно закрытіемъ домовыхъ церквей, а крестьяне говорили, что они были обязаны служить помѣщикамъ, пока тѣ служили государству; если же помѣщиковъ освободили отъ службы государству, то и крестьянъ должны освободить отъ службы помѣщикамъ. Гвардія была оскорблена тѣмъ предпочтеніемъ, которое Петръ оказывалъ голштинцамъ, называя гвардейцевъ янычарами. Вызывало общее осужденіе и отношеніе Петра къ своей супругѣ, которую онъ намѣревался заточить въ монастырь: Екатерину любили, и огорчались ея несчастливой супружеской жизнью.

Скоро среди придворныхъ явилась мысль лишить императора престола, который передать его способной супругѣ. Эта мысль нашла полное сочувствіе среди молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Во главѣ сторонниковъ Екатерины стали братья Орловы, Пассекъ и др. Они сумѣли привлечь и рядовыхъ гвардіи, такъ что скоро ручались за преданность Екатеринѣ свыше 10,000 чел.

Какъ ни хранили заговорщики свою тайну, Петръ все-таки узналъ о ней, но не обратилъ никакого вниманія на заговоръ. Между тѣмъ броженіе въ войскахъ усиливалось. Крѣпли и слухи о томъ, что Петръ намѣренъ развестись съ супругой и отослать ее за границу или заточить въ монастырь.

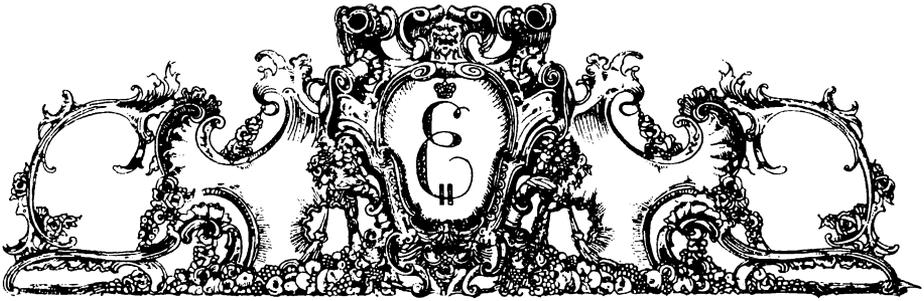
Незадолго до 29 іюня 1862 г. Петръ, жившій въ Ораніенбаумѣ, извѣстилъ Екатерину, что хочетъ отпраздновать свое тезоименитство у нея въ Петергофѣ. 27-го іюня былъ арестованъ одинъ изъ заговорщиковъ, Пассекъ. Опасаясь, что Пассекъ выдастъ всѣхъ, его единомышленники рѣшили дѣйствовать немедленно. На разсвѣтѣ 28-го Алексѣй Орловъ прискакалъ въ Петергофъ и увезъ Екатерину въ Петербургъ. Здѣсь Измайловскій полкъ первый присягнулъ императрицѣ, а его примѣру съ восторгомъ послѣдовали Семеновскій и Преображенскій полки. Окруженная войсками и народомъ, Екатерина прослѣдовала въ Казанскій соборъ, гдѣ ее встрѣтило высшее духовенство. Былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго Екатерину провозгласили самодержицей. 29-го іюня Петръ уже подписалъ отреченіе отъ престола, а 7 іюля внезапно скончался.

Такъ окончилось кратковременное царствованіе императора, оказавшагося неспособнымъ управлять огромной страной. Престолъ перешелъ къ его богато одаренной супругѣ, царствованіе которой явилось однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ русской исторіи.

1762—1796.

Екатерина II Великая

(царствовала съ 1762 г. до 1796 г.).

Екатерина родилась 21 апр. 1729 г. въ Штеттинѣ. Ея мать приходилась двоюродной сестрой отцу Петра III, а братъ матери былъ женихомъ Елисаветы Петровны, но скончался до бракосочетанія. Отецъ Екатерины, принцъ Ангальтъ-Цербстскій, былъ прусскимъ фельдмаршаломъ, но это званіе было пожаловано ему королемъ Фридрихомъ II только затѣмъ, чтобы доставить удовольствіе императрицѣ Елисаветѣ, покровительствовавшей родственникамъ своего племянника, Петра III.

Въ Штеттинѣ Екатерина провела и дѣтство. Воспитаніе ея было поручено случайнымъ гувернанткамъ и учителямъ, преподававшимъ Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, чистописаніе, музыку и танцы. Впослѣдствіи Екатерина съ уваженіемъ вспоминала учителя нѣмецкаго языка Вагнера и гувернантку Кардель, умную и добрую, по словамъ Екатерины, „знавшую многое, ничему не учившись“. Подъ вліяніемъ Кардель воспитанница познакомилась съ французской литературой.

Несмотря на недостаточное образованіе, Екатерина на многихъ производила впечатлѣніе развитой и многообѣщающей дѣвочки. Свои богатые природныя дарованія ей пришлось проявить вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, и она вполне сумѣла расположить къ себѣ всѣхъ, кому приходилось встрѣчаться съ ней.

Когда Елисавета Петровна выбрала Екатерину невѣстой для своего племянника Петра Ѳеодоровича, ей было всего 14 лѣтъ. 21 дек. 1743 г. ея мать получила отъ Брюммера письмо съ приглашеніемъ, отъ имени Елисаветы, пріѣхать съ дочерью въ Петербургъ. Въ письмѣ былъ намекъ и на цѣль пріѣзда. вмѣстѣ съ тѣмъ на путевые расходы изъ Петербурга было прислано 10,000 рублей. Родители Екатерины были очень обрадованы бракомъ будущаго русскаго императора съ ихъ дочерью. Затрудненіе вызвалъ только вопросъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія, но отецъ Екатерины, сначала убѣждавшій дочь не мѣнять вѣры, подъ конецъ уступилъ. Онъ написалъ для дочери рядъ наставленій, которыя и вручилъ ей передъ отъѣздомъ. Эти наставленія, немного бѣлая да еще четыре платья составляли все приданое Екатерины.

30 дек. 1743 г. Екатерина выѣхала, вмѣстѣ съ матерью, изъ Цербста. Съ этого дня она никогда больше не видѣла ни родины, ни отца и братьевъ. 3 февр. онѣ прибыли въ Петербургъ, а 6-го выѣхали въ Москву, гдѣ въ это время жила Елисавета вмѣстѣ съ дворомъ; въ Москвѣ онѣ были 9-го вечеромъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ, ихъ посѣтилъ самъ Петръ Ѳеодоровичъ, а вслѣдъ за нимъ явился камергеръ, передавшій отъ имени императрицы, что чѣмъ скорѣе онѣ будутъ у Ея Величества, тѣмъ пріятнѣе для нея. Миловидная принцесса всѣмъ при дворѣ очень понравилась, а сама Елисавета Петровна, по словамъ одного очевидца этой встрѣчи, была отъ Екатерины въ восхищеніи. Обѣ стороны остались довольны другъ другомъ, и вопросъ о бракосочетаніи принцессы съ Петромъ Ѳеодоровичемъ скоро былъ рѣшенъ. Уже черезъ 9 дней по пріѣздѣ въ Москву, мать Екатерины писала мужу, что отнынѣ ихъ дочь—невѣста будущаго русскаго царя.

День бракосочетанія не былъ назначенъ. Елисавета рѣшила прежде перевоспитать невѣсту для жизни въ Россіи. Къ принцессѣ назначили двухъ учителей: по русскому языку Ададурова, по Закону Божію Симона Тодорскаго. Екатерина проявила исключительное прилежаніе въ усвоеніи учебныхъ предметовъ. Русскій языкъ былъ для нея очень труденъ, и она настойчиво употребляла все свободное время на заучиваніе русскихъ словъ и фразъ; просыпаясь ночью, она повторяла то, что учила днемъ.

15-тилѣтняя дѣвушка твердо поставила себѣ цѣль сдѣлаться вполне русской и забыть свое нѣмецкое происхожденіе. Въ этомъ у Екатерины нельзя не видѣть удивительное для такихъ юныхъ лѣтъ пониманіе своего положенія и глубокую проникаемость.

При всякомъ удобномъ поводѣ Екатерина старалась показать свою любовь къ русскому языку, русскимъ обычаямъ и православной вѣрѣ. Особенно расположилъ всѣхъ слѣдующій случай. Въ мартѣ 1744 г. она простудилась и опасно заболѣла.

Императрица Екатерина II въ мундирѣ Преображенскаго полка.

Когда ея положеніе казалось безнадежнымъ, мать предложила ей пригласить лютеранскаго пастора. Но Екатерина пожелала видѣть только своего православнаго законоучителя, съ которымъ и бесѣдовала. По выздоровленіи, она стала брать уроки Закона Божія почти ежедневно, и 28 іюня 1745 г. было совершено ея присоединеніе къ православію, при чемъ она безъ малѣйшей запинки наизусть прочла православный символъ вѣры. 29-го она была обручена съ Петромъ Ѳеодоровичемъ и получила титулъ Императорскаго Высочества. Предстояло бракосочетаніе. Но въ началѣ 1745 г. великій князь захворалъ оспой.

Когда по выздоровленіи Екатерина увидѣла его, то едва узнала своего жениха: такъ его измѣнила болѣзнь, и физически и духовно. 21 авг. 1745 г. состоялось бракосочетаніе, отпразднованное съ небывалой пышностью. Торжества продолжались до 30 авг. и закончились спускомъ на Неву „дѣдушки русскаго флота“—ботика Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ этотъ знаменитый ботикъ ни разу уже не спускали на воду.

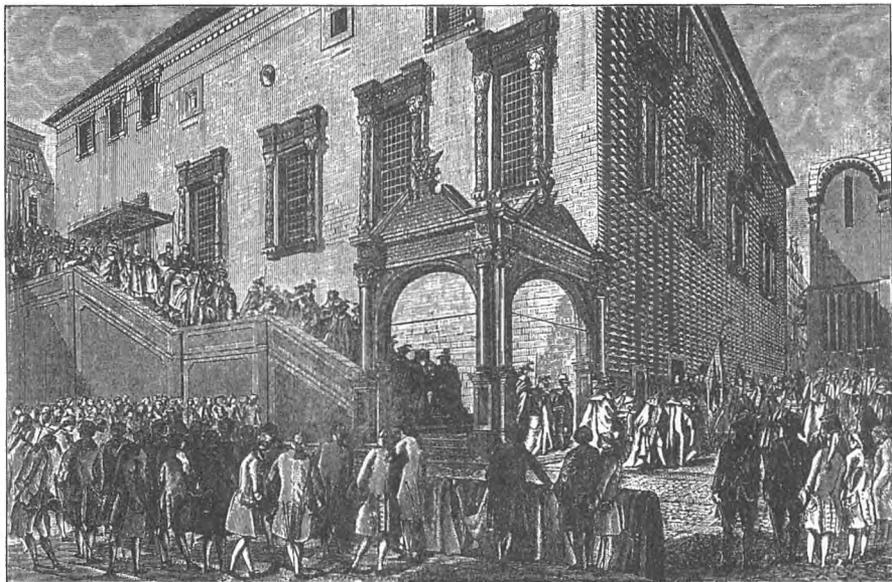
Черезъ мѣсяць послѣ бракосочетанія Екатерины, ея мать, съ богатыми подарками, уѣхала домой, и Екатерина осталась одна. Мужъ скоро совершенно охладѣлъ къ ней и даже сталъ чуждаться ея. У нея былъ особый дворъ, отдѣльный отъ двора императрицы Елисаветы. Жизнь молодой великой княгини проходила въ парадныхъ обѣдахъ, балахъ, маскарадахъ, ужинахъ, охотѣ и прогулкахъ верхомъ: въ первое время послѣ брака Екатерина еще не увлекалась чтеніемъ такъ серьезно, какъ впоследствии.

На десятомъ году супружества у Екатерины родился сынъ Павелъ. Елисавета тотчасъ же взяла ребенка отъ матери и сама занялась его воспитаніемъ, а Екатеринѣ даже рѣдко разрѣшали видѣть его.

Живя въ одиночествѣ, Екатерина стала проводить время въ чтеніи серьезныхъ книгъ. Она съ увлеченіемъ прочла римскаго писателя Тацита, французскаго — Монтескье и всѣ философскія сочиненія Вольтера. Книгу Монтескье „О духъ законовъ“ она называла „молитвенникомъ государей“, а свое уваженіе къ Вольтеру выразила впоследствии, уже будучи императрицей, тѣмъ, что пожертвовала, послѣ его смерти, 100.000 рублей на изданіе его сочиненій. Серьезное чтеніе сдѣлало Екатерину одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени и подготовило ее къ той великой роли, которая предстояла ей. Подъ вліяніемъ его она возвысилась надъ мелкими интересами придворной жизни и стала тяготиться балами, охотой, приѣмами и т. под., все свободное время посвящая самообразованію. Любовь къ труду и глубокой интересъ къ серьезнымъ вопросамъ жизни сохранились у ней до самой смерти. Ея превосходство надъ ограниченнымъ супругомъ всѣмъ бросалось въ глаза. Въ противоположность ему, это была женщина съ обширнымъ запасомъ знаній, упорной волей и рѣдкимъ умѣ-

ніемъ понимать людей и вліять на нихъ. Хотя въ царствованіе Петра III ея положеніе было крайне труднымъ и неестественнымъ, однако она умѣла такъ держать себя, что ничѣмъ не выдавала своего душевнаго состоянія. Тѣмъ не менѣе, всѣ хорошо понимали тягость ея жизни и искренно сочувствовали ей. Постепенно вокругъ нея образовался кружокъ преданныхъ людей, которые, къ общему восторгу, и возвели ее на престолъ.

Впрочемъ, первые мѣсяцы царствованія Екатерина не была

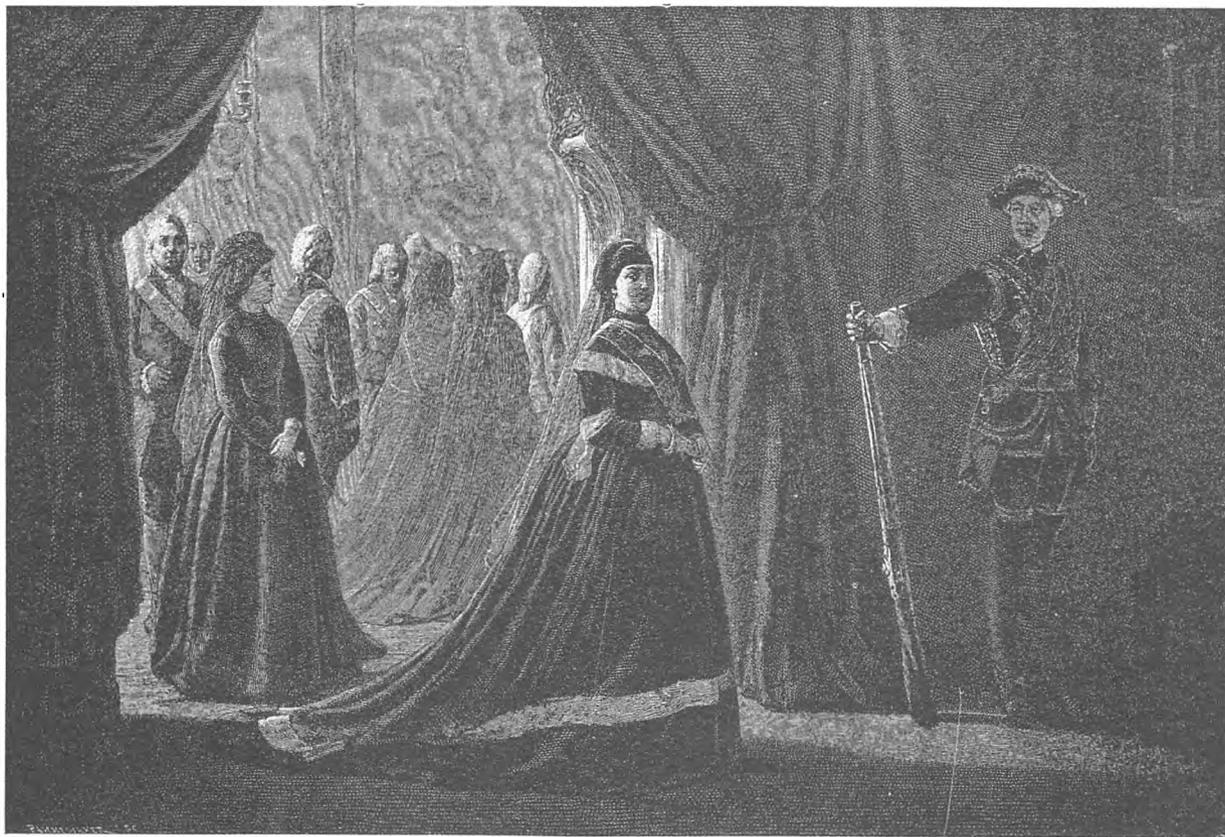
Коронація императрицы Екатерины II.

увѣрена въ прочности своего положенія: раздавались голоса, что власть должна принадлежать законному наслѣднику Петра III, Павлу, а его мать можетъ быть только регентшей. Понимая, что воцареніе Павла поведетъ къ повторенію того, что было при его отцѣ, Екатерина рѣшила сохранить власть за собой во что бы то ни стало. Чтобы придать своему правленію полную законность, она хотѣла даже вступить въ бракъ съ бывшимъ императоромъ Іоанномъ VI, освобожденнымъ, по ея повелѣнію, изъ Шлиссельбургской крѣпости. Но повидавъ его, отказалась отъ этого намѣренія, и рѣшила предоставить будущее естественному

ходу событій, стараясь лишь направить послѣднія въ свою пользу. Ея мудрое управленіе государствомъ скоро заставило умолкнуть голоса всѣхъ недовольныхъ переходомъ престола къ ней.

Екатерина начала царствованіе отмѣной многихъ распоряженій Петра III. Домовыя церкви были открыты, вербовка охотниковъ въ голштинскія войска отмѣнена, монастырямъ возвращены недвижимыя имущества. Эти мѣры вызвали общее расположеніе къ Екатеринѣ. Впрочемъ, духовенство скоро осталось недовольно рѣшеніемъ, принятымъ Екатериной относительно монастырскихъ земель. Въ то время монастыри были крупнѣйшими землевладѣльцами; пользуясь всякими льготами, полученными въ разное время, они уклонялись отъ государственнаго обложенія. Назначенная императрицей комиссія составила особое „Положеніе о монастырскихъ имѣніяхъ“, согласно которому содержаніе монастырей государство приняло на себя, а архіереямъ и церковнослужителямъ назначило жалованье. Всѣ доходы, поступавшіе съ монастырскихъ имѣній, за вычетомъ суммъ на содержаніе монастырей и жалованье архіереевъ и церковнослужителей, перешли въ распоряженіе „Коллегіи экономіи“, употреблявшей эти средства на содержаніе больницъ, училищъ и на пенсіи престарѣлымъ чиновникамъ. Ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ, считавшій духовную власть выше свѣтской, рѣзко протестовалъ противъ распоряженія правительства церковными имуществами, и позволилъ себѣ грубо порицать императрицу. За это его лишили монашескаго сана и сослали въ Ревельскую крѣпость.

Важнѣйшимъ событіемъ первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II былъ созывъ комиссіи для составленія проекта новыхъ законовъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка русскіе суды все еще пользовались стариннымъ собраніемъ законовъ, Соборнымъ Уложеніемъ Алексѣя Михайловича, составленнымъ въ 1649 г. Между тѣмъ, жизнь ушла впередъ; многія статьи Соборнаго Уложенія устарѣли; многое въ Уложеніи совсѣмъ не было предусмотрено. По словамъ самой Екатерины, она вскорѣ по вступленіи на престолъ поняла изъ дѣлъ разныхъ учреждений и изъ личныхъ бесѣдъ, что въ Россіи на многіе случаи совсѣмъ нѣтъ соответствующихъ законовъ. Поэтому она рѣшила создать, для составленія проекта новаго Уложенія, особую комиссію изъ предста-

Императрица Екатерина II у гроба Елисаветы.

Карт. Н. Н. Ге.

вителей всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ, относительно которыхъ предполагалось, что они будутъ представлены своими помѣщиками. По плану Екатерины, комиссія должна была выработать проектъ новыхъ законовъ, которые поступятъ сначала на разсмотрѣніе Сената и коллегій, а потомъ на утвержденіе государыни. Въ руководство комиссіи Екатерина составила знаменитый „Наказъ“, въ которомъ она, по собственному выраженію, „обобрала для пользы двадцати милліоновъ“ книгу Монтескье. „Наказъ“ говоритъ о законности, объ отношеніи между закономъ и нравственностью, о вредѣ жестокихъ наказаній и пытокъ, „о рукодѣліи [т.-е. ремеслахъ] и торговлѣ“, о необходимости справедливаго распредѣленія государственныхъ повинностей между подданными и т. д. Въ первоначальной редакціи „Наказа“ довольно рѣшительно высказывалась мысль о вредѣ крѣпостнаго права, но потомъ, по совѣту нѣкоторыхъ приближенныхъ, императрица многое вычеркнула и не поставила вопроса о крѣпостномъ правѣ прямо. Весь „Наказъ“ проникнутъ однако самыми возвышенными идеями, казавшимися въ то время настолько опасными, что, на примѣръ, во Франціи произведеніе Екатерины было запрещено какъ революціонное.

30 іюля 1767 г. комиссія торжественно, въ присутствіи императрицы, была открыта въ Москвѣ. Послѣ присяги депутаты были пожалованы къ рукѣ, затѣмъ послѣдовало избраніе „маршала“ (предсѣдателя) и членовъ отдѣльныхъ комиссій, послѣ чего былъ прочитанъ „Наказъ“. По свидѣтельству очевидцевъ, чтеніе его произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Большинство членовъ плакало отъ умиленія, въ особенности послѣ словъ: „Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ болѣе справедливъ и, слѣдовательно, болѣе процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено—несчастіе, до котораго дожить я не желаю“. Восхищенное собраніе рѣшило поднести императрицѣ титулъ Великой, Премудрой и Матери Отечества. Когда, 12 августа, депутация представилась съ этой цѣлью Екатеринѣ, императрица сказала: „Отвѣтствую: на Великая — о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомству безпристрастно судить, Премудрая—никакъ себя таковою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ, и Матерь Отечества—любитъ Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ

я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе“.

Хотя комиссія горячо принялась за дѣло, а императрица живо интересовалась ея занятіями, однако проектъ новаго Уложенія не былъ составленъ, и черезъ два года комиссія была распущена. Неуспѣхъ работъ объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ опытныхъ руководителей, неподготовленностью членовъ комиссіи къ законодательству, а также ихъ взаимной рознью. Но все же комиссія имѣла важное значеніе, такъ какъ

Графъ Румянцевъ-Задунайскій.

члены ея ознакомили Екатерину съ мнѣніями и желаніями русскаго общества, дали ей, по ея собственнымъ словамъ, „свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“. Императрица воспользовалась этими свѣдѣніями при осуществленіи крупнѣйшихъ реформъ, касавшихся губернскихъ учрежденій и сословій.

Внѣшнимъ поводомъ для прекращенія работы комиссіи явилась турецкая война. Вообще, вопросы внѣшней политики играли въ царствованіе Екатерины II важнѣйшую роль, нерѣдко заслоняя собой заботы императрицы о внутреннихъ дѣлахъ государства.

Однимъ изъ такихъ внѣшнихъ вопросовъ были отношенія Россіи съ Польшей. Внутреннее состояніе послѣдней было таково, что со дня на день можно было ожидать ея распаденія и раздѣла между сосѣдними государствами. Еще въ началѣ царствованія Екатерины графъ Чернышовъ подалъ императрицѣ записку, въ которой доказывалъ необходимость воспользоваться переменой короля на польскомъ престолѣ и занять тѣ польскія области, которыя нѣкогда принадлежали Россіи. Когда въ 1764 г. умеръ король Августъ II, русское правительство содѣйствовало избранію на престолъ сторонника Россіи, Станислава Понятовскаго, а когда послѣдній получилъ польскую корону, Россія стала вмѣшиваться въ его управленіе, противъ чего онъ не могъ бороться. Въ 1768 г. русское вліяніе въ Польшѣ достигло высшей степени, но затѣмъ оно было задержано начавшейся войной съ Турціей, которая въ то время считалась опаснымъ врагомъ, и поляки были увѣрены въ пораженіи Россіи. Поэтому они заявили, что начавшаяся война измѣняетъ всѣ прежнія обязательства и обѣщанія относительно Россіи. Тогда Екатерина рѣшила прежде покончить съ Турціей.

Въ началѣ 1769 г. противъ Турціи были отправлены двѣ арміи: первая, въ 80.000 чел., подъ начальствомъ князя А. М. Голицына, и вторая, въ 40.000, подъ начальствомъ графа П. А. Румянцева. Голицынъ овладѣлъ Хотиномъ, но вскорѣ былъ отозванъ, а его армія ввѣрена Румянцеву, которому Екатерина отправила такое письмо: „Не спрашивали римляне, когда гдѣ ихъ было два или, много, три легіона, въ какомъ числѣ противъ нихъ непріятель, но гдѣ онъ?—наступали на него и поражали, и не многочисліемъ своего войска побѣждали многособранныя противъ нихъ толпы. А мы—русскіе. Милости Божескія за правоту нашу въ сей войнѣ съ нами. Я васъ имѣю надъ войскомъ командиромъ. Храбрость войскъ извѣстна. Итакъ, я, о благополучнѣйшихъ успѣхахъ моля Всевышняго, надѣюсь на Его покровительство“.

7 іюля 1770 г. Румянцевъ, всего съ 23.000 чел., разбилъ на берегахъ р. Ларги 80.000 армію крымскаго хана, союзника Турціи. За эту побѣду онъ былъ награжденъ только что учрежденнымъ тогда орденомъ Георгія I степени, ставъ первымъ кавалеромъ этого ордена. Вскорѣ онъ одержалъ вторую, еще болѣе

блестящую побѣду. Узнавъ о поражении хана, визирь переправилъ свою армію черезъ Дунай и подошелъ къ р. Кагулу. У него было 150.000 чел., а у Румянцева только 20.000. Несмотря на такой перевѣсъ силъ противника, Румянцевъ напалъ на армію визиря и совершенно разсѣялъ ее. Объ этой побѣдѣ онъ писалъ Екатеринѣ: „Да позволено мнѣ будетъ, всемилостивѣйшая государыня, настоящее дѣло уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ, коимъ Ваше Императорское Величество велѣли мнѣ подражать: не такъ ли армія Вашего Императорскаго Величества теперь поступаетъ, когда не спрашиваетъ, какъ великъ непріятель, а ищетъ только, гдѣ онъ“. Армія боготворила Румянцева. Когда онъ объѣзжалъ полки и благодарилъ за побѣду, ему кричали:

— Ты прямой солдатъ!..

Столь же побѣдоносно было русское оружіе и на морѣ: 26-го іюня русская эскадра уничтожила въ Чесменской бухтѣ турецкій флотъ. Но все-таки война продолжалась еще 4 года. Въ 1771 г. кн. Долгоруковъ проникъ съ арміей въ Крымъ и заставилъ татаръ отложиться отъ Турціи, а вскорѣ послѣ этого Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи. Наконецъ, 10 іюля 1774 г. въ дер. Кучукъ-Кайнарджи былъ подписанъ миръ. Россія получила Азовъ, Керчь, Еникале, Кинбурнь, земли въ Кабардѣ, широкія торговыя льготы и 4½ милл. руб. контрибуціи.

Во время турецкой войны Россія переживала тяжелыя внутреннія затрудненія: чуму въ Москвѣ и Пугачевскій бунтъ.

Чума была занесена въ Москву съ юга. Она началась въ февралѣ 1771 г. среди рабочихъ одной суконной фабрики, которая получала шерсть съ юга. Испуганные невиданной болѣзью, рабочіе разсѣялись по городу и разнесли заразу. Скоро смертность отъ чумы достигла огромныхъ размѣровъ: лѣтомъ умирало по 200 чел. въ день, а осенью до 1000 чел. Борьба съ ужасной болѣзью казалась невозможной: способы ея лѣченія были неизвѣстны, да и докторовъ въ Москвѣ было въ то время не больше десяти человекъ. Чтобы предохранить себя отъ чумы, жители нюхали чеснокъ, деготь и уксусъ, но никакихъ предохранительныхъ мѣръ противъ болѣзни не принимали, не зная даже того, что можно заразиться отъ умершаго и его вещей. Покойниковъ хоронили въ самомъ городѣ, около церквей, въ наскоро

вырытыхъ неглубокихъ могилахъ. Многіе стали уѣзжать изъ Москвы въ провинцію, чтобы спастись отъ чумы, а простой народъ собирался толпами у Варварскихъ воротъ, гдѣ, для исцѣленія отъ болѣзни, служились молебны передъ образомъ Боголюбской Божіей Матери. Архіепископъ Амвросій, понимая, что скопленіе народа въ одномъ мѣстѣ способствуетъ распространенію заразы, запретилъ молебны. Тогда въ городѣ вспыхнулъ бунтъ черни (15 сент. 1771 г.), во время котораго Амвросій былъ убитъ. Толпа пошла въ Кремль требовать уничтоженія карантинныхъ и запрещенія лѣкарямъ „морить народъ“. Войска съ трудомъ разсѣяли ее.

Узнавъ о происходящемъ въ Москвѣ, Екатерина собралась сама поѣхать, чтобы успокоить народъ. Но ее отговорили отъ этого, и она послала графа Г. Г. Орлова, который быстро и энергично возстановилъ порядокъ въ Москвѣ. Особое вниманіе онъ обратилъ на санитарное состояніе города, и прежде всего запретилъ хоронить умершихъ внутри города, около церквей. Благодаря принятымъ Орловымъ мѣрамъ, болѣзнь скоро пошла на убыль, а потомъ и совсѣмъ прекратилась. Но число ея жертвъ было очень велико: Екатерина писала Гримму, что, по ея свѣдѣніямъ, въ Москвѣ отъ чумы умерло не менѣе 100.000 чел.

Почти одновременно съ чумой возникъ извѣстный Пугачевскій бунтъ. Онъ начался въ юго-восточныхъ областяхъ Россіи, населенныхъ инородцами и казаками. Послѣдніе были недовольны правительствомъ, которое стало измѣнять ихъ устройство и вооруженіе, а кромѣ того, лишило ихъ нѣкоторыхъ вольностей. Они отказались повиноваться властямъ и убили генерала Траубенберга. Скоро къ казакамъ примкнули крестьяне, недовольные своимъ крѣпостнымъ положеніемъ, а затѣмъ и старообрядцы. Во главѣ мятежнаго движенія сталъ Емельянъ Пугачевъ.

Донской казакъ по происхожденію, Пугачевъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, былъ въ Польшѣ и служилъ въ турецкомъ походѣ. По возвращеніи домой онъ пытался устроить побѣгъ изъ тюрьмы одного своего родственника, но побѣгъ не удался, и Пугачевъ былъ арестованъ. Онъ самъ бѣжалъ и нѣсколько лѣтъ скитался въ Южной Россіи, стараясь набрать шайку казаковъ и уйти съ ней для разбоевъ на Кубань. Въ 1772 году

въ Яицкомъ городкѣ онъ услышалъ разсказъ о томъ, что императоръ Петръ III живъ. У него скоро явился дерзкій замыселъ назвать себя Петромъ Ѳеодоровичемъ и поднять народъ противъ правительства. Черезъ короткое время вокругъ него собралось много казаковъ, недовольныхъ властями и ожидавшихъ только случая къ мятежу. 17 сент. 1773 г. Пугачевъ выпустилъ отъ имени Петра III манифестъ, въ которомъ жаловалъ казаковъ землями и рыбными ловлями, а раскольниковъ—крестомъ и бородою. Шайка Пугачева овладѣла Яицкимъ городкомъ, а затѣмъ

Емельянъ Пугачевъ.

двинулась по среднему теченію Урала, захватывая укрѣпленія и поселки, грабя помѣщичьи усадьбы и беспощадно убивая дворянъ. Въ октябрѣ она уже осадила Оренбургъ.

Получивъ извѣстія о бунтѣ казаковъ, среди которыхъ появился самозванецъ Пугачевъ, Екатерина отнеслась къ мятежу очень серьезно. Противъ Пугачева былъ посланъ сначала генералъ Каръ, который, впрочемъ, встрѣтивъ подъ Оренбургомъ превосходныя силы казаковъ, поспѣшно отступилъ, а потомъ, подъ предлогомъ болѣзни, уѣхалъ въ Москву. За это его исключили со службы, а на его мѣсто назначили генерала А. И. Би-

бикова. Послѣдній поѣхалъ въ Казань и тамъ сразу убѣдился, что мятежъ принялъ очень опасныя размѣры; однако онъ не растерялся: успокоивъ испуганное населеніе, сталъ собирать войска для борьбы съ Пугачевымъ.

Въ мартѣ 1774 г. кн. Голицынъ нанесъ самозванцу полное пораженіе, слѣдствіемъ котораго было освобожденіе Оренбурга и бѣгство Пугачева на уральскіе заводы. Но шайки мятежниковъ и послѣ этого пораженія представляли такую силу, съ которой населеніе не могло бороться безъ помощи войскъ. Къ несчастію, 9 апрѣля 1774 г. Бибиковъ умеръ отъ переутомленія, и его смерть дала возможность Пугачеву оправиться. Онъ тотчасъ же повернулъ съ Урала на западъ и напалъ на Казань, которую мятежники разграбили, а потомъ сожгли. Но здѣсь же ихъ настигъ полк. Михельсонъ и разсѣялъ. Черезъ нѣсколько дней, оправившись отъ потерь, Пугачевъ самъ напалъ подъ Казанью на Михельсона, но опять былъ разбитъ. Съ оставшимися 3—4 тысячами самозванецъ переправился на правый берегъ Волги и пошелъ на западъ, а затѣмъ спустился къ югу, грабя и сжигая на своемъ пути помѣщичьи усадьбы и убивая ихъ владѣльцевъ. Города: Цивильскъ, Курмышъ, Алатырь, Саранскъ, Пенза и Саратовъ были имъ совершенно разорены. Но близъ Царицына его опять настигъ полк. Михельсонъ и окончательно уничтожилъ мятежниковъ. Самъ Пугачевъ пытался бѣжать въ степи, но былъ выданъ сообщниками и 1 сент. 1774 г. привезенъ въ Симбирскъ, а затѣмъ отправленъ въ Москву.

Слѣдствіе о бунтѣ и судъ производила особая высшая судебная комиссія, назначенная императрицей. Пугачевъ и пять главнѣйшихъ его сообщниковъ были приговорены къ смертной казни, 25 человекъ къ наказанію плетями и къ ссылкѣ въ казачью службу. 10 января 1775 г. въ Москвѣ состоялась казнь Пугачева. По секретному повелѣнію императрицы, его четвертовали не обычнымъ способомъ, а менѣ жестокимъ, именно, отсѣкли ему руки и ноги не до обезглавленія, а послѣ него.

Императрица отнеслась къ населенію мятежныхъ губерній милостиво: раскаявшіеся получили прощеніе, недоимки были отсрочены, и даже подати за 1774 г. собирались только за треть года; на выдачу пособій пострадавшимъ былъ отпущенъ 1 милл. руб.

Пугачевский бунт (судь Пугачева).

Карт. В. Г. Перова.

Незадолго до Пугачевского бунта, въ 1772 г., былъ произведенъ первый раздѣлъ Польши, въ которомъ участвовали Австрія, Пруссія и Россія, получившая Бѣлоруссію. Позже, въ 1793 и 1795 гг., произошли второй и третій раздѣлы Польши, неспособной къ самостоятельной государственной жизни; при нихъ Россіи достались Литва, Курляндія и области, искони считавшіяся русскими. На югѣ Екатерина продолжала дѣятельно готовить присоединеніе Крыма, въ связи съ чѣмъ возникъ „греческій проектъ“, сильно занимавшій императрицу до самой смерти: имѣлось въ виду изгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію, подъ управленіемъ второго внука императрицы, вел. кн. Константина Павловича. Однако, какихъ-либо серьезныхъ шаговъ къ осуществленію этого проекта не было сдѣлано, и состоялось только присоединеніе Крыма.

Такъ какъ ханъ Шагинъ-Гирей не могъ удерживать своихъ подданныхъ отъ нападений на южныя русскія границы, а раздоры партій въ самомъ Крыму могли повлечь захватъ его Турціей, то Екатерина рѣшила воспользоваться слабостью хана и присоединить его царство къ Россіи, что и было сдѣлано безъ особыхъ усилій. Турція покорно примирилась съ уничтоженіемъ крымскаго ханства.

Въ 1787 г. императрица рѣшила посѣтить пріобрѣтенный богатый край, и въ сопровожденіи блестящей свиты 2 января выѣхала изъ Петербурга. Путь лежалъ черезъ Кіевъ, куда царскій поѣздъ прибылъ 29 января. Здѣсь Екатерина прожила почти три мѣсяца, окруженная высшими сановниками и иностранными послами. Сюда же со всей Европы пріѣхало много знатныхъ иностранцевъ, стремившихся увидѣть знаменитую государыню. 22 апрѣля императрица и ея свита на богато украшенныхъ судахъ выѣхали изъ Кіева внизъ по Днѣпру, а черезъ три дня къ нимъ присоединился польскій король Станиславъ-Августъ. Плаваніе по Днѣпру оставило у всѣхъ путешественниковъ самое пріятное впечатлѣніе. Къ берегамъ рѣки собиралось окрестное населеніе и восторженными кликами привѣтствовало проходившія суда.

Близъ Херсона Екатерину встрѣтилъ австрійскій императоръ Іосифъ, приглашенный къ участію въ путешествіи въ Крымъ. Въ Херсонѣ же Екатерина осматривала крѣпость и

флотъ, положившій начало черноморскому флоту и созданный трудами „устроителя Новороссіи“, кн. Г. А. Потемкина. 22 мая высокіе путешественники прибыли въ Севастополь. Природа Крыма произвела на императрицу чарующее впечатлѣніе. На обратномъ пути изъ Севастополя она посѣтила Байдарскую долину, Бахчисарай и Симферополь и возвратилась въ Петербургъ 11 іюля.

Путешествіе русской государыни, сопровождавшееся свиданіями съ австрійскимъ и польскимъ королями, возбудило въ Ев-

Князь Г. А. Потемкинъ.

ропѣ много разнообразныхъ толковъ. Но всего больше впечатлѣнія оно произвело въ Турціи, гдѣ его поняли какъ предвѣстникъ дальнѣйшаго расширенія Россіи на югѣ на счетъ турецкихъ владѣній. Чтобы предупредить дѣйствія Россіи, султанъ, приказавъ заключить русскаго посла въ Семибашенный замокъ, первый объявилъ войну. Вторая турецкая война покрыла русское оружіе новой славой. Непобѣдимый Суворовъ разбилъ турокъ сперва подъ Фокшанами (20 іюля 1789 г.), затѣмъ при Рымникѣ (5 авг. 1789 г.) и взялъ неприступную крѣпость Измаиль. Турки были вынуждены просить мира, и 29 дек. 1791 г.

онъ былъ подписанъ въ Яссахъ. Россія получила г. Очаковъ и всю прилегающую къ нему область.

Войны не мѣшали императрицѣ трудиться и надъ внутреннимъ устройствомъ государства. Такъ, въ 1775 г. были изданы „Учрежденія для управленія губерній“.—Прежнее дѣленіе губерній на провинціи, а провинцій на уѣзды, носило случайный характеръ, такъ что, напр., въ Московской губерніи было 2½ милл. жителей, а въ Архангельской—меньше ½ милл. Екатерина опредѣлила количество населенія для губерній въ 300—400 тыс.,

Графъ А. В. Суворовъ.

а для уѣзда въ 20—30 тыс. Въмѣсто прежнихъ 20 губерній, въ 1795 г. было образовано уже 50.

Самое управленіе губерній и уѣздовъ тоже было измѣнено: къ участию въ немъ было призвано мѣстное населеніе, главнымъ образомъ, дворянство, первенствующее значеніе котораго было закрѣплено Жалованной грамотой 1785 года. Екатерина ясно сознавала вредъ крѣпостного права, но была бессильна бороться съ нимъ, такъ какъ оно составляло основу дворянскаго землевладѣнія и всѣхъ государственныхъ повинностей.

Не мало сдѣлала императрица и для народнаго просвѣщенія. Петръ Великій смотрѣлъ на образованіе лишь съ точки зрѣнія его практической пользы, и поэтому больше всего цѣнилъ прикладныя науки. Напротивъ, Екатерина придавала образованію воспитательное значеніе, въ смыслѣ развитія человѣческой личности. Она часто говорила: „ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе“. Она намѣревалась „произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей“. По плану императрицы, созданіе „новой породы“ людей должны были производить училища, находящіяся подъ руководствомъ опытныхъ воспитателей, и притомъ при полномъ разобщеніи учащихся отъ семьи. Такой способъ воспитанія и былъ примѣненъ въ Петербургскомъ и Московскомъ Воспитательныхъ домахъ, въ закрытыхъ институтахъ для дѣвицъ дворянъ и горожанъ и въ кадетскихъ корпусахъ. Кромѣ этихъ учебныхъ заведеній, въ провинціи было основано много Малыхъ и Главныхъ народныхъ училищъ.

Въ личной жизни императрицы Екатерины отражались тѣ же качества ея характера, которыя положили такой глубокой отпечатокъ на государственную дѣятельность этой замѣчательной женщины: трудолюбіе, порядокъ и благожелательность въ отношеніяхъ къ людямъ. Съ сентября до половины мая императрица жила въ Петербургѣ, а остальное время въ Царскомъ Селѣ. Она очень любила садоводство, и лѣтомъ посвящала свободное время уходу за цвѣтами и рѣдкими растеніями. Вставая всегда въ 6 час. утра, она выпивала нѣсколько чашекъ крѣпкаго кофе и садилась за работу: писала письма, обдумывала государственные вопросы и т. под. Въ 9 час. начинались доклады сановниковъ, а затѣмъ государыня работала съ статсъ-секретарями, представлявшими на ея усмотрѣніе важнѣйшія государственныя дѣла, на которыхъ императрица дѣлала собственноручныя резолюціи. Въ полдень она отпускала секретарей и начинала свой туалетъ. Надѣвъ парадное платье, Екатерина переходила въ дворцовую парикмахерскую, гдѣ и заканчивала свой туалетъ уборомъ головы. Быть въ этотъ часъ у государыни считалось высокой честью, которой удостоивались лишь немногія, наиболѣе приближенныя лица. Въ 1 ч. дня Екатерина садилась за обѣдъ, во время котораго играла музыка. Столъ императрицы былъ

простой, и кушала она очень мало. Послѣ обѣда Екатерина выѣзжала на прогулку, иногда прерывая ее посѣщеніемъ кого-либо изъ представителей высшаго столичнаго общества, а также довольно часто заѣзжая въ Смольный институтъ.

Около 6 час. вечера во дворцѣ нерѣдко собирались такъ называемые куртаги [т.-е. журфиксы], на которые приглашались наиболѣе приближенные къ государынѣ лица, съ семействами. На такихъ куртагахъ всегда играла музыка, молодежь танцевала и веселилась, а императрица или запросто бесѣдовала

Ив. Ив. Бецкій,
ближайшій сотрудникъ Екатерины II въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія
и благотворительности.

съ кѣмъ-нибудь или играла въ карты, въ шахматы, иногда на бильярдѣ. Часто вмѣсто куртаговъ во дворцѣ давались оперные, драматическіе и балетные спектакли. На всѣхъ собраніяхъ въ присутствіи Екатерины неизмѣнно царили искреннее веселье, свобода и простота, при чемъ сама государыня обладала замѣчательнымъ искусствомъ поддерживать непринужденный тонъ такихъ собраній. Въ 10 час. вечера Екатерина прощалась съ присутствовавшими и удалялась во внутренніе покои, а въ 11 час. была уже въ постели.

Императрица обладала поразительной трудоспособностью.

Всѣ дѣла она разсматривала сама, и большинство изданныхъ въ ея царствованіе государственныхъ актовъ составлено и написано ею собственноручно. Она часто говорила, что уже одинъ видъ пера и бумаги вызываетъ въ ней сильнѣйшее желаніе писать. И дѣйствительно, Екатерина оставила обширное литературное наслѣдство. Одни только ея произведенія по общей литературѣ изданы въ 12 томахъ, переписка съ разными лицами содержитъ 4000 листовъ; бумаги, относящіяся къ составленію „Наказа“, около 1000 листовъ и т. д. Статьи, комедіи, оперы и рассказы, написанные императрицей, показываютъ, что она обладала крупнымъ для своего времени талантомъ писательницы. Она начала также писать русскую исторію и составлять сравнительный словарь разныхъ языковъ.

Екатерина обладала большимъ государственнымъ умомъ. Выше всего ставя счастье и достоинство Россіи, она во время турецкой войны писала Вольтеру: „Благодаря этой войнѣ, узнаютъ Россію, увидятъ, что это народъ храбрый, неутомимый, что въ немъ много выдающихся людей, съ качествами, которыя создаютъ героев“. А въ 1791 г. она писала Гримму о Россіи: „это государство сдѣлало для меня чрезвычайно много, и я думаю, что всѣ мои собственныя способности, неустанно направленные на его пользу, благо и высшіе интересы, едва ли достаточны, чтобы я могла расплатиться съ нимъ“.

Въ послѣдній годъ царствованія императрица была сильно огорчена несостоявшимся бракосочетаніемъ своей любимой внучки, Александры Павловны, съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV. Въ связи съ преклоннымъ возрастомъ эта семейная непріятность сильно повліяла на ея здоровье, которое стало быстро ухудшаться, и 4 ноября 1796 г. маститую императрицу поразилъ ударъ. Не приходя послѣ него въ сознаніе, Екатерина Великая скончалась вечеромъ 6-го ноября 1796 года.

1796—1801.

Павель Петровичъ

(царствовалъ съ 1796 г. до 1801 г.).

7 окт. 1754 г. императрица Елисавета издала слѣдующій манифестъ:

„Всемогущему Господу Богу благодареніе. Наша вселюбезнѣйшая племянница, Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, отъ имѣвшаго бремени благополучное разрѣшеніе получила, и дароваль Богъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ первороднаго сына, а намъ внука Павла Петровича, что учинилось минувшаго сентября въ 20 день“.

Рожденіе Павла Петровича вызвало въ Россіи всеобщее ликование, такъ какъ онъ продолжалъ династію, которой, за отсутствіемъ мужескаго потомства, грозило пресѣченіе. „Въ городѣ и въ имперіи была великая радость по случаю этого событія“, говоритъ Екатерина. Торжественныя празднества въ честь новорожденнаго слѣдовали одно за другимъ. Графъ И. И. Шуваловъ далъ балъ, продолжавшійся 2 сутокъ непрерывно.

Воспитаніе Павла взяла на себя сама Елисавета. Она окружила внука няньками и мамками, слѣдившими за тѣмъ, чтобы ребенокъ не простудился, не ушибся и не шалилъ. Такое тепличное воспитаніе привело къ тому, что впоследствии Павель часто хворалъ и на всю жизнь остался слабымъ. Екатерину допускали

къ сыну очень рѣдко: въ теченіе года послѣ рожденія Павла, она видѣла его только три или четыре раза. Няньки, очень боявшіяся Елисаветы, напугали ребенка такъ, что при появленіи бабки онъ трясся отъ страха, а иногда падалъ въ обморокъ. Поэтому Елисавета почти перестала навѣщать его.

Когда Павлу пошелъ пятый годъ, наставникомъ къ нему назначили Θεодора Дмитріевича Бехтѣева, который началъ обучать мальчика грамотѣ, а вскорѣ послѣ этого назначили и гофмейстера: Никиту Ивановича Панина, остававшагося при Павлѣ до его вступленія въ бракъ. Панинъ представилъ Елисаветѣ „записку“ о воспитаніи Павла Петровича, которая императрицейъ была одобрена. Несмотря на то, что Панинъ старался окружить великаго князя лучшими преподавателями, воспитаніе и обученіе наслѣдника шло неудовлетворительно. Характерно, что изъ программы занятій было устранено все, имѣющее отношеніе къ военному дѣлу, что впослѣдствіи не помѣшало Павлу страстно увлечься именно военнымъ дѣломъ. Великій князь изучалъ исторію, географію, ариѳметику, геометрію, астрономію, физику, рисованіе, фехтованіе, Законъ Божій и языки: русскій, французскій, нѣмецкій, италіанскій, латинскій. Съ 14 лѣтъ его начали знакомить съ юридическими науками и съ государственнымъ управленіемъ. Но, подобно отцу, Павелъ, не обладалъ способностью къ отвлеченному мышленію, и чувствовалъ одно лишь отвращеніе къ юридическимъ наукамъ.

Вступивъ на престолъ, Екатерина стала больше интересоваться воспитаніемъ сына. Этотъ интересъ и сердечную привязанность къ Павлу она сохранила почти до его совершеннолѣтія, когда между матерью и сыномъ зародилась взаимная неприязнь, продолжавшаяся до самой смерти Екатерины, хотя въ дѣтствѣ и отрочествѣ Павелъ очень любилъ мать.

20 сентября 1772 г. Павлу исполнилось 18 лѣтъ, и съ этого дня онъ сталъ считаться совершеннолѣтнимъ. Можетъ быть, именно въ это время началась и окрѣпла та неприязнь Павла къ матери, источникомъ которой была внушенная ему нѣкоторыми лицами мысль, что онъ имѣетъ больше правъ на престолъ, нежели его мать. Екатерина, знавшая, что у Павла есть сторонники, намѣренно ничѣмъ не ознаменовала совершеннолѣтія сына.

Въ 1773 г. Павелъ вступилъ въ бракъ съ гессенъ-дармштадской принцессой Вильгельминой, принявшей православное имя Натальи Алексѣевны. Но супружеское счастье вел. князя продолжалось не долго: 15 апр. 1776 г. Наталья Алексѣевна скончалась при неблагополучныхъ родахъ. Отъ этой потери Павелъ былъ въ страшномъ отчаяніи, и мать рѣшила скорѣе устроить второй бракъ сына.

„Я начала съ того“,—разсказываетъ Екатерина въ своихъ „Запискахъ“,—„что предложила путешествія, перемѣну мѣстъ, а потомъ сказала: мертвыхъ не воскресить, надо думать о живыхъ.“

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

Развѣ оттого, что воображали себя счастливымъ, но потеряли эту увѣренность, слѣдуетъ отчаиваться въ возможности снова возвратить ее? И такъ, станемъ искать эту другую...“

Заинтересованный Павелъ спрашиваетъ:

— Кто она, какова она? Брюнетка, блондинка, маленькая большая?..

— Кроткая, хорошенькая, прелестная,—отвѣчаетъ императрица,—однимъ словомъ, сокровище: сокровище приносить съ собою радость...

Подъ вліяніемъ убѣжденій матери, Павелъ согласился поѣхать въ Пруссію, гдѣ и долженъ былъ встрѣтиться съ выбран-

ной матерью невѣстой, вюртембергской принцессой Софіей-Доротеей. Путешествіе развлекло его и излѣчило отъ меланхолии. Въ Берлинѣ онъ увидѣлъ свою будущую супругу, которая сразу очень понравилась ему. Въ письмѣ къ императрицѣ онъ говоритъ:

„Я нашель невѣсту свою такову, какову только желать мысленно себѣ могъ: недурна собою, велика, стройна, не застѣнчива, отвѣчаетъ умно и расторопно, и уже извѣстенъ я, что если она сдѣлала дѣйство въ сердцѣ моемъ, то не безъ чувства и она съ своей стороны осталась... Вы желали мнѣ жену, которая бы доставила намъ и утвердила домашнее спокойствіе и жить благополучно. Мой выборъ сдѣланъ...“

14 августа Павелъ вернулся въ Царское Село, а 31-го туда же приѣхала и Софья-Доротея, которая, принявъ православіе, получила имя Маріи Θεодоровны, и 26 сент. 1776 г. состоялось ея бракосочетаніе съ вел. княземъ. 12 дек. 1777 г. у молодой четы родился первенецъ, сынъ Александръ, будущій спаситель Россіи и освободитель Европы. Это радостное для Павла и его супруги событіе скоро было омрачено Екатериной: она взяла новорожденного Александра къ себѣ на воспитаніе, и отецъ и мать только очень рѣдко могли видѣть его. Такъ же точно Екатерина поступила и при рожденіи второго сына, Константина Павловича (27 апр. 1779 года). Конечно, это повело лишь къ ухудшенію и безъ того довольно холодныхъ отношеній Екатерины и Павла.

Взаимное охлажденіе между императрицей-матерью и сыномъ началось еще до рожденія Александра и вызывалось, главнымъ образомъ, разницей взглядовъ на многіе вопросы государственнаго управленія.

Павелъ, жаждавшій дѣятельности, получилъ однажды отъ императрицы предложеніе принять участія въ управленіи и вскорѣ представилъ ей „Разсужденіе о государствѣ“, не понравившееся Екатеринѣ какъ наивностью нѣкоторыхъ мнѣній Павла, такъ и явнымъ порицаніемъ ея политики. Поэтому вскорѣ она совсѣмъ отстранила Павла отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ негодовалъ, впалъ въ подозрительность, жаловался на несправедливость матери къ нему; а когда послѣдняя подарила ему Гатчино, онъ совершенно удалился отъ петербург-

скої придворної життя і замкнувся в̄ кругу немногихъ близкихъ друзей и единомышленниковъ.

Марія Теодоровна, супруга императора Павла I.

Въ Гатчинѣ Павелъ прожилъ, в̄ ожиданіи престола, 13 лѣтъ. Онъ выстроилъ тамъ школу, больницу и четыре

церкви для разныхъ вѣрой повѣданій, принявъ содержаніе духовенства на свой счетъ. Стремясь улучшить положеніе крестьянъ, онъ часто помогаль имъ деньгами и землей. Чтобы дать населенію заработокъ, завелъ стеклянный и фарфоровый заводы, суконную фабрику и шляпную мастерскую. Но самымъ любимымъ его дѣломъ было устройство своей маленькой арміи по прусскому образцу.

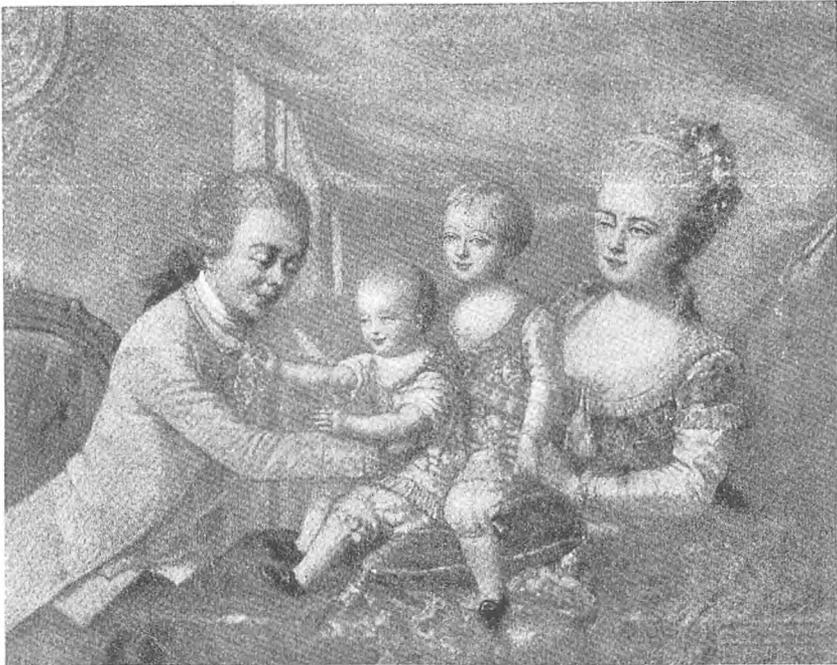
Екатерина совершенно не вмѣшивалась въ гатчинскія дѣла сына, предоставивъ ему полную свободу заниматься чѣмъ угодно. У нея уже созрѣлъ планъ устранить Павла отъ престола и передать верховную власть любимому внуку Александру. Когда Павелъ узналъ объ этомъ намѣреніи матери, его душевное состояніе сдѣлалось еще тяжелѣе. Онъ сталъ подозревать въ покушеніи на свои права всѣхъ окружающихъ, а особенно Александра, хотя послѣдній ясно далъ отцу понять свое несочувствіе планамъ Екатерины. Въ связи съ этимъ настроеніемъ Павла стоитъ составленіе (въ 1788 г.) имъ и Маріей Ѳеодоровной закона о престолонаслѣдіи, опубликованнаго въ день коронаціи Павла.

6 ноября 1796 г. Екатерина внезапно скончалась, не осуществивъ передачи верховной власти Александру, и Павелъ вступилъ на всероссійскій престолъ.

Впослѣдствіи Ѳ. И. Лубяновскій описываль начало царствованія Павла такъ:

„Царь самъ за работой съ ранней зари, съ 6 ч. утра. Генераль-прокуроръ, въ домѣ котораго жилъ кн. Н. В. Репнинъ и я, каждый день отправлялся съ докладомъ во дворецъ въ 5¹/₂ ч. утра. Миръ живетъ примѣромъ государя. Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ въ столицѣ свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра. Съ той же поры въ вице-канцелярскомъ домѣ, что было противъ Зимняго дворца, всѣ люстры и комнаты пылали. Сенаторы съ 8 ч. сидѣли за краснымъ столомъ. Возрожденіе по военной части было еще явственнѣе—съ головы началось. Сѣдые съ георгіевскими звѣздами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать... Нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала“.

Вскорѣ по вступленіи на престолѣ Павелъ ввелъ во всей арміи новую форму по прусскому образцу, усвоенному гатчинскими войсками. Большинство военныхъ было очень недовольно этой формой, некрасивой и неудобной, но подчинилось волѣ императора, который говорилъ: „эта одежда и Богу угодна и вамъ хороша“. Одинъ лишь Суворовъ осмѣлился протестовать. Когда ему прислали образцы косъ и мѣрки для буклей, онъ сказалъ:

Великій князь Павелъ Петровичъ съ супругой Маріей Ѳеодоровной и дѣтьми Александромъ и Константиномъ.

— Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ—природный русакъ!..

За это Суворовъ былъ уволенъ со службы безъ мундира.

Въ день своей коронаціи (5 апр. 1797 г.) Павелъ опубликовалъ законъ о престолонаслѣдіи, имѣющій силу до настоящаго времени. Въ XVIII вѣкѣ въ Россіи дѣйствовалъ заведенный Петромъ Великимъ порядокъ назначенія наслѣдника престола царствующимъ государемъ. По закону, изданному Павломъ подѣ

названіемъ: „Учрежденіе объ Императорской Фамиліи“, престолъ долженъ переходить отъ отца къ старшему сыну.

Царствованіе Павла, продолжавшеся 4 года 4 мѣсяца и 4 дня, носило преимущественно характеръ борьбы противъ учреждений, лицъ и общаго духа предшествовавшаго, екатеринскаго, царствованія. Павелъ возстановилъ уничтоженныя Екатериной коллегіи, сократилъ число губерній, ограничилъ мѣстное самоуправленіе. Нѣкоторые законы, изданные при Павлѣ, направлены къ уравнию сословій, къ уничтоженію дворянскихъ привилегій. Такъ, напримѣръ, дворяне и горожане снова стали подлежать тѣлеснымъ наказаніямъ за уголовныя преступленія. Это было очень непріятно для дворянства, привыкшаго при Петрѣ III и Екатеринѣ II пользоваться особымъ положеніемъ въ государствѣ. Но Павелъ не хотѣлъ считаться съ дарованными въ предшествующія царствованія „дворянскими вольностями“. Однажды онъ рѣзко замѣтилъ:

— Въ Россіи великъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю, и только пока я съ нимъ говорю!..

При вступленіи на престолъ императоръ далъ торжественное обѣщаніе сохранять и поддерживать мирныя отношенія съ другими государствами, такъ какъ Россія, утомленная почти непрерывными войнами, сильно нуждалась въ мирѣ. Онъ даже отмѣнилъ наборъ, объявленный, незадолго до кончины Екатерины, на 1797 г. Но вскорѣ ему пришлось измѣнить миролюбивыя стремленія во внѣшней политикѣ. Причиной этого явилось слѣдующее обстоятельство. Въ 1797 г. Павелъ взялъ подъ свое покровительство орденъ мальтійскихъ рыцарей, принявъ званіе гроссмейстера [т.-е. главы] этого ордена. На пути въ Египетъ, Наполеонъ захватилъ островъ Мальту и присоединилъ его къ Франціи. Это такъ раздражило императора, что онъ рѣшилъ объявить Франціи войну, вступивъ въ союзъ съ Австріей.

Въ то время какъ русскій флотъ дѣйствовалъ противъ Франціи въ Средиземномъ морѣ, соединенная русско-австрійская армія сражалась съ французскими войсками въ Сѣверной Италіи. Во главѣ этой арміи стоялъ непобѣдимый Суворовъ, дѣлавшій свою послѣднюю кампанію. Несмотря на блестящіе военные успѣхи Суворова, кампанія оказалась неудачной, главнымъ образомъ вслѣдствіе интригъ гофкригсрата [австрійскаго придворнаго

военнаго совѣта]. Обвинивъ австрійцевъ въ пораженіи русскаго отряда подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, Павелъ отозвалъ армію Суворова изъ Италіи и разорвалъ союзъ съ Австріей. Вскорѣ онъ отказался отъ союза и съ Англіей, заключеннаго тоже противъ Наполеона, оставшись недоволенъ отношеніемъ англичанъ къ русскому отряду, дѣйствовавшему въ Голландіи.

Разсорившись съ этими державами, Павелъ немедленно заключилъ союзъ съ Франціей и сталъ готовиться къ войнѣ съ своими прежними союзниками. Противъ Австріи онъ постарался обезпечить себя союзомъ съ Пруссіей, а противъ Англии союзомъ съ Пруссіей, Швеціей и Даніей.

Планъ борьбы съ Англіей былъ задуманъ грандіозно. Одновременно съ военными дѣйствіями въ Европѣ, Павелъ рѣшилъ напасть на Индію, бывшую въ то время житницей Великобританіи. Въ походъ на Индію императоръ приказалъ отправить 40 полковъ донскихъ казаковъ. Но это предпріятіе не осуществилось, такъ какъ въ разгаръ военныхъ приготовленій Павелъ скончался, а первымъ актомъ новаго государя было распоряженіе вернуть казачьи полки, уже посланные въ Индію.

Суровость императора всего больше давала себя чувствовать избалованной гвардіи, привыкшей при Екатеринѣ легко относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и не являться на ученья; при Павлѣ ей пришлось испытать самую строгую дисциплину. За малѣйшую провинность назначалось тяжелое наказаніе. Однажды былъ даже случай, когда императоръ за плохой парадъ отправилъ въ Сибирь цѣлый полкъ, крикнувъ ему:

— Полкъ! Маршъ въ Сибирь!..

Въ войскахъ слышались жалобы на букли и косы, которыя солдатамъ приходилось смазывать саломъ и посыпать мукой или кирпичнымъ порошкомъ. Ночью крысы нерѣдко отгрызали у солдатскихъ париковъ съѣдобныя части.

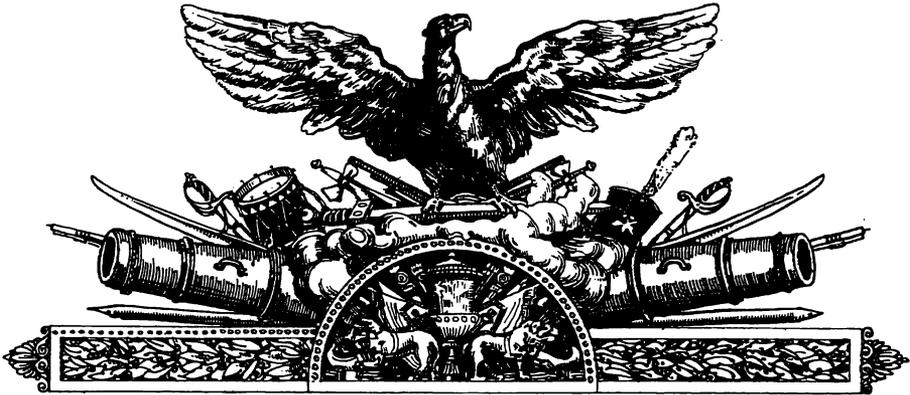
Скоропостижная кончина Павла въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. окончила это непродолжительное, но, благодаря личности государя, очень яркое царствованіе. На престолъ вступилъ старшій сынъ Павла, Александръ I Благословенный.

1801—1825.

Александръ I Павловичъ.

Александръ I Павловичъ

(царствовалъ съ 1801 г. до 1825 г.).

Когда утромъ 12-го марта 1801 г. Петербургъ съ быстротой молнии облетѣла вѣсть о кончинѣ императора Павла Петровича, восторгъ и ликование народа были безграничны. „На улицахъ“, — сообщаетъ одинъ современникъ, — „люди плакали отъ радости, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья“. Эта всеобщая радость вызывалась не столько тѣмъ, что безвозвратно прошло тяжелое время царствованія скончавшагося императора, сколько тѣмъ, что на престолъ вступалъ всѣми обожаемый наслѣдникъ Павла, Александръ I, воспитанный самой Великой Екатериной.

Когда у вел. князя Павла Петровича родился сынъ-первенецъ Александръ, Екатерина съ перваго же года жизни внука взяла заботы о его воспитаніи на себя. Она сама занималась съ нимъ и его братомъ Константиномъ, родившимся черезъ 1½ года, сама составила для дѣтей азбуку, написала нѣсколько сказокъ, а впоследствии и небольшое руководство по русской исторіи. Когда внукъ Александръ подросъ, императрица назначила главнымъ воспитателемъ его графа Н. И. Салтыкова, а преподавателей выбрала изъ самыхъ образованныхъ людей того времени—М. Н. Муравьева, извѣстнаго писателя, и Палласа, знаме-

нидаго ученаго. Протоіерей Самборскій обучалъ Александра Закону Божію и на своихъ урокахъ внушалъ воспитаннику „находить во всякомъ человѣческомъ состояніи своего ближняго“.

Такъ какъ Екатерина готовила любимаго внука къ престолу, имѣя намѣреніе даже обойти сына, то она рано позаботилась дать Александру солидное образованіе въ юридическихъ наукахъ, всего болѣе необходимыхъ для будущаго правителя великаго государства. Для преподаванія ихъ былъ приглашенъ швейцарскій гражданинъ Фридрихъ Лагарпъ, человѣкъ благородной души, проникнутый глубокой любовью къ людямъ и стремленіемъ къ правдѣ, добру и справедливости. Лагарпъ оказалъ самое благотворное вліяніе на будущаго государя. Впослѣдствіи Александръ говорилъ женѣ Лагарпа: „Всѣмъ, что располагаетъ людей ко мнѣ, я обязанъ моему воспитателю и наставнику, вашему мужу“. Между учителемъ и ученикомъ скоро установились искреннія дружескія отношенія, сохранившіяся до самой смерти Лагарпа.

Къ сожалѣнію, воспитаніе Александра окончилось довольно рано, когда ему еще не исполнилось и 16 лѣтъ. Въ этомъ юномъ возрастѣ онъ уже вступилъ, по желанію Екатерины, въ бракъ съ 14-лѣтней баденской принцессой, названной, по принятіи православія, Елисаветой Алексѣвной. Супруга Александра отличалась мягкимъ характеромъ, безконечной добротой къ страждущимъ и въ высшей степени привлекательной наружностью. Она глубоко любила избранника своего сердца и на всю жизнь осталась вѣрнымъ другомъ его. Отъ брака съ Елисаветой Алексѣвной у Александра были двѣ дочери, Марія и Елисавета, но обѣ онѣ скончались въ раннемъ дѣтствѣ.

При вступленіи на престолъ Александръ возвѣстилъ въ манифестѣ, что будетъ управлять государствомъ „по законамъ и по сердцу“ своей великой бабки, Екатерины II: „да по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя“, обѣщалъ новый государь въ своемъ первомъ манифестѣ, — „достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставимъ ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ“.

Первые же дни новаго царствованія были ознаменованы великими милостями. Были возвращены тысячи людей, сосланныхъ при Павлѣ, тысячи другихъ были возстановлены въ правахъ,

гражданскихъ и служебныхъ. Тѣлесныя наказанія для дворянъ, купцовъ и духовенства были отмѣнены. Пытки уничтожены на вѣчныя времена.

Вскорѣ начались коренныя преобразованія и въ самомъ управленіи государства. 8 сент. 1802 г. учреждены министерства. Для болѣе совершенной разработки законодательныхъ вопросовъ императоръ образовалъ „Негласный Комитетъ“, въ составъ котораго вошли друзья юности Александра, лица, пользовавшіяся особымъ довѣріемъ государя: Н. Н. Новосильцевъ, кн. Адамъ Чарторижскій, гр. П. А. Строгановъ и гр. В. П. Ко-

Императрица Елисавета Алексѣевна.

чубей. На „Комитетъ“ возлагалась задача составленія законопроектовъ для преобразованія всей русской народной и государственной жизни.

Ближайшимъ своимъ сотрудникомъ Александръ выбралъ знаменитаго Михаила Михайловича Сперанскаго, въ послѣдствіи графа. Сперанскій былъ сыномъ простаго священника. Окончивъ образованіе въ С.-Петербургской духовной академіи, онъ занялъ мѣсто преподавателя въ этомъ учебномъ заведеніи, а затѣмъ перешелъ на гражданскую службу, гдѣ быстро выдвинулся своей огромной трудоспособностью и обширными познаніями.

По порученію императора, Сперанскій составилъ стройный планъ реформъ въ законодательствѣ, управленіи и судѣ, основной чертой которыхъ было допущеніе участія народнаго представительства во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Однако, сознавъ, что населеніе Россіи еще не созрѣло для участія въ государственной дѣятельности, Александръ не осуществилъ всего плана Сперанскаго, а провелъ только нѣкоторыя части его. Такъ, 1 января 1810 г. былъ открытъ Государственный Совѣтъ въ присутствіи самого Александра, который во вступительной рѣчи сказалъ между прочимъ:

„Все, что въ мысляхъ и желаніяхъ челоуѣчества есть самага твердаго и непоколебимаго, — все будетъ мною употреблено, чтобы установить порядокъ и оградить Имперію добрыми законами“.

Одинъ разъ въ недѣлю государь присутствовалъ на собраніяхъ Совѣта лично, а дѣла, разсматривавшіяся на остальныхъ засѣданіяхъ, ему докладывалъ Сперанскій.

Любимой мечтой Александра I было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 20 февр. 1803 г. былъ изданъ законъ, по которому помѣщики, при желаніи, могли отпускать на волю своихъ крестьянъ отдѣльными семьями и цѣлыми селеніями, съ надѣленіемъ отпущенныхъ земель, по обоюдному соглашенію между сторонами. Такъ образовался классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, добровольно освобожденныхъ помѣщиками. Къ концу царствованія Александра такихъ крестьянъ было болѣе 40.000 душъ.

Власть помѣщиковъ надъ крѣпостными была значительно ограничена. Было воспрещено дѣлать объявленія о продажѣ людей безъ земли, заставлять крестьянъ работать на господѣ въ праздничные и воскресные дни. Если помѣщикъ жестоко обращался со своими крѣпостными, послѣдніе отбирались у него. Въ Прибалтійскомъ краѣ было произведено даже личное освобожденіе крестьянъ, но безъ надѣленія землей. Въ февралѣ 1818 г. царь поручилъ графу Аракчееву выработать проектъ объ уничтоженіи крѣпостного права, но этотъ проектъ не былъ осуществлень.

Для народнаго просвѣщенія въ царствованіе Александра было сдѣлано очень много. Въ селахъ открыты приходскія

школы, въ уѣздныхъ городахъ — уѣздныя училища, въ губернскихъ — гимназіи, а въ Петербургѣ, Харьковѣ, Казани и Варшавѣ были основаны университеты. Для подготовленія юношей къ государственнымъ должностямъ въ 1811 г. былъ созданъ Царскосельскій лицей. Императоръ расходовалъ на просвѣтительныя учрежденія большія суммы изъ личныхъ средствъ. Его примѣру нашлось много послѣдователей среди богатыхъ людей. Такъ, Демидовъ основалъ въ Ярославлѣ Юридическій лицей, а

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

графъ Безбородко обезпечилъ огромными средствами созданный имъ въ Нѣжинѣ лицей его имени.

При вступленіи на престолъ одной изъ самыхъ главныхъ заботъ императора Александра I было установленіе внѣшняго мира Россіи, истощенной войнами въ предшествовавшія царствованія. Въ этомъ направленіи было сдѣлано все возможное, и нѣкоторое, правда, короткое время, не только Россія, но и вся Европа наслаждалась миромъ.

Но европейскія политическія отношенія были таковы, что

уже въ 1805 г. Россія, несмотря на миролюбіе своего государя, была вынуждена принять участіе въ борьбѣ европейскихъ державъ съ Франціей, во главѣ которой стоялъ великій завоеватель Наполеонъ, основавшій на побѣдахъ свое возвышеніе отъ простого офицера до императора огромнаго государства. Начиная борьбу съ нимъ, Александръ вступилъ въ союзъ съ Австріей и Англіей и самъ сталъ руководить военными дѣйствіями. Война окончилась неудачно для союзниковъ. Нѣсколько разъ Наполеонъ разбилъ австрійскія войска, а затѣмъ, на поляхъ Аустерлица, встрѣтилъ, 20 ноября 1805 г., и союзную русско-австрійскую армію, при которой находились оба императора, Александръ и Францъ. Въ отчаянномъ бою Наполеонъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ. Австрія поспѣшила заключить съ нимъ миръ, а русская армія вернулась домой.

Но уже въ слѣдующемъ году военныя дѣйствія противъ Наполеона возобновились. На этотъ разъ Россія была въ союзѣ съ Пруссіей, которая неосторожно поспѣшила начать борьбу, не дожидаясь прихода русской арміи. Подъ Іеной и Ауэрштедтомъ Наполеонъ разбилъ прусскія войска, занялъ столицу Пруссіи, Берлинъ, и овладѣлъ всѣми землями этого государства. Русской арміи пришлось дѣйствовать одной. Въ большомъ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау Наполеонъ, напавшій на русскія войска, потерпѣлъ неудачу, но зато въ 1807 г. разбилъ русскихъ подъ Фридландомъ. Война окончилась свиданіемъ Наполеона и Александра въ Тильзитѣ, на плоту посрединѣ рѣки Нѣмана. Между Франціей и Россіей былъ заключенъ миръ, по которому Россія должна была принять придуманную Наполеономъ противъ Англіи континентальную систему — не допускать къ себѣ англійскихъ товаровъ и вообще не имѣть никакихъ торговыхъ сношеній съ Англіей. За это Россія получила въ свое владѣніе Бѣлостокскую область и свободу дѣйствій въ Восточной Европѣ.

Тильзитскій миръ оказался непрочнымъ. Менѣе чѣмъ черезъ два года между Россіей и Франціей опять начались разногласія. Наполеонъ обвинялъ Александра въ нарушеніи крайне разорительной для торговли Россіи континентальной системы и въ нежеланіи помогать ему въ борьбѣ съ Австріей, гдѣ русскія войска, по секретному повелѣнію Александра, дѣйствительно

уклонялись отъ совмѣстныхъ выступленій съ французской арміей. Но и самъ Наполеонъ не соблюдалъ условій Тильзитскаго мира: вопреки имъ, онъ увеличилъ герцогство Варшавское, образованное какъ противовѣсъ вліянію Россіи на Западѣ, и лишилъ владѣній герцога Ольденбургскаго, близкаго родственника Александра. Война была неизбѣжна, и въ скоромъ времени она разразилась, какъ только Наполеонъ окончилъ всѣ приготовления къ ней.

Для уничтоженія Россіи Наполеонъ собралъ силы почти всей подвластной ему Европы, и во главѣ 600.000 арміи въ іюнѣ 1812 г. вторгся въ русскіе предѣлы. Началась Отечественная война, возвеличившая Александра и Россію и повлекшая паденіе Наполеона.

Героическія, единственныя въ міровой исторіи событія Отечественной войны, безъ сомнѣнія, еще свѣжи въ памяти читателей послѣ торжествъ прошлаго 1912 г., когда исполнилось 100 лѣтъ съ того времени, какъ Россія, съ Александромъ во главѣ, не только отстояла свое существованіе, какъ государства, но и освободила затѣмъ всю Европу отъ власти непобѣдимаго до тѣхъ поръ завоевателя. Поэтому можно перейти прямо къ дѣйствіямъ Александра, послѣдовавшимъ за изгнаніемъ французовъ изъ Россіи.

1 янв. 1813 г. русская армія подъ начальствомъ Александра I и Кутузова вступила въ созданное Наполеономъ герцогство Варшавское, очистила его отъ остатковъ нѣкогда „Великой арміи“ и двинулась въ предѣлы Пруссіи, гдѣ была встрѣчена народнымъ ликованіемъ. Пруссійскій король тотчасъ вступилъ въ союзъ съ Александромъ и отдалъ свою армію подъ начальство Кутузова. Къ несчастью, послѣдній отъ перенесенныхъ трудовъ скорѣ скончался, горько оплаканный всей Россіей. Наполеонъ, успѣшно собравъ новую армію, напалъ на союзниковъ подъ Люценомъ и разбилъ ихъ. Во второмъ сраженіи, подъ Бауценомъ, Наполеонъ опять побѣдилъ. Тѣмъ временемъ, Австрія рѣшила присоединиться къ Россіи и Пруссіи, отправивъ свою армію на помощь имъ. При Дрезденѣ произошелъ бой теперь уже трехъ союзныхъ армій съ арміей Наполеона, который снова выигралъ сраженіе. Но это былъ его послѣдній успѣхъ. Сперва въ Кульмской долинѣ, а затѣмъ въ упорной битвѣ подъ Лейп-

цигомъ, въ которой участвовало свыше $\frac{1}{3}$ милл. чел. и которая названа въ исторіи „битвой народовъ“, французы были разбиты. За этимъ поражениемъ послѣдовало занятіе Парижа, отреченіе Наполеона отъ престола и удаленіе его на островъ Эльбу.

Александръ сталъ вершителемъ судебъ Европы, освободителемъ ея отъ власти Наполеона. Когда 13-го іюля онъ вернулся въ Петербургъ, Сенатъ, Синодъ и Государственный Совѣтъ единогласно просили его принять имя „Благословеннаго“ и разрѣшить воздвигнуть ему памятникъ еще при жизни. Въ послѣднемъ Александръ отказалъ, заявивъ: „Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ!“

Въ 1814 г. состоялся вѣнскій конгрессъ, на которомъ европейскія государства были возстановлены въ прежнихъ владѣніяхъ, нарушенныхъ завоеваніями Наполеона, а Россія за освобожденіе Европы получила почти все герцогство Варшавское, названное Царствомъ Польскимъ. Среди занятій конгресса, въ 1815 г., Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу, прибылъ во Францію и хотѣлъ снова занять престолъ. Но при Ватерлоо онъ былъ разбитъ англичанами и пруссаками, а затѣмъ сосланъ на островъ св. Елены въ Атлантическомъ океанѣ.

Въ это же время у Александра явилась мысль образовать изъ государей христіанскихъ народовъ Священный Союзъ для объединенія всей Европы на основахъ евангельскихъ истинъ и для борьбы съ разрушительными революціонными броженіями народныхъ массъ. Согласно условіямъ этого союза, Александръ въ послѣдующіе годы принималъ дѣятельное участіе въ подавленіи народныхъ возстаній, то и дѣло возникавшихъ въ разныхъ частяхъ Европы.

Отечественная война сильно повліяла на характеръ и взгляды государя, и вторая половина его царствованія была мало похожа на первую. Никакихъ преобразованій въ государственномъ управленіи уже не дѣлалось. Александръ сталъ задумчивъ, почти не улыбался, началъ тяготиться своимъ положеніемъ монарха и нѣсколько разъ выражалъ даже намѣреніе отказаться отъ престола и удалиться въ частную жизнь. Въ одной лишь религіи онъ находилъ утѣшеніе и облегченіе своихъ душевныхъ тревогъ. Въ послѣдніе годы царствованія императоръ много путешество-

валь, и при этихъ поѣздкахъ часто посѣщаль монастыри, вступалъ въ продолжительныя бесѣды съ духовенствомъ и затворниками, видѣлъ, между прочимъ, и знаменитаго подвижника Серафима Саровскаго. Александръ глубоко увлекся и религіозно-мистическими ученіями вообще, принималъ у себя во дворцѣ представителей этихъ ученій и подолгу разговаривалъ съ ними. Всякія торжества и развлечения при дворѣ были прекращены. Половину времени императоръ проводилъ въ Царскомъ Селѣ, а другую половину въ путешествіяхъ по Россіи и за границей. Онъ побывалъ на Валаамскихъ островахъ, въ Финляндіи, въ Архангельскѣ, на югѣ, словомъ, во всѣхъ частяхъ своего государства.

Борьба съ Наполеономъ, оставленіе и пожаръ Москвы, страданія народа при нашествіи на Россію „Великой арміи“ сильно повліяли на впечатлительную душу императора. Впослѣдствіи къ этому присоединились и ужасы страшнаго наводненія, затопившаго Петербургъ 7 ноября 1824 года, когда вода стояла даже на Невскомъ проспектѣ, и тысячи бѣднѣйшихъ жителей столицы остались безъ крова, обреченные на голодную смерть, а сотни погибли въ волнахъ бушевавшей стихіи. Александръ щедрой рукой оказывалъ помощь пострадавшимъ и облегчалъ ихъ горе и нужду.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I особенной близостью къ императору и неизмѣннымъ его расположеніемъ пользовался графъ А. А. Аракчеевъ, ставшій единственнымъ докладчикомъ государю всѣхъ дѣлъ по управленію. Аракчеевъ тоже былъ очень религіозенъ, и эта черта еще больше сближала его съ императоромъ.

По происхожденію мелкій дворянинъ, Аракчеевъ, по окончаніи курса въ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ на службу въ Гатчину, въ полкъ отца Александра, тогда наслѣдника престола Павла Петровича. Здѣсь онъ быстро выдвинулся безграничной преданностью цесаревичу, аккуратностью и исполнительностью. Вступивъ на престолъ, Павелъ возвелъ своего любимца въ графское достоинство, щедро наградилъ помѣстьями и поручилъ его заботамъ армію. Впрочемъ, за исключительно жестокое обращеніе съ подчиненными Павелъ три раза лишалъ Аракчеева всѣхъ должностей и удалялъ отъ себя, но потомъ прощалъ его и возстановливалъ въ прежней должности.

Александръ сблизился съ Аракчеевымъ еще въ Гатчинѣ. Онъ хорошо видѣлъ всѣ недостатки Аракчеева, считалъ его человѣкомъ жестокимъ и непросвѣщеннымъ, но цѣнилъ въ немъ безкорыстіе, искреннюю преданность и усердіе въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Къ концу царствованія графъ Аракчеевъ

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

сдѣлался самымъ довѣреннымъ лицомъ государя: всѣ доклады министровъ, всѣ распоряженія императора проходили черезъ него.

Управляя всѣми государственными дѣлами, Аракчеевъ особое вниманіе обратилъ на устройство арміи. По его мысли были образованы такъ называемыя военныя поселенія крестьянъ

на казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ Новгородской, Харьковской и Херсонской. Въ этихъ поселеніяхъ Аракчеевъ хотѣлъ соединить отбываніе воинской повинности крестьянами съ занятіемъ земледѣліемъ. Вся организація ихъ была проникнута военнымъ духомъ: среди поселенцевъ поддерживалась строгая дисциплина, за нарушеніе которой были назначены суровыя наказанія; всѣ, даже дѣти, были обмундированы въ военную форму; не только полковыя ученія, но и полевыя работы начинались и оканчивались по военнымъ сигналамъ и т. п.

Несмотря на всѣ усилія Аракчеева, практическое осуществленіе задуманной имъ военной реформы встрѣтило большія препятствія. Среди поселенцевъ часто возникали волненія; хотя они подавлялись съ исключительной суровостью, но все же нель-

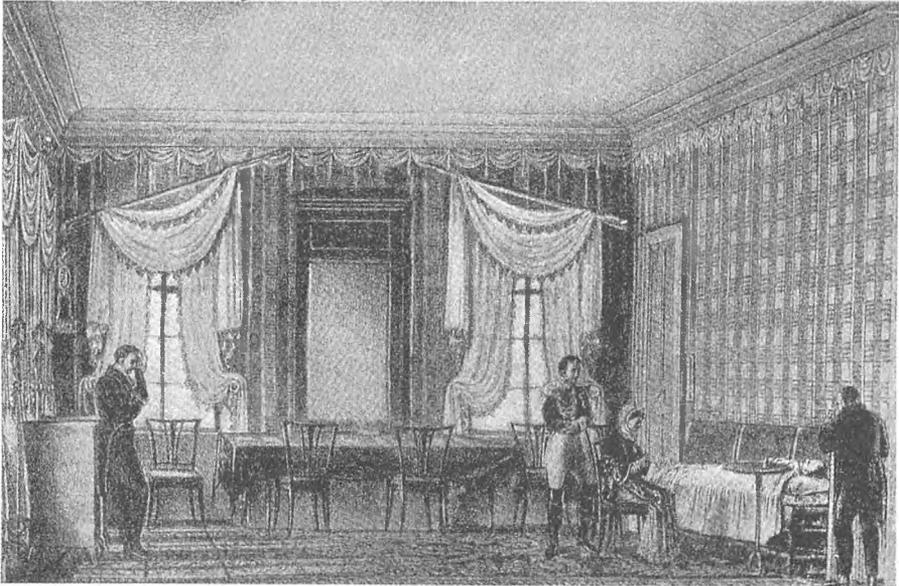

Подпись Александра I.

зя было обезпечить на продолжительное время поддержаніе порядка и спокойствія. Военныя поселенія просуществовали до 1856 г., когда были окончательно уничтожены.

Частыя волненія въ военныхъ поселеніяхъ сильно огорчали Александра, и онъ нерѣдко сдерживалъ настойчивость Аракчеева, стремившагося увеличивать число поселенцевъ. Когда началось возстаніе грековъ, доведенныхъ турецкими притѣсненіями до отчаянія, императоръ былъ еще болѣе огорченъ страданіями единовѣрнаго народа подъ мусульманскимъ игомъ. Однако, не считая возможнымъ нарушить основной принципъ Священнаго Союза—поддерживать законныхъ государей, Александръ не оказалъ помощи греческому возстанію, какъ движенію, направленному противъ законнаго монарха—султана.

Внутри Россіи въ концѣ царствованія тоже было неспокойно. Въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ шло броженіе среди офицерства, побывавшаго во время многочисленныхъ походовъ въ Европѣ и усвоившаго тамъ новыя идеи о государственномъ порядкѣ. Императоръ получилъ даже свѣдѣнія о существованіи заговора, направленного къ измѣненію формы верховнаго правленія въ Россіи. Однако, чувствуя себя утомленнымъ отъ всѣхъ пережитыхъ трудовъ и волненій, Александръ не принималъ мѣръ противъ заговорщиковъ.

Кончина императора Александра I.

Въ концѣ 1825 г. здоровье императрицы Елисаветы Алексѣевны стало настолько слабо, что врачи посовѣтовали ей не оставаться на зиму въ Петербургѣ, а уѣхать на югъ. Мѣстопробываніемъ императрицы былъ выбранъ Таганрогъ, куда Александръ рѣшилъ выѣхать раньше, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ пріѣзду супруги, и 1 сентября покинулъ Петербургъ.

Жизнь въ тепломъ южномъ климатѣ благотворно подѣйствовала на здоровье Елисаветы Алексѣевны. Императоръ вос-

пользовался этимъ, и уѣхалъ изъ Таганрога, чтобы посѣтить сосѣднія мѣста по Азовскому морю, а также проѣхать по Крыму. 5 ноября онъ вернулся въ Таганрогъ совсѣмъ больнымъ, сильно простудившись при путешествіи по Крыму, но отъ помощи врачей отказался. Скоро состояніе его здоровья стало угрожать жизни. Императоръ пріобщился Святыхъ Таинъ и почувствовалъ приближеніе кончины. Безотлучно находившаяся при немъ супруга умоляла его допустить врачей. На этотъ разъ Александръ согласился принять ихъ помощь, но было уже поздно: организмъ былъ такъ ослабленъ болѣзною, что въ 11 ч. утра 19 ноября Александръ Благословенный тихо скончался.

Прахъ императора былъ перевезенъ въ Петербургъ и 13 марта 1826 г. преданъ погребенію въ Петропавловскомъ соборѣ.

1825—1855.

Николай I Павловичъ.

Николай I Павловичъ

(царствовалъ съ 1825 г. до 1855 г.).

Александръ I скончался, не оставивъ прямого наслѣдника престола. Согласно изданному Павломъ „Учрежденію объ Императорской Фамиліи“, верховная власть должна была перейти къ старшему по возрасту брату скончавшагося государя, т. е. Константину Павловичу. Но послѣдній еще при жизни Александра I отказался отъ своихъ правъ на престолъ, и Александръ повелѣлъ митрополиту Филарету составить манифестъ о переходѣ престола къ слѣдующему по возрасту брату, Николаю Павловичу. Подлинныя документы объ отреченіи Константина Павловича и передачѣ власти Николаю Павловичу были положены на престолѣ Успенскаго собора въ Москвѣ, а копии съ нихъ хранились въ Государственномъ Совѣтѣ, Свят. Синодѣ и Сенатѣ. Но Александръ I держалъ рѣшеніе о своемъ преемникѣ въ тайнѣ, которую знали, кромѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, только графъ Аракчеевъ и кн. А. Н. Голицынъ. Самъ Николай Павловичъ слышалъ отъ Александра I въ послѣдніе годы его царствованія только намеки на то, что старшій братъ отрекся отъ правъ на престолъ, который и долженъ перейти къ нему.

Когда 27 ноября въ Петербургъ пришло извѣстіе о кончинѣ Александра I, велик. князь Николай Павловичъ сперва самъ

присягнулъ брату Константину, а затѣмъ привелъ къ присягѣ дворцовый караулъ и распорядился, чтобы генералитетъ, находившійся на молебствіи въ Александро-Невской лаврѣ, тоже присягнулъ Константину, что и было исполнено.

Узнавъ объ этой присягѣ, императрица Марія Теодоровна сообщила Николаю Павловичу, что есть актъ, назначающій, за отказомъ Константина, наслѣдникомъ престола второго брата. Скоро во дворецъ пріѣхалъ кн. А. Н. Голицынъ, который подтвердилъ слова императрицы, а затѣмъ поспѣшно отправился въ

Великій князь Константинъ Павловичъ.

Государственный Совѣтъ, гдѣ въ это время происходило прине-
сеніе присяги Константину. Приостановивъ присягу, Голицынъ
потребовалъ вскрытія пакета, содержавшаго документы о пре-
столонаслѣдіи, оставленные Александромъ I. Документы были
прочитаны, въ Государственный Совѣтъ вызвали вел. кн. Нико-
лая Павловича, ознакомили его съ содержаніемъ пакета сконча-
вшагося государя и предложили ему, какъ императору, принять
присягу отъ членовъ Совѣта. Не зная съ полной увѣренностью
объ отказѣ брата Константина, бывшаго въ это время въ Вар-
шавѣ, Николай Павловичъ рѣшительно отказался принять при-
сягу отъ Государственнаго Совѣта; наоборотъ, онъ подтвердилъ

свою присягу брату и даже уговорилъ всѣхъ членовъ Совѣта тоже присягнуть Константину Павловичу, какъ императору. Скоро весь Петербургъ присягнулъ Константину I, и Сенатъ отправилъ по всей Россіи приказы относительно принесенія такой же присяги.

Донесенія о присягѣ были посланы и въ Варшаву. Получивъ ихъ, Константинъ Павловичъ еще разъ подтвердилъ свой рѣшительный отказъ отъ правъ на престолъ и сообщилъ о своемъ нежеланіи пріѣхать въ Петербургъ. Онъ и раньше писалъ императрицѣ-матери о своемъ отказѣ, такъ какъ получилъ извѣстіе о смерти Александра I на два дня раньше, чѣмъ оно пришло въ Петербургъ, а кромѣ того, полагалъ, что вопросъ о преемникѣ былъ окончательно выясненъ еще при жизни покойнаго императора, изъявившаго свое согласіе на переходъ верховной власти ко второму брату. Николай Павловичъ, не зная объ этомъ согласіи Александра I, ожидалъ формальнаго отреченія брата отъ престола въ особомъ манифестѣ или въ личномъ изъявленіи воли, такъ какъ письма императрицѣ-матери были отправлены Константиномъ Павловичемъ еще до полученія имъ извѣстій о принесеніи ему присяги. Только 12 декабря изъ новыхъ писемъ брата Николай Павловичъ узналъ о безповоротномъ отказѣ его, и лишь тогда рѣшилъ принять верховную власть.

14 декабря былъ обнародованъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I, и состоялась присяга новому государю. Она прошла безъ осложненийъ въ народѣ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ большей части войскъ гвардіи. Но нѣкоторая часть послѣдней отказалась присягать Николаю I. Гвардейскіе офицеры, члены тайныхъ обществъ, образовавшихся еще въ царствованіе Александра I, убѣдили солдатъ, что Константинъ Павловичъ не отрекся отъ престола, что онъ находится въ заключеніи и что грѣхъ измѣнять данной ему присягѣ. Введенныхъ въ заблужденіе солдатъ заговорщики вывели на Сенатскую площадь, чтобы путемъ открытаго мятежа совершить государственный переворотъ.

Узнавъ о поведеніи этой части войскъ, Николай Павловичъ сразу понялъ, что это результатъ дѣятельности тайныхъ об-

шествъ, и рѣшилъ принять энергичныя мѣры, чтобы подавить возстаніе въ зародышѣ.

На Адмиралтейскую площадь были собраны войска, принесшія присягу новому императору. Во главѣ ихъ сталъ самъ государь, пытавшійся, во избѣжаніе кровопролитія, образумить мятежниковъ убѣжденіями. Въ отвѣтъ на это съ ихъ стороны раздались выстрѣлы и крики: „Да здравствуетъ Константинъ, да здравствуетъ конституція“. Подъ конституціей кричавшіе солдаты разумѣли, какъ оказалось впоследствии, супругу Константина Павловича. Генералъ Милорадовичъ, герой Отечественной войны, подѣхалъ къ мятежникамъ и сталъ ихъ уговаривать, но скоро былъ смертельно раненъ ими. Послѣ него митрополитъ Серафимъ въ полномъ облаченіи пытался приблизиться къ толпѣ на Сенатской площади, но его, подъ угрозой разстрѣла, мятежники не допустили къ себѣ. Такъ же былъ встрѣченъ и велик. кн. Михаилъ Павловичъ, только что пріѣхавшій изъ Варшавы отъ брата Константина.

Убѣдившись, что мирными средствами нельзя подѣйствовать на возбужденныхъ мятежниковъ, императоръ направилъ противъ нихъ кавалерію; но ея атаки не имѣли успѣха, отчасти изъ-за гололедицы, а главнымъ образомъ потому, что мятежники стояли густой колонной, которую кавалеріи трудно было прорвать. Тогда императоръ рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству— артиллеріи. Объ этомъ самъ государь Николай Павловичъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ такъ:

„Пославъ одно орудіе первой легкой пѣшей батареи къ Михаилу Павловичу съ тѣмъ, чтобы усилить сію сторону, какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и, поставивъ ихъ предъ Преображенскимъ полкомъ, велѣлъ зарядить картечью.... Вся во мнѣ надежда была, что мятежники устроятся такихъ приготовленій и сдадутся. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе; я послалъ генераль-майора Сухозанета объявить имъ, что, ежели сейчасъ не положить оружія, велю стрѣлять; „ура“ и прежнія восклицанія были отвѣтомъ,—и вслѣдъ за этимъ залпъ. Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ „пли“. Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ и съ

другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка, ударили въ самую средину толпы, и все разсѣялось....“

Мятежъ въ столицѣ былъ подавленъ, и руководители его арестованы.

Двѣ недѣли спустя заговорщики сдѣлали попытку поднять южную армію. Муравьеву-Апостолу, члену южнаго тайнаго общества, удалось склонить къ мятежу часть Черниговскаго полка и двинуться съ ней на Кіевъ, но по дорогѣ взбунтовавшійся отрядъ былъ окруженъ гусарами съ артиллеріей и сдался. Самъ Муравьевъ былъ раненъ, арестованъ и привезенъ для суда въ Петербургъ.

Назначенная императоромъ верховная слѣдственная комиссія привлекла къ суду 121 человекъ, участвовавшихъ въ заговорѣ. Большинство чистосердечно созналось въ своихъ замыслахъ и раскрыло весь ходъ движенія и цѣли его: низверженіе самодержавной власти и установленіе въ Россіи республиканскаго образа правленія. По рѣшенію особаго Верховнаго Уголовнаго суда, составленнаго изъ членовъ Государственнаго Совѣта и Сената, 36 чел. было приговорено къ смертной казни, а остальные къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Но императоръ смягчилъ приговоръ, и только 5 самыхъ дѣятельныхъ заговорщиковъ было казнено: Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ и Каховскій. Остальнымъ смертная казнь была замѣнена каторгой на разные сроки.

Описанное возстаніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ движенія декабристовъ, было однимъ изъ слѣдствій многочисленныхъ заграничныхъ походовъ русской арміи въ царствованіе Александра I. Молодые офицеры, особенно гвардейскіе, побывавъ въ Западной Европѣ, ознакомились тамъ съ новыми идеями и ученіями о государственномъ управленіи, прониклись ими и задумали осуществить ихъ у себя на родинѣ. Какъ удобнымъ моментомъ, они рѣшили воспользоваться нѣкоторымъ перерывомъ въ преемствѣ верховной власти, создавшемся вслѣдствіе отказа Константина Павловича отъ престола и незнанія Николая Павловича объ этомъ отказѣ. Движеніе было подавлено, но положило глубокій отпечатокъ на все царствованіе императора Николая I.

Когда 25 июня 1796 г. у цесаревича Павла Петровича родился третий сын, названный Николаем, императрица Екатерина говорила приближенным лицам: „Я — бабка третьего внука, который, судя по необыкновенной его силе, предназначен царствовать, несмотря на то, что у него два старших брата“. Немного позже Екатерина писала о новорожденном: „Великая княгиня (Мария Θεодоровна) родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаем. Голосъ у него — бастъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ одинъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного меньше моихъ. Въ жизнь свою въ первый разъ вижу такого рыцаря....“

Только нѣсколько мѣсяцевъ младенецъ былъ на попеченіи своей великой бабки, вскорѣ скончавшейся. Поэтому его воспитаніемъ руководила уже не она, а родители. Хотя Мария Θεодоровна старалась при обученіи третьего сына дать преобладаніе научнымъ, теоретическимъ предметамъ, но склонности мальчика влекли его къ военному дѣлу, которымъ онъ съ раннихъ лѣтъ всего больше интересовался. Во время Отечественной войны вел. князю Николаю было всего 16 лѣтъ, но онъ уже просилъ мать и старшаго брата отпустить его въ дѣйствующую армію. Получивъ отъ нихъ рѣшительный отказъ, юноша былъ очень огорченъ. Зато его радость была безгранична, когда въ 1814 году императоръ позволилъ ему участвовать въ заграничномъ походѣ противъ Наполеона.

Послѣ умиротворенія Европы вел. князь Николай посѣтилъ съ образовательной цѣлью Бельгію, Голландію и Англію. Въ Берлинѣ онъ встрѣтилъ свою будущую супругу, дочь прусскаго короля принцессу Шарлотту, которая при переходѣ въ православіе получила имя Александры Θεодоровны. 1 июня 1817 г. состоялось ея бракосочетаніе съ вел. княземъ, и молодая чета поселилась въ Аничковомъ дворцѣ, подаренномъ императоромъ Александромъ I младшему брату. Семейная жизнь будущаго государя была такъ счастлива, что однажды онъ сказалъ супругѣ: „Если кто-нибудь спроситъ тебя, гдѣ живутъ счастливо, пожалуйста пошли его въ Аничковъ дворецъ“.

Хотя отказъ Константина Павловича отъ правъ на престолъ былъ извѣстенъ Александру I и императрицѣ-матери уже задолго до 1825 г., однако почему-то они не открывали

Императрица Александра Феодоровна съ августѣйшими дѣтьми:
наслѣдникомъ престола Александромъ Николаевичемъ
и великой княжной Маріей Николаевной.

этого вел. князю Николаю, который самъ никогда не думалъ, что ему придется занять престолъ, и совсѣмъ не готовился къ управленію государствомъ. И по своему служебному положенію Николай Павловичъ не могъ ознакомиться съ практикой верховнаго управленія: въ день своего бракосочетанія онъ былъ назначенъ генераль-инспекторомъ инженерной части войскъ и все время и силы посвящалъ улучшенію сапернаго дѣла въ русской арміи. Съ вопросами внутренней и внѣшней политики Россіи онъ пришелъ въ соприкосновеніе уже будучи императоромъ, скоро усвоилъ ихъ и повелъ жизнь государства по тому пути, который считалъ наилучшимъ для блага отечества.

Въ противоположность Александру I, Николай Павловичъ съ участіемъ отнесся къ страдающему греческому народу, поднявшему возстаніе противъ притѣснителей-турокъ. По его энергичному настоянію, европейскими державами, во главѣ съ Англіей, были предложены Турціи условія, положившія начало освобожденію Греціи. Независимо отъ этого, императоръ потребовалъ отъ Турціи соблюденія условій Бухарестскаго мира, заключеннаго при Александрѣ I, главнымъ образомъ очищенія отъ войскъ Молдавіи и Валахіи и дарованія Сербіи всѣхъ правъ, выговоренныхъ по Бухарестскому мирному трактату. Подстрекаемая Австріей, Турція уклонилась отъ исполненія требованій Россіи и Англій относительно Греціи и высадила въ Мореѣ свою египетскую армію подъ начальствомъ Ибрагима-паши для подавленія греческаго возстанія. Тогда императоръ Николай отправилъ русскую эскадру къ берегамъ Греціи. Англія, не желая допустить дѣйствій противъ Турціи одной только Россіи, присоединила свои суда къ русской эскадрѣ, а затѣмъ къ тому же склонила и Францію. Въ Наваринской бухтѣ соединенные флоты державъ истребили почти весь турецко-египетскій флотъ Ибрагима-паши, при чемъ въ этомъ бою особенно отличились русскіе моряки.

Австрія продолжала подстрекать Турцію къ войнѣ съ Россіей. Англія, не желая усиленія Россіи на Востокѣ, дѣйствовала уклончиво. Опираясь на это, султанъ сталъ готовиться къ войнѣ и вести себя вызывающе по отношенію къ Россіи, умышленно нарушая договоры. Въ отвѣтъ на это императоръ Николай манифестомъ отъ 14 апр. 1827 г. объявилъ Турціи войну.

Военныя дѣйствія начались одновременно на сушѣ и морѣ. Самъ императоръ отправился къ арміи и руководилъ переправой войскъ черезъ Дунай. Послѣ взятія турецкихъ крѣпостей, Браилова, Шумлы, Варны и др., русскій главнокомандующій Дибичъ перешелъ Балканы и взялъ Адрианополь. Султанъ былъ вынужденъ просить мира, который 2 сент. 1829 г. и былъ подписанъ. Россія получила много турецкихъ городовъ въ Закавказьѣ, земли по р. Пруту, контрибуцію и свободный проходъ судовъ черезъ Дарданеллы. Турція признала также независи-

Князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

мость Греціи и внутреннюю самостоятельность Сербіи.— За блестящіе успѣхи въ этой войнѣ Дибичъ былъ награжденъ титуломъ графа Забалканскаго.

Еще не окончилась турецкая война, какъ началось возстаніе Польши, стремившейся къ отдѣленію отъ Россіи. Въ то же время внутри государства со страшной силой разразилась азіатская холера.

Подъ вліяніемъ революціи во Франціи въ 1830 г., тайныя польскія общества, образовавшіяся еще при Александрѣ I, рѣшили создать изъ Польши самостоятельное государство. Завладѣвъ въ Варшавѣ, а затѣмъ въ крѣпости Модлинъ (теперь Но-

вогеоргиевскѣ] арсеналами, мятежники вооружили население и подняли возстаніе. Противъ нихъ былъ посланъ со 100,000 арміей Дибичъ, который при Гроховѣ нанесъ полякамъ сильное пораженіе. Но онъ не двинулся сразу къ Варшавѣ, благодаря чему усмиреніе Польши затянулось на 7 мѣсяцевъ. Паскевичъ, смѣнившій Дибича, умершаго отъ холеры, взялъ штурмомъ Варшаву и окончательно подавилъ возстаніе. Польша получила новое устройство. Отдѣльное польское войско было распушено, университеты въ Варшавѣ и Вильнѣ, служившіе разсадниками польскаго національнаго движенія, закрыты — вмѣсто нихъ былъ учрежденъ университетъ св. Владимира въ Кіевѣ. Самое управленіе края было приравнено къ управленію русскихъ губерній.

Въ 1848 г. въ Европѣ опять началось революціонное движеніе, которое особенно сильно захватило Австрію. Венгрія, объявивъ себя республикой, отложилаь отъ австрійской короны. Императоръ австрійскій Францъ Іосифъ не могъ собственными силами справиться съ возстаніемъ венгровъ, и въ Варшавѣ просилъ помощи у русскаго царя. Николай Павловичъ благосклонно отнесся къ этой просьбѣ, пославъ въ предѣлы Австріи около 200.000 чел. подъ начальствомъ Паскевича. При Виллагошѣ вождь венгерцевъ Гергей былъ разбитъ русскими войсками и сложилъ оружіе. Возстаніе было подавлено, и во всей Австріи былъ возстановленъ порядокъ и власть императора Франца-Іосифа. Впослѣдствіи Австрія отплатила Россіи за эту услугу, спасшую ея существованіе, черной неблагодарностью, принявъ враждебное положеніе относительно Россіи во время крымской войны.

Успѣхи русскаго вліянія на Востокъ сильно беспокоили европейскія державы, особенно Англію, которая опасалась, что Россія завладѣетъ Константинополемъ, а затѣмъ своимъ черноморскимъ флотомъ вытѣснитъ англійское вліяніе въ Средиземномъ морѣ. Враждебную къ Россіи политику Англии поддерживала и Франція, гдѣ императоръ Наполеонъ III, достигшій престола путемъ государственнаго переворота, искалъ случая вмѣшаться въ европейскія дѣла и принять участіе въ какой-либо серіозной войнѣ, чтобы поддержать свою власть блескомъ и славою побѣдъ французскаго оружія. Поэтому онъ сразу прикнудъ къ Англии въ ея восточной политикѣ противъ Россіи.

Такъ какъ Россія добилась отъ султана права защищать своихъ единовѣрцевъ въ Турціи, то другія европейскія державы потребовали того же для своихъ подданныхъ. Французскій императоръ пошелъ еще дальше: онъ настаивалъ на передачѣ католикамъ ключей отъ храма Вознесенія въ Іерусалимѣ, бывшихъ у православнаго греческаго духовенства. Опираясь на поддержку Франціи, турецкое правительство не только передало католикамъ ключи, но и стало ограничивать православныхъ въ Святой Землѣ, напр. не разрѣшило возобновить куполь надъ храмомъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ, не позволило построить больницу и богадѣльню для русскихъ паломниковъ.

Защищая единовѣрцевъ, императоръ Николай потребовалъ отъ султана соблюденія договоровъ о правахъ Россіи въ Палестинѣ. Когда на это послѣдовалъ отказъ, русскія войска заняли Молдавію и Валахію, а Англія и Франція, чтобы поддержать Турцію, ввели свои флоты въ Дарданеллы. Султанъ, заявивъ Россіи требованіе объ очищеніи дунайскихъ княжествъ въ 15-ть дней, не сталъ ожидать конца этого срока, и въ Азіи началъ враждебныя противъ Россіи дѣйствія. Вслѣдствіе этого 20 окт. 1853 г. императоръ Николай обнародовалъ манифестъ о войнѣ съ Турціей, а въ ноябрѣ открылъ военныя дѣйствія. Въ Синопской бухтѣ русская черноморская эскадра, подъ начальствомъ Нахимова, атаковала турецкій флотъ и послѣ упорнаго боя весь его истребила: только одно судно спаслось бѣгствомъ въ Константинополь и принесло туда вѣсть о гибели флота.

Встревоженные побѣдой Россіи при Синопѣ, Англія и Франція ввели свой флотъ въ Черное море, явно обнаруживая враждебныя Россіи намѣренія. Въ отвѣтъ на это императоръ отозвалъ своихъ пословъ изъ Лондона и Парижа и манифестомъ 9 февр. 1854 г. объявилъ войну Англіи и Франціи.

Въ началѣ военныхъ дѣйствій флоты союзниковъ бомбардировали 10 апрѣля, въ Страстную субботу, Одессу, но безъ успѣха. Затѣмъ англійскія эскадры произвели демонстраціи въ Балтійскомъ морѣ, въ Бѣломъ морѣ, у Соловецкаго монастыря, даже у береговъ Камчатки, но серьезныхъ дѣйствій нигдѣ не предпринимали. Послѣ совѣщанія французскихъ и англійскихъ военачальниковъ было рѣшено нанести ударъ Россіи на Черномъ морѣ и осадить Севастополь, какъ важный военный портъ.

2 сент. 1854 г. близъ Евпаторіи высадились 60.000 армія союзниковъ. На р. Альмѣ ее встрѣтилъ кн. Меншиковъ всего съ 35.000 ч., и, послѣ неудачнаго боя, отступилъ на югъ, къ Севастополю, защита котораго была въ рукахъ прославившихся впослѣдствіи военачальниковъ Корнилова, Нахимова и Тотлебена. Гарнизонъ Севастополя состоялъ всего изъ 11 тыс. человекъ, и укрѣпленія солидной постройки были съ одной лишь приморской стороны, а съ юга и сѣвера крѣпость была почти беззащитна. Поддержанныя сильнымъ флотомъ, союзныя войска взяли штурмомъ сѣверную часть Севастополя и могли скоро овладѣть и южной. Чтобы не допустить непріятельскій флотъ на южную сторону, Меншиковъ распорядился затопить на рейдѣ суда черноморской эскадры, орудія и команды которыхъ были переведены на берегъ для усиленія гарнизона. Кромѣ того, южная сторона лихорадочно укрѣплялась день и ночь.

5 октября началась усиленная канонада по городу союзной артиллеріей, выпустившей около 59.000 снарядовъ. Одинъ изъ главныхъ защитниковъ, Корниловъ, былъ смертельно раненъ ядромъ въ тотъ моментъ, когда спускался, послѣ осмотра позицій, съ Малахова кургана. Осажденный гарнизонъ отвѣчалъ непріятелю, и первая бомбардировка не принесла союзникамъ большихъ результатовъ. Отъ штурма они отказались, и повели усиленную осаду.

Съ наступленіемъ зимы военныя дѣйствія затихли. Императоръ собралъ ополченіе и послалъ его въ помощь защитникамъ Севастополя. Для поддержанія бодрости, въ русскую армію прибыли великіе князья Михаилъ и Николай Николаевичи.

Въ февралѣ военныя дѣйствія возобновились, при чемъ, по приказу императора, русскія войска перешли въ наступленіе близъ самаго возвышеннаго въ Севастополѣ пункта — Малахова кургана. Съ ближайшихъ къ нему холмовъ удалось сбить нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ, и Тотлебенъ тотчасъ же укрѣпилъ занятые холмы.

Среди этихъ событій, императоръ Николай Павловичъ скончался — 18 февр. 1855 г. Вся Россія, а защитники Севастополя особенно, оплакивала усопшаго монарха. Но война продолжалась и при преемникѣ государя, Александрѣ II. Осадныя и оборонительныя работы съ обѣихъ сторонъ шли до конца марта; 28-го

ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ.

Э. И. Тотлебенъ.

В. А. Корниловъ.

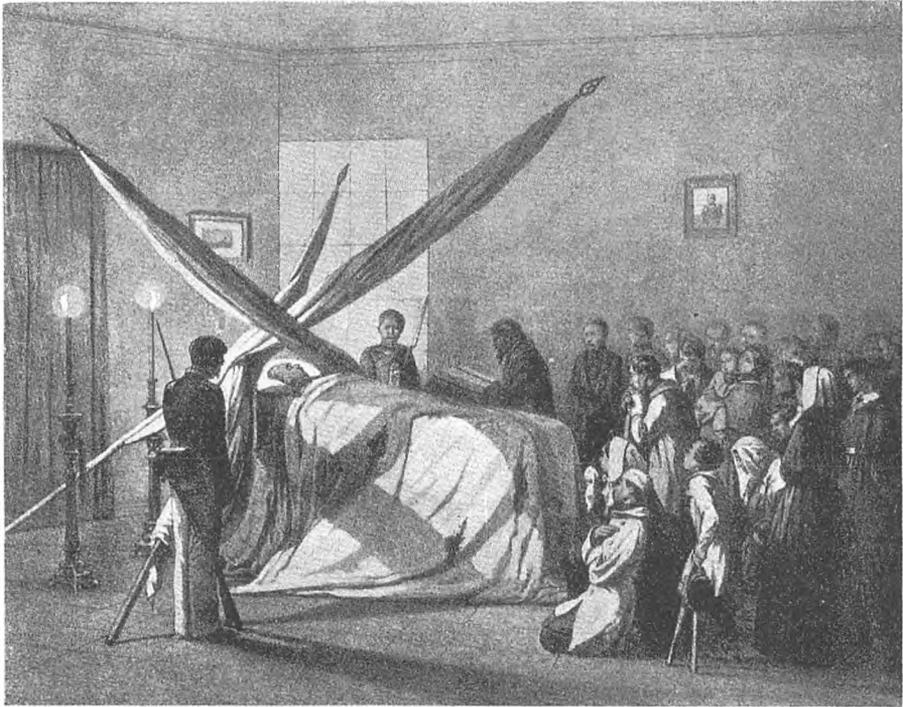

С. А. Хрулевъ.

П. С. Нахимовъ. ||

этого мѣсяца союзники начали бомбардировку съ суши и продолжали ее до 1 апрѣля, затѣмъ скоро опять возобновили ее, и только 7 апр. осажденные вздохнули свободнѣе. Въ составѣ ихъ произошли большія перемѣны. Адмиралъ Истоминъ былъ убитъ. На мѣсто кн. Меншикова императоръ Александръ II назначилъ кн. Горчакова. Въ свою очередь, и у союзниковъ французскій главнокомандующій Канроберъ былъ замѣненъ генер. Пелисье.

Адмиралъ П. С. Нахимовъ въ гробу, покрытомъ прострѣленнымъ ядрами флагомъ съ корабля „Императрица Марія“, на которомъ покойный адмиралъ имѣлъ свой флагъ въ бою при Синопѣ.

Понимая, что Малаховъ курганъ—ключъ обороны Севастополя, Пелисье направилъ всѣ усилія на овладѣніе имъ. 26-го мая, послѣ ужасной бомбардировки, французы взяли въ штыки ближайшія къ Малахову кургану укрѣпленія. Оставалось овладѣть самымъ курганомъ, но это оказалось труднѣе, чѣмъ предполагали нападашіе. 5 іюня началась канонада, 6-го былъ про-

изведенъ штурмъ, но неудачно: генер. Хрулевъ отбилъ всѣ атаки, непріятель долженъ былъ отступить и еще цѣлыхъ 3 мѣсяца велъ борьбу изъ-за кургана, около котораго теперь сосредоточились всѣ силы обѣихъ сторонъ. 8 іюня у защитниковъ крѣпости выбылъ раненый руководитель обороны Тотлебенъ, а 27 іюня ихъ поразила новая тяжелая потеря: Нахимовъ былъ смертельно раненъ въ високъ и черезъ три дня скончался.

4 авг. Горчаковъ началъ наступленіе на позиціи непріятеля у Черной рѣчки, а на другой день далъ тамъ бой, окончившій-

Графъ Бенкендорфъ

ся для русской арміи неудачно. Послѣ этого, съ 6 авг., Пелисье началъ бомбардировку города и продолжалъ ее непрерывно 20 дней. Горчаковъ убѣдился, что оборонять Севастополь дольше невыносимо, и въ случаѣ новаго штурма, крѣпость будетъ взята. Чтобы непріятелю ничего не досталось, стали подводить мины подъ всѣ укрѣпленія, а для перевода войскъ построили пловучій мостъ черезъ рейдъ.

27 авг., въ 12 ч. дня, непріятель двинулся на Малаховъ курганъ и послѣ ужаснаго боя овладѣлъ имъ, при чемъ генер. Хрулевъ, главный защитникъ, былъ раненъ и едва не взятъ въ плѣнъ. Русскія войска тотчасъ же стали уходить по мосту на

сѣверную сторону, оставшіяся суда были затоплены, а укрѣпленія взорваны. Послѣ 349 дней упорной обороны и множества кровопролитныхъ боевъ непріятель овладѣлъ крѣпостью; представлявшей груду развалинъ.

Послѣ занятія Севастополя союзники пріостановили военныя дѣйствія: наступленія внутрь Россіи они не могли начать, не имѣя обозовъ, а сраженія въ открытой мѣстности кн. Горчаковъ, укрѣпившійся съ арміей близъ взятой крѣпости, не принялъ. Зима совсѣмъ прекратила военныя операціи союзниковъ въ Крыму, такъ какъ въ арміи ихъ начались болѣзни.

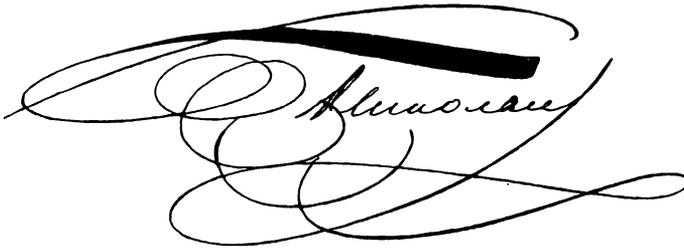
18 марта 1856 г. въ Парижѣ былъ подписанъ миръ, по которому Россія получила обратно Севастополь, но возвратила Турціи взятую на Кавказѣ крѣпость Карсъ. Черное море было объявлено нейтральнымъ, и Россія не могла держать на немъ военного флота, обязавшись также не возводить укрѣпленій на побережьѣ. Восточные христіане перешли подъ покровительство всѣхъ европейскихъ державъ.

Изъ событій внутренней жизни въ царствованіе Николая Павловича важнѣйшими были слѣдующія:—Изданіе „Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи“, въ 45 томахъ (напечатано въ 1830 г.), по которому составлялся „Сводъ Законовъ“; при Николаѣ Павловичѣ, въ 1845 г., былъ утверждено только Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.—Министръ Государственныхъ Имуществъ, графъ П. Д. Киселевъ, далъ образцовое устройство крестьянамъ въ казенныхъ имѣніяхъ. Впослѣдствіи это устройство легло въ основу крестьянскаго быта при императорѣ Александрѣ II.—Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, упорядочилъ денежное обращеніе, установивъ основной платежной единицей, вмѣсто прежнихъ ассигнацій, серебряный рубль. Для увеличенія государственнаго дохода былъ введенъ акцизъ на табакъ и винные откупа. Въ 1838 г. была построена первая въ Россіи желѣзная дорога—Царскосельская, въ 1848 г.—Варшаво-Вѣнская, а въ 1851 г.—Николаевская, соединившая столицы.

Для разработки государственныхъ вопросовъ при императорѣ Николаѣ I служила Собственная Его Величества Канцелярія, состоявшая изъ 4 отдѣленій: I-ое вѣдало дѣла, восходившія на личное разсмотрѣніе государя, и слѣдило за исполненіемъ

Высочайшихъ повелѣній; II-ое разрабатывало законодательство; III-е имѣло общій надзоръ по прекращенію злоупотребленій всякаго рода и завѣдывало высшей государственной полиціей — корпусомъ жандармовъ. Первымъ начальникомъ этого отдѣленія былъ графъ Бенкендорфъ. IV-ое отдѣленіе управляло учебными заведеніями и благотворительными учрежденіями.

Императоръ Николай I, получившій въ исторіи имя „Незабвеннаго“, уже одной своей наружностью производилъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе: онъ былъ высокаго роста, строенъ и величественъ въ обращеніи; въ немъ чувствовалась огромная сила

Подпись императора Николая I.

воли и непреклонность характера. Глубоко-религіозный по всѣмъ своимъ воззрѣніямъ, „Незабвенный“ императоръ начиналъ день слушаніемъ литургіи въ дворцовомъ храмѣ. Говѣлъ онъ всегда по два раза въ теченіе Великаго поста: на первой и на послѣдней недѣляхъ. Въ такой же религіозности онъ воспиталъ и свою семью. Передъ смертью онъ сказалъ наслѣднику, будущему Царю-Освободителю: „Служи Россіи. Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное, счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ...“

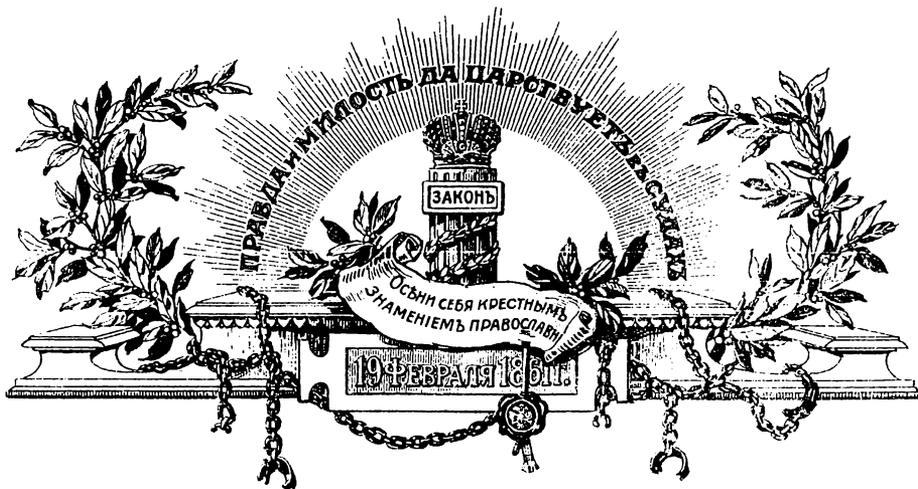
Незадолго до кончины, послѣдовавшей 18 февраля 1855 г., около полудня, императоръ, слѣдуя благочестивому примѣру предковъ-царей, пріобщился Святыхъ Таинъ, а затѣмъ приказалъ отправить въ Москву, Кіевъ и Варшаву телеграммы: „Императоръ умираетъ и прощается со всѣми“.

1855—1881.

Александръ II Николаевичъ.

Александръ II Николаевичъ

(царствовалъ съ 1855 г. до 1881 г.).

Весной 1818 г. вел. князь Николай Павловичъ съ супругой Александрой Феодоровной проводили Святую недѣлю въ Москвѣ, поклоняясь древнимъ святынямъ. Здѣсь, 17 апрѣля, у великокняжеской четы родился сынъ-первенецъ, названный Александромъ.

Хотя въ то время Николай Павловичъ еще не былъ наследникомъ престола, но можно было предвидѣть, что верховная власть перейдетъ къ нему, такъ какъ и самъ императоръ Александръ I и его братъ Константинъ были бездѣтны. Поэтому приращеніе Царствующаго Дома было встрѣчено общимъ ликованиемъ. Тогдашніе поэты привѣтствовали новорожденного торжественными одами, въ которыхъ предсказывали будущее царственного младенца. В. А. Жуковскій называлъ его „временъ своихъ красой“ и представителемъ „обильнаго чествомъ вѣка“.

Воспитаніе Александра Николаевича было поручено В. А. Жуковскому и выдающемуся педагогу того времени Карлу Карловичу Мердеру. Когда ребенокъ подросъ, законовѣдніе ему сталъ преподавать графъ М. М. Сперанскій, а для изученія

военнаго дѣла Николай Павловичъ помѣстилъ сына въ кадетскій корпусъ.

Всѣ воспитатели стремились развить въ цесаревичѣ благородные порывы, любовь къ людямъ, состраданіе и отзывчивость. Мердеръ, наприимѣръ, во время прогулокъ часто заходилъ съ великимъ княземъ въ бѣдные дома жителей на окраинахъ столицы, и всегда юноша, при видѣ горя и лишеній, старался оказать посильную помощь и облегчить нужду.

Чтобы ознакомить сына съ населеніемъ и жизнью того го-

Императрица Марія Александровна.

сударства, которымъ ему предстояло управлять, императоръ Николай Павловичъ отправилъ наследника въ продолжительное (около 7 мѣсяцевъ) путешествіе по разнымъ мѣстностямъ Россіи. Во время его цесаревичъ могъ непосредственно наблюдать, какъ тяжело отражается на всей русской жизни крѣпостное право. Посѣтивъ Сибирь и увидѣвъ тамъ томящихся въ ссылкѣ декабристовъ, Александръ Николаевичъ обратился къ императору съ письмомъ, прося смягчить наказанія ссыльныхъ. Николай Павловичъ внялъ горячей просьбѣ сына, и сроки наказаній декабристамъ были сокращены.

По возвращеніи изъ путешествія по Россіи, цесаревичъ поѣхалъ за границу, гдѣ встрѣтилъ свою будущую супругу, принцессу Марію, дочь великаго герцога гессенъ-дармштадтскаго, и 16 апрѣля 1841 г. вступилъ съ нею въ бракъ.

Достигнувъ совершеннолѣтія, Александръ Николаевичъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи. Во время отлучекъ императора онъ велъ всѣ дѣла, требовавшія для своего рѣшенія участія верховной власти. Часто посѣщая засѣданія Государственнаго Совѣта, Сената и Синода, будущій монархъ могъ хорошо ознакомиться съ ходомъ государственной жизни и узнать потребности страны и населенія.

Вступивъ на престолъ 19 февраля 1855 г., Александръ II продолжалъ крымскую войну, и вмѣстѣ съ двумя братьями самъ отправился въ Крымъ, чтобы благодарить участниковъ защиты Севастополя за ихъ геройство и самоотверженіе и своимъ присутвіемъ влить въ нихъ новыя силы.

Видя, что Россіи для внутренняго преуспѣянія нуженъ прежде всего миръ, императоръ послѣ первой же побѣды русскаго оружія (взятія крѣпости Карса) рѣшилъ начать съ непріателемъ мирныя переговоры, и въ день Благовѣщенія (въ 1856 г.) объявилъ народу давно желанную вѣсть о прекращеніи кровопролитной войны.

26 августа того же 1856 г. въ Москвѣ состоялось коронованіе Александра II, ознаменованное многими великими милостями: прощеніемъ недоимокъ, смягченіемъ наказаній и т. п.

Въ первые же годы царствованія важнѣйшей заботой государя, „святымъ дѣломъ“, по собственному его выраженію, стало рѣшеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ, несправедливость котораго всѣми сознавалась уже давно. Начиная съ Екатерины II, русскіе государи стремились къ уничтоженію крѣпостнаго права и рядомъ смягчающихъ законовъ подготовили его паденіе, осуществленное окончательно императоромъ Александромъ II. Послѣ неудачной для Россіи крымской войны необходимость освобожденія отъ рабства десятковъ милліоновъ населенія страны почувствовалась особенно сильно. Русская литература въ живыхъ и яркихъ образахъ давала картины народнаго угнетенія, вызываемаго крѣпостной зависимостью крестьянъ. Всего лучше это было сдѣлано въ произведеніи И. С. Тургенева „Записки

охотника“, которое въ каждомъ читателѣ пробуждало глубокое чувство стыда за рабское состояніе народа, съ такой любовью описаннаго великимъ авторомъ. Самъ императоръ Александръ II былъ подѣ обаяніемъ „Записокъ охотника“. Однажды онъ прямо сказалъ: „Съ тѣхъ поръ какъ я прочиталъ ихъ, меня ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“.

Вскорѣ послѣ коронаціи императоръ въ своей рѣчи къ дворянамъ Московской губерніи ясно указалъ, что крѣпостное право не можетъ быть долѣе терпимо.

Для проведенія въ жизнь такой великой реформы, кореннымъ образомъ мѣняющей положеніе большей части населенія государства, нужна была, конечно, огромная подготовительная работа. Государь безъ труда нашелъ себѣ способныхъ и глубоко преданныхъ дѣлу сотрудниковъ, принявшихъ на себя всю тяжесть такой работы. Первое мѣсто среди нихъ занялъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, ставшій правой рукой Александра II въ крестьянскомъ дѣлѣ. Но ему не суждено было дожить до дня осуществленія его завѣтной мечты—19 февр. 1861 г. Умирая, онъ обратился къ императору, присутствовавшему при его кончинѣ, съ послѣдними словами: „Государь, не бойтесь!“

Изъ другихъ цѣнныхъ по своей работѣ сотрудниковъ Александра II въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ должно назвать: вел. кн. Константина Николаевича, вел. кн. Елену Павловну, которая первая отпустила своихъ крестьянъ на волю, Николая Алексѣевича Милютина, охранявшаго интересы крестьянъ при выработкѣ „Положенія 19 февраля“, князя Владим. Александр. Черкаскаго и Юрія Ѳеодоровича Самарина.

Но больше всего трудился самъ государь. Изъ высшихъ сановниковъ имперіи онъ учредилъ особый секретный комитетъ, на который была возложена разработка всѣхъ основаній для отмѣны крѣпостного права. Въ 1858 г. этотъ секретный комитетъ былъ преобразованъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу.

На призывъ государя къ дворянству—заняться улучшеніемъ положенія крестьянъ, первыми откликнулись дворяне западныхъ губерній, которые черезъ генераль-губернатора Назимова представили всеподданнѣйшій адресъ съ выраженіемъ готовности отпустить крестьянъ на волю, но безъ надѣленія ихъ землей. На

Графъ Я. И. Ростовцевъ.

Филаретъ, митрополитъ московскій.

Н. А. Милютинъ.

Графъ Д. А. Милютинъ.

этотъ адресъ императоръ отвѣтилъ рескриптомъ отъ 20 ноября 1857 г., положившимъ основаніе для всей дальнѣйшей реформы. Въ немъ предлагалось открыть въ западныхъ губерніяхъ комитеты для разработки вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ и указывалось, что крестьяне должны быть освобождены обязательно съ землей, за которую помѣщики получаютъ справедливое вознагражденіе.

Рескриптъ былъ разосланъ во всѣ губерніи, и скоро изъ многихъ мѣстъ стали поступать предложенія дать крестьянамъ волю и проекты освобожденія. Всѣ эти матеріалы передавались въ Главный Комитетъ для разсмотрѣнія и выработки общихъ положеній реформы.

A handwritten signature in black ink, consisting of a long horizontal flourish at the top, followed by a cursive script that appears to read 'Александръ II', and another long horizontal flourish at the bottom.

Подпись императора Александра II.

Въ октябрѣ 1860 г. проектъ освобожденія крестьянъ былъ уже готовъ и поступилъ въ Государственный Совѣтъ, засѣданіе котораго самъ императоръ открылъ рѣчью:

„Я въ правѣ требовать“,—сказалъ государь членамъ Совѣта,—„отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ..... Я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ кончить это дѣло для будущаго благоденствія любезнаго нашего отечества...“

Въ Совѣтѣ возникли разногласія, но государь принялъ сторону меньшинства членовъ, мнѣніе которыхъ совпадало съ его предуказаніями, и этимъ положилъ конецъ разногласіямъ. Вопросъ былъ рѣшенъ безповоротно.

19 февр. 1861 г., въ день восшествія на престолъ, государственный секретарь Бутковъ доставилъ въ Зимній дворецъ „Положеніе“ объ освобожденіи крестьянъ и манифестъ объ этомъ, написанный московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Послѣ горячей молитвы государь подписалъ оба документа, и 23 милл. людей получили давно желанную свободу.

Чтеніє Положенія 19 февраля 1861 г.

Карт. Г. Г. Мясоедова.

Совершивъ величайшій въ русской исторіи государственный актъ, императоръ почувствовалъ великую радость.—„Сегодня—лучшій день въ моей жизни!“ — сказалъ онъ, цѣлуя свою младшую дочь, велик. княжну Марію Александровну.

5 марта состоялось обнародованіе манифеста. Всеобщее ликование было безгранично, и когда государь показался на улицахъ столицы, народъ привѣтствовалъ его долго не смолкавшими кликами. По всей имперіи манифестъ былъ встрѣченъ какъ величайшее благо, о которомъ народъ мечталъ много лѣтъ. Слушая слова его: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“—толпы крестьянъ въ сельскихъ церквахъ плакали отъ умиленія и радости.

Вскорѣ по обнародованіи акта 19 февр. императоръ сталъ объѣзжать Россію, и всюду благодарный народъ встрѣчалъ Царя-Освободителя съ проявленіями безграничнаго восторга.

Вмѣстѣ съ личной свободой, крестьяне получили землю на выкупъ, съ разсрочкой платежа на 49 лѣтъ, и права гражданскія: свободно избирать мѣстожителство, вести торговлю, открывать фабрики и заводы, заниматься ремеслами и т. п.

За этой главной и основной реформой послѣдовали общія реформы во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни. Въ 1864 г. былъ введенъ новый судъ, „скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ“. Въ томъ же году были дарованы земскія учрежденія, для веденія мѣстныхъ дѣлъ выборными представителями отъ населенія. Въ 1870 г. города получили самоуправленіе. Религіозныя преслѣдованія старообрядцевъ, суровыя въ предшествовавшее царствованіе, были прекращены. Для народнаго просвѣщенія было открыто много среднихъ учебныхъ заведеній и три университета. Вся Россія покрылась народными школами для дѣтей и воскресными школами для взрослыхъ рабочихъ. Было учреждено много специальныхъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, епархіальныхъ училищъ для дочерей духовныхъ лицъ, курсовъ для фельдшерницъ и т. под. Появились библиотеки, читальни, музеи и проч. Число газетъ и журналовъ съ 20 въ началѣ царствованія возросло до 700.

Для облегченія хозяйственной жизни народа, прежде всего

были уничтожены откупа, отмененъ налогъ на соль, основанъ Государственный банкъ, разрѣшено учреждать частные банки, ссудо-сберегательныя товарищества въ деревняхъ, земельные банки для залога домовъ и имѣній и проч. вмѣстѣ съ этимъ стала быстро развиваться промышленность: появились фабрики, заводы, торговыя предприятия и новыя желѣзныя дороги, которыхъ въ концѣ царствованія Александра II было построено уже болѣе 22.000 верстъ. Словомъ, вся жизнь огромной страны измѣнилась послѣ уничтоженія рабства большей части ея насе-

Шамиль.

ленія, получившаго гражданскія права и возможность свободно трудиться для себя и своихъ семей.

Правленіе Царя-Освободителя ознаменовалось значительнымъ расширеніемъ владѣній русскаго государства, главнымъ образомъ на югъ и востокъ. Въ 1859 г. столица предводителя кавказскихъ горцевъ Шамиля, аулъ Ведень, была взята. вмѣстѣ съ самыми преданными приверженцами Шамиль укрылся на неприступныхъ скалахъ Гуниба, гдѣ считалъ себя въ безопасности. Но въ августѣ 1859 г. князь Барятинскій штурмомъ взялъ и Гунибъ. Шамиль сдался и, по повелѣнію государя, былъ переправленъ въ Россію и поселенъ въ Калугѣ. Весь

восточный Кавказъ перешелъ въ русское владѣніе, а вскорѣ покори́лся и западный Кавказъ.

Несмотря на самое благожелательное отношеніе Царя-Освободителя ко всѣмъ подданнымъ имперіи, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, на западной окраинѣ государства, въ Царствѣ Польскомъ, въ 1863 г. поднялось возстаніе противъ русскаго управленія краемъ.

Броженіе среди поляковъ началось еще въ 1861 г. Императоръ Александръ II, для успокоенія Польши, вначалѣ принялъ мягкія мѣры и подготавливалъ рядъ коренныхъ реформъ въ управленіи польскими провинціями. Несмотря на эти мѣры, направленные ко благу края, въ 1863 году въ Польшѣ вспыхнулъ открытый вооруженный мятежъ, который скоро захватилъ юго-западные и сѣверо-западные губерніи. Для подавленія его пришлось двинуть войска. Въ русско-польскія отношенія вмѣшались европейскія державы, Англія, Франція и Австрія, правительства которыхъ, подъ вліяніемъ агитаціи поляковъ-эмигрантовъ, потребовали отъ Россіи дарованія Царству Польскому полного самоуправленія. Русское общество и правительство было возмущено вмѣшательствомъ иностранцевъ во внутреннія дѣла Россіи, и, по повелѣнію государя, канцлеръ кн. Горчаковъ далъ достойный отпоръ посягательству на рѣшеніе внутреннихъ вопросовъ Россіи. Въ юго-западные области былъ назначенъ генералъ-губернаторъ М. Н. Муравьевъ, который энергичными мѣрами скоро подавилъ возстаніе, а въ самомъ Царствѣ Польскомъ мятежъ такъ же быстро былъ усмиренъ намѣстникомъ и главнокомандующимъ войсками Ф. Ф. Бергомъ. Польша потеряла всѣ прежнія льготы. Крестьяне, не примкнувшіе къ возстанію польскаго дворянства, 19 февр. 1864 г. были надѣлены землей и получили самоуправленіе съ выборными волостными старшинами (гминными войтами). Имъ были возвращены земли, захваченныя при освобожденіи мировыми посредниками-поляками.

Расширеніе владѣній Россіи въ царствованіе Александра II особенно значительно было на востокѣ, вглубь Азіи. Послѣ неудачнаго сопротивленія русскимъ войскамъ, мелкія ханства на торговомъ пути изъ Россіи въ Китай—кокандское, хивинское и бухарское—должны были уступить Ташкентъ, Туркестанъ и Самаркандъ. На Дальнемъ Востокѣ Россія приобрѣла правый бе-

регъ Амура, а затѣмъ и весь Уссурійскій край, уступленный Китаемъ.

Одной изъ главныхъ заботъ Александра II было сохраненіе мира Россіи съ европейскими державами. И дѣйствительно, въ теченіе 20 лѣтъ мирныя отношенія съ ними поддерживались, несмотря на осложненія въ международной политикѣ. Но въ концѣ царствованія страданія единокровныхъ славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ вынудили Россію всту-

Графъ Мих. Ник. Муравьевъ, ген.-губ. Юго-западн. края.

питься за угнетаемыя турками племена и поддержать ихъ въ борьбѣ за жизнь и свободу.

Въ 1875 г. въ славянскихъ земляхъ, Босніи и Герцеговинѣ, началось возстаніе противъ Турціи, которая, подавляя возстаніе, стала примѣнять крайнія жестокости. Императоръ Александръ II потребовалъ прекращенія рѣзни христіанъ. Въ балканскія дѣла вмѣшались и другія европейскія державы, выработавшія проектъ реформъ для христіанскаго населенія Оттоманской имперіи. Турція отказалась ввести эти реформы и двинула войска для захвата Бѣлграда, столицы независимаго славянскаго государства Сербіи, помогавшей возставшимъ братьямъ. Россія не

могла допустити разгрома Сербіи, и 12 апрѣля 1877 г. императоръ подписалъ манифестъ о войнѣ съ Турціей.

Главнокомандующими дѣйствующихъ армій были назначены братья государя, вел. князя Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ, а однимъ изъ отрядовъ на Дунаѣ командовалъ цесаревичъ Александръ, вполсѣдствіи императоръ Александръ III. Въ самое тяжелое время войны Александръ II самъ пріѣхалъ къ арміи и самоотверженно сталъ дѣлать съ войсками всѣ трудности похода, утѣшая раненыхъ и награждая отличившихся въ бояхъ. Императоръ провелъ на театрѣ военныхъ дѣйствій 9 мѣсяцевъ.

Въ турецкую кампанію русской арміи пришлось испытать неимовѣрныя трудности и при переправѣ черезъ Дунай и при осадѣ крѣпости Плевны, гдѣ съ 40.000 арміей засталъ лучшій полководецъ Турціи Османъ-паша. Всего тяжелѣе былъ зимній переходъ черезъ Балканы. Но выносливость и стойкость солдатъ, одушевленныхъ ненавистью къ угнетателямъ братьевъ-славянъ, побѣдили всѣ препятствія. Плевна была взята, турецкія войска у Шипки разбиты, и турецкое правительство стало просить мира. 12 февраля 1878 г. Главная квартира русской арміи была уже въ Санъ-Стефано, у воротъ Константинополя, а 19 февраля Турція подписала миръ, согласившись на всѣ требованія Россіи. Но европейскія державы, завидуя успѣху русскаго оружія, настояли на пересмотрѣ условій мирнаго договора на берлинскомъ конгрессѣ, и здѣсь нѣкоторыя уступки Турціи въ пользу Россіи были признаны нарушающими европейское политическое равновѣсіе и подлежащими измѣненію.

Послѣ обсуждения въ Берлинѣ всѣхъ условій мира, Россія получила новыя владѣнія въ Азіи (Карсскую область), часть Бессарабіи у устья Дуная и контрибуцію въ 300 милл. Боснія и Герцеговина были отданы подъ покровительство Австріи. Румынія и Сербія были объявлены независимыми отъ Турціи, а Болгарія была раздѣлена на двѣ части: Восточную Румелію, оставленную подъ высшимъ турецкимъ управленіемъ, и Болгарское княжество съ номинальной зависимостью отъ Турціи, а во внутреннихъ дѣлахъ совершенно самостоятельное.

Славное царствованіе Александра II, полное великихъ преобразованій, окончилось мученической кончиной Царя-Освобо-

дителя. Еще въ первые годы правленія императора въ Россіи появилась революціонная партія, стремившаяся къ низверженію самодержавной власти и задумавшая совершить для этого царевубійство. Покушенія на Священную Особу Государя начались еще съ 1866 г. Но самъ государь не придавалъ имъ значенія, говоря: „Если Богу угодно взять меня, я готовъ...“ 4 апр. 1866 г. въ Петербургѣ на жизнь императора покушался Каракозовъ. Крестьянинъ-костромичъ Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ спасъ жизнь государя въ ту самую минуту, когда злоумышленникъ уже поднялъ руку для выстрѣла. Въ 1867 г. полякъ-фанатикъ Березовскій совершилъ покушеніе на жизнь монарха въ Парижѣ, во время всемірной выставки. 2 апр. 1879 г. было произведено третье покушеніе Соловьевымъ, и въ томъ же году близъ Москвы былъ взорванъ желѣзнодорожный путь въ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ пройти царскій поѣздъ. Въ 1880 г. въ самомъ зданіи Зимняго дворца была взорвана столовая, за минуту до выхода царской семьи къ обѣду. Наконецъ, 1 марта 1881 г., при поѣздѣ кареты государя по набережной Екатерининскаго канала, въ Петербургѣ, подъ царскій экипажъ былъ брошенъ разрывной снарядъ страшной силы. Но изъ разбитой кареты государь вышелъ невредимымъ и подошелъ къ раненымъ взрывомъ проходимъ. Въ этотъ моментъ къ ногамъ императора былъ брошенъ второй снарядъ, разорвавшійся съ ужасной силой и тяжело ранившій государя. Истекающій кровью монархъ былъ доставленъ во дворецъ, гдѣ, не приходя въ сознаніе, скончался въ 3 ч. 35 м. пополудни.

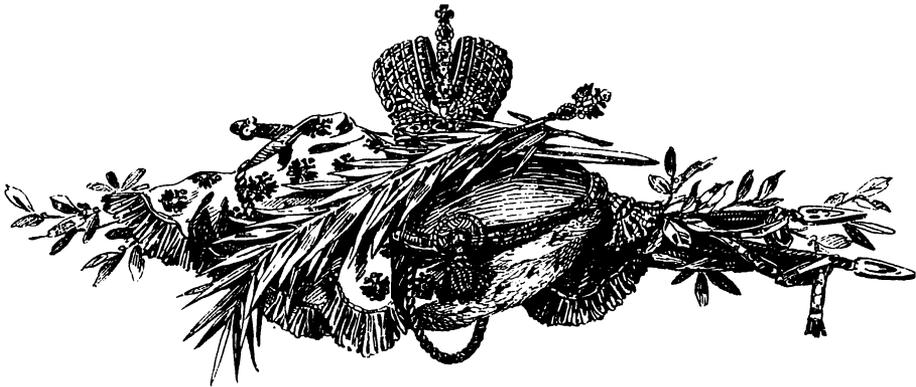
Вся Россія содрогнулась отъ ужаса и горя при вѣсти о мученической кончинѣ Царя-Освободителя. Милліоны людей рыдали, скорбя о безвременной смерти своего обожаемаго государя, освободившаго русскій народъ отъ узъ вѣкового рабства и даровавшаго ему великія благодѣянія. Образъ Царя-Мученика навѣки остался въ сердцахъ благоговѣнно чтущихъ Его память подданныхъ, превращенныхъ, по манію царя, изъ подневольныхъ рабовъ въ свободныхъ гражданъ государства.

1881—1894.

Александръ III Александровичъ.

Александръ III Александровичъ

(царствовалъ съ 1881 г. до 1894 г.).

Послѣ мученической кончины императора Александра II на всероссійскій престолъ вступилъ его второй сынъ, Александръ Александровичъ. Старшій сынъ Царя-Освободителя, цесаревичъ Николай, скончался въ молодомъ возрастѣ (22 лѣтъ), и послѣ его смерти наслѣдникомъ былъ объявленъ слѣдующій по возрасту братъ скончавшагося.

Непродолжительное, но славное царствованіе императора Александра III еще у всѣхъ свѣжо въ памяти. Поэтому мы не будемъ останавливаться на немъ столь подробно, какъ на другихъ царствованіяхъ, а отмѣтимъ лишь основную черту правленія преемника Царя-Освободителя.

Императоръ Александръ III наслѣдовалъ государство, глубоко потрясенное внутренней смутой, и первой его заботой было успокоеніе страны, взволнованной цареубійствомъ. Рядомъ глубоко мудрыхъ законодательныхъ и иныхъ мѣръ новаго государя это успокоеніе въ скоромъ времени было достигнуто. Жизнь страны вошла въ свое обычное русло, и мирный трудъ сталъ увеличивать народное благосостояніе. Значеніе Россіи среди европейскихъ державъ быстро поднялось на недостигаемую высоту. Къ слову русскаго государя, какъ къ высшему закону,

прислушивался весь міръ. А это слово во все время царствованія императора Александра III неуклонно преслѣдовало одну великую цѣль—мирное развитіе Россіи подъ сѣнью царской власти. Для императора, увѣковѣченнаго въ потомствѣ славнымъ именемъ Царя-Миротворца, не было желанія сильнѣе и заботы священнѣе великаго дѣла—сохраненія и поддержанія мира народнаго. Дѣйствительно, твердая политика государя Александра III во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ дала Россіи цѣлыхъ 13 долгихъ лѣтъ непрерывнаго мира и благоденствія. Это было рѣдкое царствованіе, въ теченіе котораго государственный мечъ ни разу не вынимался изъ ноженъ, и пахарь не призывался отъ воздѣлываемаго поля жатвы на поле кровавой брани.

Къ несчастію Россіи и всего міра, царствованіе Александра III было очень кратковременно: 20 октября 1894 г. государь въ расцвѣтѣ силъ безвременно скончался, и на престолъ вступилъ благополучно царствующій нынѣ Государь Императоръ Николай Александровичъ.

ТРЕХСОТЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ
1613–1913

Редактор *Н. И. Суворова*
Художник *Е. В. Прохоров*
Художественный редактор *В. В. Покатов*
Технический редактор *В. И. Тушева*

ИВ № 6242

Подписано к печати с готовых диапозитивов 22.07.91. Формат 70×90¹/₁₆. Печать офсет. Бумага офс. № 1. Усл. кр.-отт. 46,95. Усл. печ. л. 23,4+вкл. 0,15. Уч. изд. л. 16,81. Тираж 150 000 (1—75 000) экз. Заказ 413. Цена 22 руб.

Издательство «Современник»
Министерства печати и массовой информации РСФСР
и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Отпечатано с готовых диапозитивов на полиграфическом предприятии «Современник» Министерства печати и массовой информации РСФСР
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30
Совместное предприятие «Лексика», Москва, ул. Тихвинская
1/13, строение 2

